

Д. Дж. Андерсон

ТУНДРОВИКИ

ЭКОЛОГИЯ И САМОСОЗНАНИЕ
ТАЙМЫРСКИХ ЭВЕНКОВ И ДОЛГАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УНИВЕРСИТЕТ АЛЬБЕРТЫ
АДМИНИСТРАЦИЯ ТАЙМЫРСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Д. Дж. Андерсон

ТУНДРОВИКИ

ЭКОЛОГИЯ И САМОСОЗНАНИЕ
ТАЙМЫРСКИХ ЭВЕНКОВ И ДОЛГАН

D. G. Anderson

TUNDROVIKI:

THE ECOLOGY AND IDENTITY OF THE
TAIMYR EVENKIS AND DOLGANS

Ответственный редактор канд. филос. наук Ю. В. Попков

Авторизованный перевод с английского
Ред. перевода Н. Б. Вахтин

Новосибирск
Издательство Сибирского отделения
Российской академии наук
1998

А65 **Андерсон Д. Дж. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 1998. – 272 с.**

В монографии представлен перевод книги канадского этнографа о жизни эвенков и долган Заполярного региона Средней Сибири. На основе долгосрочных полевых исследований, в том числе включенного наблюдения, автор дает комплексное описание институтов повседневности жителей одного совхоза с акцентом на анализе взаимоотношений населения поселка и работников тундры, участия государственных учреждений в кодификации национальной идентичности и роли территориальности в советской и постсоветской политике.

Рекомендовано к печати Институтом философии и права СО РАН.

Публикуется в авторской редакции.

Anderson D. G. Ecology and Identity of the Taimyr Evenkis and Dolgans. – Novosibirsk: Publishing House of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1998. –272 p.

This translation of the work of a Canadian ethnographer examines the lives of Evenkis and Dolgans living in the Arctic zone of central Siberia. Based upon long-term field research and participant observation, the author describes the institutions of everyday life within one state farm focusing upon the interrelationship between villagers and tundra-dwellers, the role of state agencies in codifying identity, and the importance of territoriality in Soviet and post-Soviet politics.

Выпущено Издательством
Сибирского отделения
Российской академии наук.
Лицензия ЛР 020909 от 01.09.94 г.
Издательский код 98E(03).

© Дэвид Андерсон, 1998.
© Оформление:
Издательство СО РАН, 1998.

ISBN 5-7692-0163-6

Предлагаемая вниманию читателей книга канадского этнографа Дэвида Андерсона примечательна не только как серьезное научное исследование, но и как своеобразный символ, топографический знак водораздела: выход в свет этой книги знаменует собой конец одной эпохи в развитии российского североведения и начало другой.

Российская этнография, и в частности североведение, никогда не замыкались в узко-национальных границах: и в XVIII, и в XIX, и в начале XX столетия иностранные ученые вносили заметный вклад в изучение Сибири и Севера. Достаточно вспомнить полевые исследования Маттиаса Кастрена, заложившего основы изучения тунгусо-манчжурских и самодийских языков, или работу (не вполне добровольную) в Сибири и на Сахалине Бронислава Пилсудского, оставившего громадные материалы по языкам и культуре народов Дальнего Востока, прежде всего айнов. Однако это сотрудничество, как представляется, было значительно глубже и серьезнее, чем просто отдельные экспедиции западных ученых в Сибирь и на Крайний Север.

Не слишком погрешив против истины, можно сказать, что российское североведение, то есть этнографическое и лингвистическое изучение малочисленных народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, не только развивалось в теснейшем контакте с западной, прежде всего американской, социальной антропологией, но и во многом имело с ней общие корни. Это становится очевидным, если вспомнить, что основатель современного российского североведения, многолетний директор Института народов Севера (ИНСа) Владимир Германович Богораз вместе с Владимиром Ильичем Иохельсоном (позднее в этот процесс включился Лев Яковлевич Штернберг) в 1900-1902 гг. принимали участие в знаменитой экспедиции нью-йоркского Музея естественной истории, которую финансировал президент музея Моррис Джесуп, а возглавлял один из основателей американской антропологии Франц Боас. Собственно экспедиции предшествовали несколько лет научной переписки между

Богоразом, Иохельсоном и Штернбергом, с одной стороны, и Боасом, с другой, а непосредственно перед началом экспедиции российские ученые провели несколько месяцев в Нью-Йорке, где напрямую общались с Боасом, пользовались его научными консультациями, можно сказать, учились у него. Многие из того, что они тогда узнали – от организации учебных программ до последних достижений антропологической науки, от важности полевой работы до организации музейных экспозиций – было ими впоследствии воплощено при постановке этнографического образования в ИНСе, организации полевой экспедиционной работы, и даже при оформлении выставочных залов Музея антропологии и этнографии, в котором до своей смерти в 1927 году работал Штернберг.

Эти ученые сумели за короткий срок подготовить целое поколение молодых и талантливых североведов, передать им не только свои знания, но и свою убежденность в важности длительной полевой работы, в необходимости для любого этнографа хорошего знания языка изучаемого народа, а главное – в необходимости для любого этнографа или лингвиста, занимающегося Севером, отдавать свои знания делу *практического* социального, культурного и политического строительства на Севере. Это молодое поколение к концу 1920-х – началу 1930-х годов уже работало и в ИНСе, и в институтах Академии наук, и в Государственном университете, и в крупнейших этнографических музеях Ленинграда. Североведение было на подъеме, молодежь с энтузиазмом шла на эту новую “экзотическую” специальность, которая давала одновременно возможность и заниматься интереснейшей областью науки, и проявить себя в качестве “культуртрегера”, строителя новой жизни для малочисленных народов Севера и Сибири.

Далее идет период, когда полевые исследования в Сибири и на Севере для западных социальных антропологов были на несколько десятилетий прекращены. Сибирь и Север оказались закрыты для мировой науки по меньшей мере на 60 лет; это белое пятно “открылось” только с началом перестройки. Лишь в конце 1980-х годов американские и европейские ученые вновь получили доступ к полевым исследованиям в этих районах.

Почти единственным исключением из этого правила является д-р Марджори Манделстам-Бальзер, которая сумела получить возможность заниматься полевой работой, изучением современных социо-культурных процессов в Якутии еще в 1975 году. Достаточно рано, в 1986 году, начал свою работу в России и нынешний руководитель программ социальных исследований Полярного института имени Скотта при Кембриджском университете д-р Пирс Витебски, исследователь якутского оленеводства, якутского и эвенкийского шаманизма.

За десять лет, пролетевших с момента, когда западных ученых начали снова пускать в Сибирь и на Север, антропологи и этнографы не теряли времени даром. За эти годы на Таймыре и в Якутии, на Чукотке и на Сахалине, на Камчатке и на Ямале побывало более десятка молодых западных исследователей, получивших университетское образование по социальной антропологии в США, Канаде, Англии, Норвегии, Франции, Германии и приехавших на Север для сбора материала для своих научных проектов. Перечислю только некоторых из них. Дэвид Андерсон (исследования этнических процессов и этнического самосознания таймырских эвенков и долгам, 1992-97), Алексия Блок (исследования эвенкийских интернатов, образования среди коренных народов, 1996-98), Брус Грант (исследование процессов советизации у нивхов Сахалина, 1993-95), Патриция Грей (исследования современного социального положения и этнического самосознания городской части коренного населения Чукотки, 1994-98), Анна Кертутлла (исследование современного состояния китобойных культур азиатских эскимосов и приморских чукчей, 1989-1992), Дэвид Кестер (исследования социализации молодого поколения ительменов Камчатки, 1994-96), Петра Ретманн (исследования положения корякских женщин в социо-культурном контексте современной Камчатки, 1994-96), Гейл Фондад (влияние индустриализации на оленеводство эвенков, 1996-98), Петер Швайцер (исследования социальной организации, истории и современных политических и общественных движения коренных народов Чукотки, 1990-98).

В этот далеко не полный список входят только те западные ученые, которые уже заявили о себе: закончили полевые исследования по теме, защитили диссертации, опубликовали книги. Следом за этими “пионерами” идет новая волна молодых западных антропологов, уже работающих или собирающихся работать на Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Главное отличие тематики исследований западных ученых от работ их российских и советских предшественников бросается в глаза при одном взгляде на перечисленные выше темы. Ключевым здесь является слово *современность*: западные антропологи обходят такие традиционные для советской этнографии темы, как этногенез, этническая история, традиционная материальная и духовная культура, и сосредотачиваются на современном состоянии, современном самосознании, современных политических и социальных процессах, происходящих на Севере и в Сибири. Одна из причин этого – просто в том, что в конце 1980-х – 1990-е годы в этих регионах происходят исключительно интересные, сложные и противоречивые процессы, мимо которых не может пройти ни один

серьезный и увлеченный исследователь. Другая причина – в традициях западной социальной антропологии (и того североведения, которое складывалось в нашей стране в 1910-е – 1920-е годы), для которых всегда было характерно обостренное внимание не столько к традиционному, старому, ушедшему или уходящему состоянию культур, социумов и языков, не столько к тому, что называют “музейной” этнографией, сколько именно к сегодняшним проблемам и процессам, к реальному социальному, культурному и языковому состоянию изучаемых народов.

Книга Дэвида Андерсона, которую читатель держит в руках, является именно таким исследованием – острым, современным, злободневным, часто спорным, но всегда увлекательным. Я убежден, что современным российским этнографам-североведам (а может быть, и не только североведам) будет интересно прочесть эту книгу, в которой во многом знакомый им материал, хорошо знакомый регион, многократно описанный народ увиден по-новому, глазами ученого, для которого понятие “социальная антропология” наполнено совсем иным смыслом, чем для нас – понятие “этнография”.

Я надеюсь, что русский перевод книги Дэвида Андерсона поможет дальнейшему сближению российской и западной этнографических школ, поможет ученым двух традиций лучше понимать друг друга, поможет, наконец, вернуть североведение в то его нормальное состояние, когда ученых волнует не гражданство или идеологическая ориентация своих коллег, а талант и добросовестность авторов и качество научных результатов.

Н.Б.Вахтин
доктор филологических наук
Институт лингвистических исследований РАН

Предисловие автора к русскому изданию

Тундровики, рассказывая о своей жизни, зачастую сравнивают ее с дорогой. Издание этой книги на русском языке автор мог бы с полным основанием назвать завершением долгого пути, пройденного им вместе с хантайскими эвенками и долганами. С декабря 1992 г. до августа 1993 г. и во время кратковременных встреч в 1995 и 1997 гг. жители Хантайского Озера делились со мной рассказами о своей жизни и о своей земле. Эта книга - мое ответное слово далеким друзьям.

Настоящее издание является несколько измененным переводом моей докторской диссертации, которая была защищена на кафедре социальной этнографии Кембриджского университета (Великобритания) в 1995 г. Наш совместный замысел с переводчиком Н. Б. Вахтиным состоял в том, чтобы дать русскому читателю по возможности точный перевод английской диссертации, который помог бы сибирякам и российским ученым получить представление о стиле и задачах западной этнографии. По истечении двух лет работы поочередно над тремя вариантами рукописи мы вынуждены были произвести некоторые дополнения и, к нашему сожалению, отказаться от некоторых интересных интерпретаций и, в силу ряда технических причин, от значительного количества статистических таблиц. Одновременно я удержался от желания внести в работу результаты своих новых наблюдений и новые мысли, которые появились у меня со времени написания диссертации. Я смею заверить, что публикуемая работа адекватно отражает мои этнографические наблюдения 1993 г. и почти полностью соответствует той научной интерпретации, которая содержится в английском оригинале. С первым, оригинальным, вариантом моего исследования читатель может ознакомиться в американском издательстве «University Microfilms International» (рукопись No. 9708311) либо в фондах Таймырского краеведческого музея г. Дудинки.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В языке эвенков нет слова "пурга", но есть слово "ветер" – *эдын*. Опытному тундровику, движущемуся между гладкими пригорками тундры или по лиственничному лесу под прикрытием гор, ни к чему специальное название для слепящей смеси снега и ветра, именуемой по-русски пурга. Человек, живущий на этой земле, обучается обходить продуваемые ветром места. И если охотник оказывается на открытой местности, – а именно на юру стоит большинство построенных русскими городов и поселков, – ему проще пользоваться русским словом.

Для путешественника, впервые приехавшего в район Сибири, называемый "Таймыр", новые ощущения, связанные с ветром, могут оказаться довольно неожиданными. Аэропорты и районные центры построены не в защищенных от ветра местах, а в пунктах, удобно расположенных для приема механизированного транспорта и отправки продукции в другие промышленные центры Российской Федерации. Эти практические транспортные узлы дают превратное представление о крае. Они рассчитаны на доставку людей и грузов с максимальной скоростью, по прямой, без всякой оглядки на ритм жизни этого края. Глядя на тундру из замерзшего окна аэропорта, не узнаешь, какой именно склон горы окажется менее ветреным или из какой именно ложбины ветер выдует снег. Со временем начинаешь видеть Таймыр не как окраину промышленного мира, а как цепочку мест, умело выбранных многими поколениями людей за уникальное свойство укрывать живое от ветра, бушующего в пространствах между тундрой, тайгой и острыми горными хребтами.

Существует два аэропорта, через которые можно попасть на Таймыр. Большой грузовой аэропорт Норильск-Аякель принимает в день как минимум два московских рейса, а также самолеты из других городов. Он построен на большом открытом плато, которое, как рассказывают, долганы и ненцы, коренные жители этих мест, прежде считали "ничьей землей". Меньший аэропорт в районном центре Дудинка построен на открытом острове, расположенном в том месте, где река Дудинка впадает в широкий Енисей. Сюда можно прилететь из Красноярска и, если позволит ветер и уровень воды, улететь отсюда в любой из мелких поселков.

Оказавшись в декабре в одном из этих аэропортов, сразу понимаешь значение слова *пурга*. На полуострове Таймыр она бушует почти непрерывно; чтобы посадить самолет на обледеневшую полосу в Дудинке, пилотам приходится выжидать мгновение затишья среди ураганных порывов ветра. Когда летишь из краевого центра, находящегося в 1500 км к югу, видишь, как холодная погода континентального центра Сибири сгущается в пузырящемся внизу вихре. Полуденный свет, довольно яркий на высоте, на которой летит самолет, внезапно исчезает при посадке. Кажется, что облака прочертили границу между южным днем и полярной ночью. Умом новичок понимает, что попал на темную сторону земного шара, но все равно возникает ощущение, что улетел за край земли.

Сойдя с самолета, немедленно ощущаешь запах ветра, его теплое и сильное дыхание. Идти против ветра не сгибаясь практически невозможно. За дымкой, создаваемой вихревой смесью снега и ветра, исчезают ближайшие горы, а хорошо освещенные жилые кварталы растворяются в молочном тумане. В Дудинке за несколько часов пурга может наместить снега до третьего этажа многоэтажного дома; утром терпеливый тракторист снова сгребет его. Зимой 1992-1993 года Таймыр был засыпан слоем снега, вчетверо превысившим среднюю годовую норму.

Я улетел из Дудинки в поселок Хантайское Озеро специальным рейсом министерства образования, который должен был доставить снегоходы для школы. Рейс уже откладывался более чем на месяц из-за "нестыковок в расписании", которые, как выяснилось, заключались в отказе пилотов вручную грузить в самолет машины весом под тонну. Меня заверили, что рейс скоро состоится; очевидно, тут сыграла роль редкая возможность доставить в поселок канадского этнографа. На третий день переговоров конфликт был разрешен: аэропорт предоставил маленький биплан по цене тяжелого вертолета (разница, скорее всего, исчезла в карманах пилотов или диспетчеров). В качестве пассажиров летели: сопровождавший снегоходы учитель (муж школьной директрисы), двенадцатилетний мальчик, исключенный из дудинского интерната за мелкое воровство, и учитель из соседнего поселка Потапово. Вдобавок к двум снегоходам мы взяли на борт мой чемодан с кассетами, зимней одеждой и тетрадами и такие же по размерам чемоданы учителей, которые, как впоследствии выяснилось, были набиты незаконным грузом – бутылками спиртного. У мальчика-эвенка единственной "ручной кладью" была подаренная мною пачка жевательной резинки.

В день вылета нам повезло: сильный мороз и полное безветрие. Погрузка снегоходов в самолет заняла часа два; за это время и без того красные лица учителей окончательно приняли вид обмороженных. С двигателя сняли защищавшие его от мороза стеганные одеяла, и единственный пропеллер ожил. Двое пилотов, замораживая своим дыханием ветровое стекло, начали раскачивать самолет взад и вперед, высвобождая льжки от смерзшегося снега; потом они хлопнули друг друга по плечу и прокричали: "С Богом!", перекрывая шум мотора. Самолет тяжело покати́лся по ледяной полосе и взлетел в темную синеву полуденного сумрака.

После нескольких дней волнующего ожидания и переговоров полет в Хантайское Озеро был удивительно коротким и легким; казалось, что поселок находится по соседству с Дудинкой. Расстояние там небольшое – 250 км по прямой или 370 км по авиационным коридорам, петляющим между горными вершинами. Местность постепенно менялась: продуваемая ветрами тундра сменилась долинами с гладкими холмами, пятнами лиственничного леса и, наконец, передней грядой плато Путоран, покрытой глубоким снегом. За два коротких часа полета слабый дневной свет заметно померк. Впервые я увидел поселок из кабины самолета: показался одинокий навигационный прожектор посреди большого озера, на юге – замерзшие скалы, верхушки которых были скрыты облаками. Эти облака, сдуваемыми ветром с гор, беспокоили пилотов. Пурга всегда приходит неожиданно и всегда с юга и может задержать путешественников на много недель. Не тратя время на обязательный круг над поселком, пилоты поспешно посадили самолет и принялись торопить местных грузчиков, чтобы те побыстрее выгружали снегоходы и вещи. Самолет сразу же развернулся для обратного полета в Дудинку.

На земле, в месте, куда я стремился в течение двух лет, я был немедленно усажен в ожидавший вездеход и доставлен на квартиру к директору школы. Большая толпа взрослых и детей, окруженная собаками, встречала самолет. Некоторые явно предвкушали, как доберутся до содержимого учительских чемоданов (и откровенно поглядывали на мой). В тот вечер, обмениваясь тостами с местными представителями интеллигенции, я еще плохо понимал, какой тайный смысл связывали в поселке с моим приездом. Я сидел в компании учителей и транспортников и не мог понять, почему многочисленных посетителей, заходивших со мной познакомиться, решительно отсылали прочь. Позже выяснилось, что в условиях разрушающейся экономики некоторые учителя, на свою зар-

плату с трудом сводившие концы с концами, используют спецрейсы для доставки в поселок водки, продавая ее местному населению. Посетители вовсе не рассматривали мое пребывание в данной компании как часть научного проекта, призванного "нести свет грамотности и знаний в этот забытый уголок", как следовало из тостов директора. Они полагали, что в поселок прибыл торговец-иностранец (может быть, даже поляк) с грузом экзотического алкоголя для продажи. Только по прошествии нескольких месяцев я понял смысл улыбок и подмигиваний, обращенных ко мне в тот вечер.

Мне сразу стало ясно, что я надолго останусь в этом месте. Следом за тем, что русские называли "исключительно неудачной погодой", вскоре последовала череда поминок по умершим. Дело в том, что эвенки и долганы верят, что, когда умирает старый человек, пурга приходит с юга на все время, пока тело не погребено. После похорон покойник, старик или старуха, забирает с собой душу ребенка. Мой приезд совпал со смертью пожилого человека, и сразу последовала, как и предсказывалось, смерть ребенка. Потребовалось две недели, чтобы оба ритуала похорон были завершены и чтобы перестал бушевать ветер и расчистилось небо.

И тогда я впервые обнаружил, что этот горный поселок на берегу величественного озера окружен самой потрясающей горной грядой, которую я когда-либо видел.

ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ

Целью данной книги является ответ на главный вопрос моих таежных хозяев: кто такие таймырские эвенки? В последующих главах для поиска ответа на этот сложный вопрос мы рассмотрим историю одного конкретного поселка, попытаемся понять природу национального самосознания в ситуации, когда оно ставится под сомнение органами власти, и осознать полезность националистической риторики для предъявления политических требований. Хотя эвенки в долине нижнего Енисея и далеки от формулирования националистических программ в классическом смысле слова, прозвучавшие недавно заявления о национальных корнях, правах на землю и кровном родстве проливают свет на возникновение социальных движений, фокусирующихся на национальном самосознании. Определив три формы проявления самосознания у эвенков, я надеюсь представить достаточно полный этнографический отчет о повседневной жизни, культуре и экономике эвенков долины нижнего Енисея. Данное исследование впервые представляет этот народ русским и английским читателям. Именно благодаря моим намерениям написать о них книгу, которых я не скрывал, мои хозяева допустили меня в свою жизнь.

1.1. Исследователь и место

Поселок Хантайское Озеро был выбран мной для полевой работы значительно более разнообразной, чем то, что рассматривается в этой работе. Я хотел найти место и народ в российском заполярье, которые напоминали бы географические условия и экономику жителей заполярных районов Канады. Эти намерения были связаны с моей биографией. С 1983 по 1986 гг., еще до аспирантуры и до начала занятий антропологией, я работал два лета и полный год на администрацию индейского племени в Форт-Макферсон на Северо-западных Территориях. Кутчин – жители Форт-Макферсон – впервые привили мне вкус к жизни в Арктике – земле, которая открывается людям через сказания, сны и звериные тропы. Они познакомили меня и с тем, как могут нарушаться хрупкие взаимоотношения людей и природы при столкновении с государственным регулированием и могущественными сырьевыми корпорациями. С научной точки зрения изучение сходного сибирского сообщества, которому еще не приходилось бороться с капиталистическими корпорациями, я стремился показать, что промышленное развитие может протекать и по иному сценарию. В личном плане, перенос моего канадского опыта на

Сибирь был в то же время способом удовлетворить интерес к России, унаследованный от родителей.

Таймырский автономный округ – идеальное место для сравнительных полевых исследований. Географическая уникальность Таймырского полуострова состоит в том, что тундровые болота на нем простираются за 74° северной широты (это – самый северный континентальный полуостров в мире), а его южная часть расположена на более умеренном 69° северной широты. Южный Таймыр ограничен широкой рекой Енисей, горным плато Путоран и покрыт широкими заплатами лиственничного леса. Уникально здесь и большое мигрирующее поголовье дикого оленя, продолжающее служить коренному населению основным источником питания. Географическое сочетание крупной северной реки, богатой рыбой, традиционной экономики, основанной на охоте на дикого оленя, и нескольких долин, населенных носителями различных языков, сразу напоминает о сходных циркумполярных регионах вроде дельты реки Маккензи.

Культурное разнообразие и богатая история долины нижнего Енисея увели меня в сторону от первоначального замысла сравнительного исследования. Я упоминаю здесь об этом потому, что это все же составило важную часть полевой работы. Моя готовность провести длительное время в постоянном холоде и стесненных условиях во многом была вызвана тем, что я был уже прежде знаком с подобным климатом. Мой опыт в ходьбе на лыжах, колке дров и добывании воды из-под льда позволил мне стать пусть неуклюжим, но не бесполезным участником жизни бригады. Наконец, мои рассказы и фотографии стали отправной точкой для контактов с эвенками, поскольку выяснилось, что они, так же как и я, ощущали общность канадской и российской Арктики и очень интересовались, какой может быть жизнь по ту сторону Северного Ледовитого Океана.

Первоначально поселок Хантайское Озеро мне порекомендовала Галина Николаевна Грачева, работавшая тогда в Музее антропологии и этнографии в Петербурге. Грачева, погибшая в мае 1993 года во время этнографической экспедиции, проходившей одновременно с моей, несколько десятилетий проработала в долганских и нганасанских поселках Усть-Аваме и Волочанке и в 1976 году побывала в Хантайском Озере (Грачева, 1983). Она с самого начала заинтриговала меня сообщением, что на Таймыре живут эвенки, и рассказав о загадках их самосознания. До января 1992 года я, как и многие современные специалисты по Сиби-

ри, считал, не давая себе труда разобраться, что этнический состав Сибирских административных образований совпадает с их названиями, поэтому в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе я ожидал встретить исключительно долган и ненцев. Именно энтузиазм Грачевой в изучении этого забытого уголка на этнографической карте России укрепил меня в желании заняться этим проектом, несмотря на неблагоприятные обстоятельства исследования и здравый смысл, которые толкали меня отправиться в более благополучное место.

Хотя хантайские эвенки, возможно, и забыты профессиональными этнографами, они, тем не менее, принадлежат к одному из самых широко распространенных народов восточной Азии. Эвенки расселились широкой дугой, идущей от северной оконечности Камчатки вглубь тихоокеанского побережья, в Манчжурию и восточную Монголию, и далее к северу вдоль долины реки Енисей на Таймыр. В центре этой дуги эвенки (и их родственники – эвены) живут бок о бок с тюркоязычными якутами. По переписи 1989 года их численность в Российской Федерации составляла 29.901 человек (из них 311 на Таймыре). Таймыр представляет собой самый северный район их проживания и, за исключением поселка Советская Речка (Туруханский район) и Томской области (Симонов 1983; Василевич 1931а, 1931б), самым западным пунктом расселения эвенков. Полный обзор работ, посвященных эвенкам долины нижнего Енисея и плато Путоран, можно найти у Рычкова (1917-23), Лебедевой (1960), Туголукова (1963, 1985) и Василевич (1951; 1972)¹ Обычно этнографы знают об эвенках, что те приручают северного оленя, говорят на языке тунгусо-манчжурской семьи и имеют смешанную экономику, включающую охоту, рыболовство, выпас северных оленей и торговлю исключительно с таежными регионами. Почти все этнографы подчеркивают экстенсивное землепользование и широкое знание обычаев и языков соседей. Лучше всего эвенки известны англоязычному читателю благодаря своим шаманил (шаманам), которые владеют особыми знаниями людей, духов животных и мест (Shirokogoroff, 1935).

¹ Дополнительным богатым источником неопубликованных этнографических материалов являются архивы К.М.Рычкова (АИВ, фонд 49), А.Я.Тугаринова (АРАН, фонд 135) и А.А.Попова (АМАЭ, фонд 14), а также записи землеустроителей (АМАЭ, фонд К-2; ГАКК, фонд Р-1845). Заметки о регионе Хантайского Озера встречаются также у Степанова (1835), Миддендорфа (1869), Кастрена (1860), Третьякова (1869).

Хантайские эвенки не отличаются по своим традициям и укладу жизни от "классических" эвенков, описанных в литературе. Вплоть до конца 1960-х годов эвенки в Хантайском Озере широко использовали верховых оленей для охоты, рыбалки и при торговле с якутами, энцами, русскими и эвенками. Их язык представляет собой северный диалект эвенкийского, на котором говорят в Чиринде и Туре (Эвенкийский автономный округ)². Исторически их территория не пересекала границы лиственничного леса, проходящей далеко к северу через перерезанную хребтами равнину Таймыра. Хотя сегодня о шаманизме почти ничего не говорится, умолчания в рассказах о покойных шаманах, большое число покинутых ритуальных мест и связанных с ними названий позволяют предположить, что здесь также было развито искусство глубоко заглядывать в души живых существ.

В этом самом северном и западном районе расселения эвенков порой встречаются энецкие и якутские заимствования в области технологии, мифологии и лексики. Воистину уникальными хантайских эвенков делает то, что по указке государственных чиновников вокруг них выкроена территория, на которой преобладают долганы и ненцы. Подобно якутской диаспоре, живущей на озере Ессей (Эвенкийский автономный округ), или на бывшей станции Якуты (Туруханский район), они оказались изолированными от своих родственников на национальной родине (карта 1). Положение эвенков на политической карте административно расчлененной страны придает вопросу об их самосознании огромное социальное значение.

Перед тем как прилететь в Хантайское Озеро в декабре 1992 года, я три месяца изучал эвенкийский язык под руководством лингвиста Надежды Яковлевны Булатовой. Краткий интенсивный курс по правописанию

² В этой книге слова эвенкийского и якутского языка даны в стандартном литературном написании со следующими уточнениями. Следуя за работой (Лебедева 1960), я сохраняю двойные согласные, характерные для северного говора (мэ́ннэ – мэ́ндэ, о́лло – о́лдо). Звук /h/ (с) обозначается буквой "h". Хотя я и не имею специальной лингвистической подготовки, у меня сложилось впечатление, что многие информанты старшего поколения произносят долгий /э/ (э́вэ́нки), и часто чередуют или опускают согласный b/w (ма'у́т). Однако, поскольку это произношение идиолектно, я решил сохранить литературное написание. Долганский считается особым языком. Поскольку вопрос о разделении якутской, долганской и эвенкийской нации специально рассматривается в этой книге, я считаю долганский диалектом якутского языка (см. Убрятова 1960).

и грамматике проходил в Институте лингвистических исследований Российской академии наук в Санкт-Петербурге, а практические занятия – в Третьей оленеводческой бригаде совхоза Суринда в центральной части Эвенкийского автономного округа. С декабря 1992 года по август 1993 года (за исключением двух десятидневных поездок в Дудинку в феврале и июле) я жил на территории совхоза Хантайский. Этот девятимесячный период моей полевой работы был прерван из-за необходимости продлить срок действия моей российской визы. Продлив ее, я оставался в России до конца декабря 1994 года, работая в библиотеках и архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска и Красноярска. В общей сложности полевая работа продолжалась шестнадцать месяцев.

Хотя во время моего девятимесячного пребывания я много общался с рыбаками, учителями и работниками конторы совхоза Хантайский, основная часть времени прошла в Первой оленеводческой бригаде. Эту бригаду все в поселке считали наиболее представительной в отношении эвенков и возможности “получения новых знаний о них”. С февраля по август 1994 г. наш бригадир, Николай Савельевич Утукогир, терпеливо и настойчиво учил меня; эти уроки ничем не отличались от обучения местного ученика пастуха в бригаде. За это короткое время я многое узнал о северных оленях, лесах, ветре, равно как и о собственном бессилии в незнакомых условиях. Когда-нибудь я подробно расскажу о навыках и технологиях этого народа; однако в данной работе я хотел бы остановиться на вопросе “самоидентификации” – восприятию моими хозяевами самих себя и своей земли.

1.2. Таймырский автономный округ

Таймырский (Долгано-Ненецкий) Автономный Округ – административное образование, созданное 10 декабря 1930 г. Он назван по полуострову, на котором расположен, и по русифицированным этнонимам национальностей, составлявших большинство населения округа во времена его создания. Таймыр входил в состав РСФСР, самой большой из пятнадцати республик, составлявших Советский Союз. После распада СССР в 1991 г., это административное образование стало частью Российской Федерации, сохранив свои границы, название и структуру управления. Основные статистические данные по демографии Таймыра приведены в таблице 1.

Таймыр был одним из последних административных образований в Сибири, созданных советским государством по национальному признаку

(Kaiser 1994; Приложение 6). Он был вычленен из большого Туруханского района, границы и территория которого оставались практически неизменными с дореволюционных времен, когда он назывался Туруханским краем Енисейской губернии.³ Остальные части этой обширной территории сегодня – это административные единицы, граничащие с Таймыром с юга и юго-запада: Эвенкийский автономный округ и Туруханский район (Карта 1). На востоке Таймыр граничит с республикой Саха (прежнее название – Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика (ЯАССР)). К западу расположен Ямало-Ненецкий автономный округ Тюменской области. В разделе IV.3 будет специально обсуждаться граница, проведенная между Таймыром и Якутской АССР в 1922 г. и заново – в 1930 г.

При взгляде на официальное название Таймыра обращает на себя внимание слово "автономный". В английском языке оно означает определенную степень самоопределения, однако в советской юриспруденции это понятие трактовалось не столь вольно. Таймыр имел отношение к "автономии" в том смысле, что данная выделенная на карте территория обращала на себя особое административное внимание (раздел IV.3). Советский "автономный округ" отличался от обычной местной единицы – района – на один уровень управления. Области в составе России подразделяются на районы. Округа напоминают районы по своей зависимости от центральных органов: они обязаны исполнять директивы вышестоящих органов власти и могут быть расформированы федеральным реше-

³ История управления этим районом в царской России, со времени прихода казаков на место будущего города Енисейска в 1619 году, представляет собой бесконечную череду учреждений и реорганизаций. Частичное изложение этой истории дано в (Быкония и др. 1982: 254-265), а более полное представление о XVII веке можно составить по работе Б.О. Долгих (1960: гл. 13), о XVIII и XIX веках – по работе (Окладников и Шинков 1968: т. 2 гл. 6, т. 3 71-74). В 1913 г. Енисейская губерния состояла из пяти уездов и Туруханского края. Последний, благодаря своей изоляции, обладал определенными правами самоуправления. В 1925 г. Енисейская губерния была разделена на несколько округов. Туруханский край был поделен на три русских и шесть национальных районов. Несмотря на эти административные преобразования, в некоторых официальных документах и в этнографической литературе этот регион продолжал именоваться Туруханским краем вплоть до создания Таймырского и Эвенкийского Национальных округов. Важно отметить, что Таймырский, как и другие этнические районы, назывались "национальными" округами до 1980 года, когда это вызывающее ненужные ассоциации слово было заменено на "автономный" (ср. Вахтин 1993: 57).

нием. Отличаются они от районов тем, что имеют право избирать представителей в окружные законодательные органы и федеральный парламент, имеют свои отделы образования, сельского хозяйства и т.п.; округа, в свою очередь, подразделяются на районы. Таймыр административно подчинен Красноярскому краю и федеральным властям в Москве.⁴ До недавнего времени все бюджетное финансирование и административное управление осуществлялись через краевую столицу Красноярск.

Хотя, говоря о юридическом статусе Таймыра, я и использую настоящее время, на деле это лишь дань формальностям, поскольку место этого округа в административной иерархии Российской Федерации в настоящее время претерпевает изменения (Писком 1994). Непосредственно перед моим приездом в декабре 1992 г. окружной съезд депутатов провозгласил намерение стать равноправным субъектом Российской Федерации. В 1993 г. это было символически закреплено отказом от участия в краевых выборах нового губернатора и посылкой делегации в Москву с требованием прямых субсидий в социальную сферу в обход Красноярска.⁵ Весной 1993 г. все окружные органы власти были переименованы согласно новой моде. "Окружной исполнительный комитет" (окрисполком) стал "Администрацией Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа". "Сельсоветы" были подобным же образом переименованы в "сельские администрации". В мае 1993 г. окружной съезд поставил цель к 1995 году добиться независимости округа и стать административным субъектом на правах области. Хотя пока неясно, приведут ли эти перемены к какой-либо существенной независимости от центра, можно с уверенностью сказать, что термин "автономный" исчез-

⁴ "Край" в современной России и в последние годы существования Советского Союза по всем административным критериям ближе к области. Этот традиционный термин обозначает территорию, значительную по площади и имеющую уникальный характер – нечто вроде "федеральной области", в пределах которой вычлениено несколько более мелких административных единиц.

⁵ В то же время города Норильск и Игарка продолжали принимать участие в краевых выборах. Город Норильск и его новый недавно приватизированный патрон – Норильский горно-металлургический комбинат – поддержали стремление Таймыра к автономии, заявив, что хотят войти в состав округа. Этот интуитивно верный шаг был выгоден комбинату, желавшему облегчить налоговое бремя. С середины 1960-х годов часть доходов Норильска шла через Красноярск на субсидии для сельскохозяйственных регионов на юге Красноярского края.

нет из названия как знак того, что обретенный суверенитет реален, а не существует лишь на словах.

Важно подчеркнуть, что система управления, созданная на Таймыре, была более жесткой, чем в соседних эвенкийском и Ямало-Ненецком округах из-за его стратегического значения. В 1920 г. была организована первая геологическая экспедиция с целью использования давно известных богатых запасов никеля и кобальта, залежавших в районе Норильской системы озер (Шмидт 1862; Урбанцев 1921; Bond 1985; Львов 1985), а вдоль окаймленных льдом коридоров Северного Морского Пути были основаны узловые порты Игарка, Дудинка и Хатанга (Bond 1984; Белов 1969: гл. 1). Эти поселения строились под строгим надзором и в режиме строгой изоляции. Лесозаготовительный порт Игарка, как и город горняков Норильск, строились с применением труда заключенных и напрямую управлялись из Красноярска. С 1931 (РСФСР N 436, 1931) и 1940 года (Указ Президиума РСФСР 24.04.1940) эти стратегические объекты были даже выделены в миниатюрные административные округа, не входившие в состав Таймырского национального округа. Хотя стратегически важные города Таймыра официально и были отделены от округа, на практике они были единственным окном, через которое можно было сюда попасть. До 1991 г. Таймыр был "закрытой" территорией. Во всех морских портах и аэропортах как иностранцы, так и местные жители должны были предъявлять специальные разрешения на въезд. Закрытая структура управления распространялась и на территорию самого Таймыра. В 1955 году Авамский и Дудинский районы были упразднены и переданы в прямое подчинение городскому совету Дудинки (КЦИХДНИ 26-31-106; Указ Президиума РСФСР 19.05.1955). Знание этих юридических хитросплетений в советский период важно для понимания экономики Хантайского совхоза (раздел I.6) и для понимания территориального аспекта национального самоопределения (раздел IV.3).

В дальнейшем я буду часто возвращаться к тому факту, что границы Таймыра были созданы и укреплены административно-директивным путем. Южную и восточную границу Таймыра невозможно обоснованно провести, исходя из этнографических принципов, поскольку, как будет показано в разделе IV.3, и якуты, и эвенки использовали землю совместно и имели родственные связи по обе стороны границы. Трудно провести географическую границу через горное плато Путوران, лежащее на севере Эвенкии и на юге Таймыра. Исторически через эту границу пролегали сухопутные торговые пути (см. раздел I.3). Тем не менее, недавно соз-

данные границы постепенно стали оказывать существенное влияние на торговые связи, транспортные пути и на сознание людей. Это делает честь настойчивости государства в деле организации общественной жизни в соответствии с им самим изобретенными схемами.

1.3. Долина нижнего Енисея

Таким образом, для понимания государственной политики надо учитывать административные границы Таймыра. История же местных эвенков и долган протекала на более компактной территории, находящейся по обе стороны от этой границы – эту местность я буду далее называть долиной нижнего Енисея. Она включает тундру, лесные массивы и предгорья, простирающиеся вглубь от правого и левого берегов Енисея (Карта 2). "Долиной нижнего Енисея" я называю обжитой коридор, протянувшийся вглубь материка вдоль реки Енисей от района, лежащего севернее поселка Усть-Курейка, который расположен над первым из крупных изгибов реки, до широкого устья Енисея вблизи поселка Усть-Порт. На правом берегу Енисея между Усть-Портом и Потапово находится тундровая часть Таймырского округа, простирающаяся вглубь территории к истоками рек Пясины и Хета. Эта безлесная индустриальная зона включает территорию Норильского промышленного района. За южной границей Таймыра долина нижнего Енисея простирается до горных и лесных местностей Игарского промышленного района, северной части Эвенкийского автономного округа в долине реки Курейка и далее на юг до бывшего поселка Агата. На левом берегу Енисея этот регион включает в себя зону тундровых болот к югу от полуострова Гындан до первых лесов, начинающихся там, где сходятся юго-западный угол Таймыра и северная часть Туруханского района.

Помимо собственно реки Енисей, ландшафт долины нижнего Енисея характеризуется чередованием трех экологических зон. Большая часть Таймырского полуострова расположена в зоне тундры. Здесь можно встретить низкорослые кустарники и заросшие лишайником низинки (лайда), на которых весной и летом кормятся Таймырские дикие тундровые олени (*Rangifer tarandus sibiricus* Murray) и разнообразные водные птицы, ежегодно прилетающие из далекой Африки. Все постоянные поселения, за исключением научных станций, расположены южнее, в центрально-сибирской тайге. Здесь можно выделить следующие две зоны: на границе тундры и тайги существует широкая зона сравнительно густого лиственного и соснового леса, перемежающегося обширными пятнами

тундры и болот. Подобная пестрота микрoэкологичеcких районов вдоль зоны леса cлужит идеальным местом обитания для таких пушных зверей, как песец, лесной олень (*Rangifer tarandus valentinae* Flerov) и крупных млекопитающих типа лося и медведя. Большинство традиционных поселений коренных жителей расположено, по местному выражению "в крае леса". Третья зона начинается на правом берегу реки Курейка и к северу от порта Игарка. Здесь берет начало классическая сосновая и кедровая сибирская тайга, населенная ценными пушными зверями вроде соболя. В Таблице I.3 приведен список основных видов животных в этом районе.

Уникально для этого района горное плато Путоран. Эти горы, начинающиеся с отдельных изолированных предгорий и становящиеся все более неровными с продвижением на восток, позволяют зоне леса продвинуться необычно далеко за полярный круг. Этот географический фактор делает район вдоль кромки плато Путоран – район у истоков рек Пясина и Хета – богатым краем, позволяющим охотиться на диких животных и разводить домашних оленей. Наличие леса и диких животных дает возможность не просто жить на этой земле, но благодаря разнообразию местности, создаваемой этими гладкими горами, быстро переходить из одной экологической зоны в другую; достаточно просто переменить высоту или переместиться в горизонтальном направлении. Несмотря на то, что большая часть русскоязычной литературы живописует долину нижнего Енисея как суровый и непригодный для жизни край, биологическое разнообразие, созданное частой сменой экологических зон, делает эту землю надежным источником существования для тех, кто знает ее секреты.

Расположение поселений местных жителей в долине нижнего Енисея могло в свое время объясняться их близостью к основным историческим торговым путям. Ныне здесь происходят быстрые изменения вследствие проводимых государством переселений, загрязнения окружающей среды и транспортных проблем, изменяющих географию человеческих поселений. Сама река Енисей представляет собой крупную транспортную артерию. Лесная зона вдоль кромки плато Путоран также является исторически важным путем в восточную Сибирь, известным под названием Хатангского тракта. Поселения, расположенные в пределах гор Путоран, размещались по естественным маршрутам вдоль длинных озер, которыми изобилуют долины в регионе. Поселения левого берега также служат удобными отправными точками на пути в речную систему Оби. Расположение поселений в соответствии с направлением транспортных путей

показано на карте 3. Хотя бурная жизнь этих транспортных артерий уже в прошлом, однако в тех редких случаях, когда строятся ледовые дороги или организуются автопоезда, предпочтение по-прежнему отдается этим трактам. Если бы прекратились воздушные перевозки, эти транспортные пути вновь могли бы приобрести былое значение.

Эти исторические причины расположения поселений коренных жителей не объясняют, однако, природу современного землепользования в этом регионе. Начиная с 1960-х годов интенсивное промышленное развитие вызвало к жизни ряд изменений, влияющих на землепользование столь же сильно, сколь и природные условия. Самые заметные экологические изменения были вызваны деятельностью Норильского горно-металлургического комбината. К этому же крупнейшему индустриальному комплексу можно отнести газопровод из внутренних районов левобережья в город Норильск, два водохранилища при гидроэлектростанциях (одно из них на реке Хантайка) и идущие от комбината зоны загрязнения тяжелыми металлами и двуокисью серы (карта 4). Влияние промышленного развития носит сложный характер и может быть представлено в виде расширяющихся колец, в пределах которых земля становится непригодной для человеческой деятельности. В результате загрязнения и запретов коренные охотники (как и русские охотники) и пастухи вынуждены искать новые места на периферии своих прежних территорий. Таким образом, начиная с 1960-х годов вырисовывается картина перехода от сети небольших, равномерно распределенных поселений, расположенных вдоль традиционных торговых путей, к периферийным поселкам, отделенным друг от друга зонами загрязнения и объектами энергетики и служащими центрами полуоседлой охоты и пушного промысла (карта 2). Эти населенные пункты будут именоваться "экстенсивными поселениями" в связи с их экономической деятельностью. Промышленные шахтерские поселки и сопутствующие им объекты энергетики будут далее называться "интенсивными поселениями". Это означает, что в них осуществляется схема землепользования, ориентированная на добычу природных ресурсов и их последующий экспорт без оглядки на последствия и без контакта с окружающими землями, лежащими за пределами света заводских прожекторов.

1.4. Поселок Хантайское Озеро

"Экстенсивный" поселок, в котором я жил и работал, расположен на оконечности полуострова на юго-восточном берегу Хантайского озера (карта 5). Связь с озером проявляется как в названии поселка, так и в его повседневной жизни. Это озеро находится в глубокой вулканической впадине; оно – пятое по глубине (387 м) и третье по размеру в бывшем Советском Союзе после озер Байкал и Иссык-Куль (Долгин и Романов 1983: 68). Круглый год рыбаки вылавливают в нем тонны рыбы для домашнего употребления и для выполнения плана совхоза Хантайский – ядра экономики поселка. Летом окна местных домов круглосуточно освещены солнечными лучами, отраженными от озерной воды и агатовых пляжей. Но озеро может быть и своенравным и непредсказуемым. Со времени строительства плотины гидроэлектростанции и образования водохранилища на реке Хантайке, единственном стоке озера, воды периодически заливают поселок или отсекают его широкой полосой грязи.⁶ Поездки во внешний мир при этом откладываются до ноябрьских заморозков, когда туманы ослабевают и можно построить ледовую посадочную полосу для приема самолетов. Все путешествия начинаются и заканчиваются поездкой через озеро, причем летом и осенью они зачастую могут стоить жизни путешественникам. Пожилые эвенкийские женщины называют озеро "плохим", "жадным", поскольку оно забирает людей и не возвращает их. Новичков вроде меня призывают бросить в его воды перед началом поездки монетку или пуговицу.

С точки зрения истории поселений в этом районе, вполне логично было назвать поселок в честь столь важного природного ориентира. Как

⁶ Хантайская ГЭС была построена в 1972 году. Это самая северная в мире ГЭС мощностью 441 мегаватт, снабжающая по 160-километровой линии электропередач энергией промышленный Норильск. Водоохранилище, также самое северное в мире, затопило значительные охотничьи территории и пастбища эвенков, энцев и долган, проживавших в Потапово, Хантайском Озере и Игарке. Его площадь чуть более двух тысяч квадратных километров – вдвое больше площади озера – но максимальная глубина лишь пятьдесят метров. Рядом с плотиной построен "интенсивный" поселок Снежногорск, где живут строители и обслуживающий персонал ГЭС. К югу на реке Курейке в 1975 году был построен поселок энергетиков Светлогорск. Весной 1993 года на этой реке началось заполнение водохранилища для второй ГЭС (карта 4). Строительство и эксплуатация обеих станций финансировались Норильским комбинатом.

отмечено выше в разделе I.2, Хантайское озеро, или амут путермакан расположено на пересечении торговых путей на юг, запад и восток. На полуостровах и в дельтах рек разбросаны каркасы яранг, чумов (д'ю), подземные жилища (голомо́л), идолы (хомдисар) и места захоронений, отмечающие местонахождение многочисленных в прошлом поселений. Вплоть до начала 1960-х годов по берегам озера были разбросаны и группы строений, которые русские называют поселками. В устье реки Хаканча вблизи мест зимней рыбалки Амбара и Турики находилась школа-интернат. Рядом с современным поселком стояла фактория Таймырская – пункт, где проходил обмен пушнины. На противоположном берегу были вырыты землянки, принадлежавшие артели – предшественнице современного совхоза. Юридически общественное устройство хантайских эвенков также отражало их рассеянное землепользование. С 1936 по 1952 год статистика состава семей и владения оленями велась Хантайским кочевым советом, органом власти, помещавшимся в одной палатке. В 1952 году кочевые советы официально стали называться сельсоветами.⁷ Воплощая в жизнь новое название, бригады рабочих, депортированных из немецкого Поволжья, Польши и Прибалтики, построили нынешний поселок. После переноса школы, бревно за бревном, на территорию поселка в середине 50-х годов, он, можно сказать, приобрел черты настоящего центра общественной жизни.

Архитектура современного поселка отражает его развитие. Ближе всего к северному побережью стоит старое здание школы и два ряда бревенчатых домов, построенных депортированными. Третий ряд составляют здания, относящиеся к 1968 году, когда колхоз был преобразован в совхоз: новая школа, длинные конторы совхозной и поселковой администраций, памятный знак в честь высокой производительности совхозного труда и несколько четырехквартирных домов. Самые значительные постройки протянулись далее вглубь территории того, что когда-то было (да и ныне иногда становится) болотом. Вслед за насильственным переселением в 1969 году сорока восьми долганских и якутоговорящих эвенкийских семей, в 1970 году были построены еще несколько домов, стоя-

⁷ Первым советским учреждением в регионе был созданный в 1928 году Хантайско-Тунгусский родовой Совет. Он фактически не занимался координированием производства и ведением строгого учета охоты, землепользования и владения оленями до землеустроительной экспедиции 1932 года (ГАКК Р2275-1-22:81; ГАКК Р1845-1-224: 55). Ранняя история родového Совета будет описана в разделах I.6 и IV.3.

щих перпендикулярными озеру рядами. Масштабы строительства за тридцать лет со времени переселения мало отразились на удобствах для жителей. В маленьких старых домиках площадью около 20 квадратных метров живет по одной семье. Новые дома разделены на четыре квартиры, примерно по 15 квадратных метров каждая. Помимо этих, тесно заселенных жилищ, некоторые семьи живут в различных пристройках или в разделенных перегородками комнатах в здании старой школы. Сразу по прибытии в поселок бросается в глаза теснота, скученность и бурная деятельность, царящие в этих теплых и неплохо обставленных комнатах⁸

В поселке имеется несколько своеобразных центров, действующих в разное время суток в соответствии с потребностями разных групп населения. Основными общественными центрами служат школа, здание, вмещающее поселковую администрацию и совхозную контору, хлебопекарня и магазин. Утром протоптанные тропинки оживают под ногами укутанных детей, которые умело пробираются в школу между ямами с мусором, перелезая через трубы канализации и теплотрасс⁹

Если становится известно, что из города вернулся совхозный экономист, охотники и рыбаки выстраиваются в очередь в холодном коридоре конторы и, угощая друг друга папиросами, спокойно обмениваются последними новостями в ожидании зарплаты.

В конце месяца, если на озеро удается сесть самолету, пенсионеры собираются в почтовом отделении, а матери-одиночки – в здании поселковой администрации, чтобы получить свои денежные пособия. В 11 утра не пошедшие в этот день в школу дети несут домой родителям свежий хлеб из пекарни. Если прилетает грузовой самолет, женщины собирают-

⁸ Официально средняя жилая площадь на одного коренного жителя в Дудинском районе составляла 7.8 кв.м., причем 140 семей стоило в очереди за жильем (служебная записка, Администрация Таймырского автономного округа, 1993 г.).

⁹ В Хантайском Озере, как и в арктических поселках во всем мире, вечная мерзлота не позволяет проводить центральное отопление под землей. Та половина поселка, которая имеет паровое отопление, соединена с центральной котельной системой изолированных надземных труб (теплотрассами). Холодными зимами в большинстве домов, имеющих паровое отопление, дополнительно дважды в день топят кирпичные или железные печки. Совхоз предоставляет центральное отопление и дрова для печек за символическую плату.

ся в местном магазине посмотреть на новые продукты и одежду¹⁰. Иногда, когда смеркается, группы молодых людей гоняют мяч в единственном освещенном месте поселка – у совхозной конторы. В луче этого прожектора группы пьяных мужчин, тщательно избегая собак, бредут от дома к дому в поисках денег, чтобы затем отправиться на берег озера, где, как всем известно, живет торговец контрабандным спиртом. Изредка повседневная жизнь поселка прерывается появившимися вдали на озере фарами снегохода, возвещающими о приезде охотника со свежим мясом дикого оленя, а иногда и о прибытии каравана оленьих упряжек, доставивших в поселок оленеводов. На православный праздник День Всех Святых (в тот год он выпал на 27 апреля, среди местных жителей известен как Родительский День) и в годовщину смерти близких скорбящие родственники поднимаются на невысокую гору мимо зверофермы, чтобы навестить тех, кто ушел "в другой поселок". Они собираются у могил, чтобы выпить с мертвыми и передать им одежду, пищу и личные вещи (все это ритуально ломается и оставляется у могилы). Затем они возвращаются назад через пригорок, осторожно и точно шагая по своим следам.

Самой очевидной социальной проблемой в поселке, кроме потребления алкоголя, является отсутствие на этом узком полуострове ресурсов для обогрева, размещения и освещения домов живущих здесь более чем 600 человек. Те, кто выросли здесь, вспоминают, как летом коса была усыпана ягодами, а зимой там было вдоволь легкодоступного леса – все это до переселения 1969 года, удвоившего население поселка. Сейчас, чтобы доставлять в поселок дрова, совхозному трактору приходится прокладывать ледовую дорогу от десяти до пятидесяти километров длиной до близлежащих гор. Летом воды достаточно, а зимой воду с середины озера доставляют на снегоходах, оленях и единственной совхозной лошади. Весной лужи кухонных и других отходов, которые выплескивают

¹⁰ До 1993 года магазин принадлежал рыбкоопу – организации, поставляющей в колхозы потребительские товары в обмен на рыбу и мех. После превращения колхоза в совхоз в 1969 году рыбкооп стал пунктом распределения потребительских товаров и утратил роль сборщика продукции. Название же оставалось как анахронизм. С 1993 года система рыбкоопов с центром в Дудинке была включена в состав организации розничной торговли города Норильска, обеспечивавшей более широкий выбор товаров по дотируемым ценам.

прямо между домами, просачиваются в озеро, вызывая кишечные инфекции и периодические вспышки брюшного тифа ¹¹

Организовать ежегодный подвоз стройматериалов, топлива и дров на речной барже становится все труднее и труднее из-за нестабильного уровня воды в озере и опасности всплытия затопленных на дне водохранилища бревен. Нехватка ощущается во всех сферах деятельности поселка: отсутствие леса для строительства, дров для отопления, перерывы в подаче электроэнергии.

Вина за нехватки часто возлагается на людей, переселившихся в поселок в 1969 году, хотя с тех пор и прошло более 30 лет. Переселившиеся жили первоначально в окрестностях фактории Камень в четырехстах километрах к северо-востоку в бассейне реки Аякли (карта 4). Словом "камень" на местном говоре называют откосы, служащие весной и осенью местами для охоты на дикого оленя, а летом пастбищами – холодные, а значит без гнуса и комаров. Каменцы, как их называют сегодня, представляли собой разнородное сообщество эвенкийских, долганских и якутских охотников и оленеводов (Васильев и Туголуков 1960). Их территория, виды деятельности и генеалогия были в свое время почти такими же, как и у эвенков Хантайского Озера, но со времени установления в приказном порядке границ и экстенсивных поселков в 1950-х годах пути этих двух групп стали пересекаться значительно реже. Все изменилось в 1969 году, когда русский "с громким голосом" дал каменцам один день на сбор двух тюков с пожитками и их погрузку в ожидавшие военнотранспортные самолеты. Было объявлено, что государство выделило им новые дома и места для охоты в поселке, где снабжение будет гораздо лучше, чем в их прежней фактории на мелководной речке Аякли. Пастухов особо призывали перегнать с собой оленей, обещая, что им будет поручено обучать хантайских пастухов управляться с большими стадами. Прежние дома каменцев были покинуты, а их охотничьи территории вдоль озера Аян были превращены в Путоранский заповедник, куда семьям коренных жителей въезд был запрещен. Как нетрудно было

¹¹ Глава санитарно-эпидемиологической экспедиции 1989 года А.Н.Борисов рисует в своем отчете невеселую картину: "Безнравственная насильственная акция по переселению... обострила жилищно-бытовую проблему, вынудила большинство жителей поселка проживать в условиях, унижительных для человеческого достоинства". В его отчете упоминается восемьдесят восемь случаев заболевания дизентерией. По его оценкам 88 человек нуждались в новом жилье.

предсказать, по прибытии переселенцы с огорчением обнаружили, что никаких домов для них не построено, что хантайский магазин плохо справляется с наплывом приезжих, а местные эвенки невосприимчивы к их советам. В течение первых трех лет каменцы жили у родственников или в палатках за поселком на болоте. За двадцать пять лет для них было постепенно построено жилье – впрочем, недостаточно.

Появление каменцев в Хантайском Озере все еще остается важной темой многих рассказов. Преисполненные энтузиазма относительно своей миссии поднять культурный уровень "тунгустар", пожилые каменцы все еще говорят об отсутствии национальной гордости у эвенков: ведь те носят купленную в магазине русскую одежду и стесняются говорить на родном языке. Местные же краеведы вспоминают, какое потрясение они испытали, когда им пришлось впервые стоять в очереди в своем собственном магазине за людьми, одетыми "в шкуры" и разговаривавшими на своем языке, что считалось невежливым. За этими эмоциональными рассказами трудно разглядеть историю взаимодействия этих людей до 1950-х годов. Молодые "хантайские" эвенки и сегодня реагируют все так же удивленно, когда пожилой "каменский" свободно переходит в разговоре с якутского на северный диалект эвенкийского. История о том, как и почему эти две взаимосвязанные группы стали восприниматься как различные национальности, будет обсуждаться в главе III.

Безликой силой, стоявшей за слиянием двух сообществ, были окружная и краевая администрации этой части Сибири. Ее действия отражали общую политику в развитии сельских районов и принцип управления обществом, направленный на создание крупных поселений оседлых нуждающихся граждан. Завися от администрации, они были бессильны преодолеть социальные проблемы. С другой стороны, они были нужны краевым управленцам, чтобы выбивать "под них" все больше и больше средств из госбюджета (Paloit 1992).

Строительство данного поселка стало классическим примером того, как в бюрократических системах общественные ресурсы концентрировались назначением "сверху", в данном случае насильственным путем (Feher et al. 1983, Verdery 1991b) (раздел V.2). Трагедия этой ситуации состоит в том, что созданное потребительское сообщество, вместо того чтобы использоваться как рычаг получения дополнительных ассигнований на вновь возникшие потребности, было по сути брошено на произвол судьбы. Данное переселение произошло сразу после того, как развитие глубинки перестало быть выгодно центральным ведомствам. Видимо,

власти соблазнились быстрым ростом Норильского горнодобывающего комплекса как гораздо более удобным и выгодным объектом приложения их усилий.

Провал этой политики представляет собой свидетельство неспособности государственных чиновников предусмотреть последствия собственных действий. После вспышки брюшного тифа в 1989 году был разработан грандиозный план по переносу всего поселка на окраину городка энергетиков Снежногорск. Но к этому времени постсоветские власти в Красноярске заявили (на сей раз, возможно, к счастью), что они неспособны финансировать второе переселение, призванное решить сложные социальные проблемы, созданные первым.

Строительство поселка с начала 1950-х по 1970-е годы оставило отпечаток на повседневной жизни людей. Фактически поселок стал центром общественной жизни из-за зависимости людей от жилья, школы, электричества и централизованного распределения. С точки зрения занятости, деятельность людей была организована по профессиональным категориям, что оказывает большое влияние на определение людьми своего статуса. С точки зрения экологии, интенсивное использование компактной территории имело серьезные последствия для здоровья людей и продолжает препятствовать их попыткам изменить свою жизнь без поддержки и помощи нынешних властей.

Как будет показано в Главе V, повышенное внимание к национальным вопросам в поселке – это попытка донести до далеких ведомств мысль о том, что в экстенсивном поселке Хантайское Озеро живут эвенки и долганы и что они заслуживают лучшей участи.

1.5. Демография семьи, профессии и самосознание

Согласно подсчетам служащих, ведущих поселковые регистрационные книги, на первое января 1992 года в Хантайском Озере было прописано 536 человек (49% из них мужчины). В среднем в каждом хозяйстве было по 2.6 ребенка. Это число могло быть выше, так как недостаток жилплощади вынуждает селиться несколькими официальными семьями в одной квартире.

Свидетельства неформального усыновления обнаруживаются при анализе состава семей (таблица 3); число разного вида неполных семей (48) приближается к числу семейных пар с детьми (70). В таблице I.5.6 показано, что если вычесть все приезжие семьи, то число семей, возглав-

ляемых женщинами, практически сравняется с числом семей с главой – мужчиной. Число проживающих совместно семей еще более увеличится, если принять во внимание, что многие формально одинокие мужчины и женщины живут в одном помещении с другими семьями. В двенадцати (из 192) хозяйствах – более пяти детей в каждом. В самой большой семье насчитывается двенадцать детей.

В распределении населения по возрасту и полу доминирует группа от 15 до 30 лет с небольшим преобладанием лишь группы малолетних детей (Схема 1). Прогрессивная структура населения характерна для регионов с недавно образованными поселками (т.е. "развивающихся регионов"). Структура населения в данном же поселке стабильнее даже по сравнению со многими другими поселениями коренных жителей в циркумполярном регионе (Milan 1980), Северной Америке (Young 1994), развивающихся регионах Азии и, в прошлом, в Европе (Chesnais, 1992; 284-301). Причиной этого принято считать успехи здравоохранения в снижении уровня детской смертности при сохранении высокого уровня смертности среди взрослых и детей от несчастных случаев, насилия и самоубийств¹². Если половозрастные пирамиды 1992 года сравнивать с 1978 годом (Схема 2), то видно, что демографическая структура стала менее стабильной и более прогрессивной¹³. Этот возрастной сдвиг, похоже, вызван скорее ростом смертности среди взрослых, чем увеличением рождаемости. В обеих таблицах замечен рост смертности среди мужчин; это явно коррелирует с критическими моментами истории поселка, такими как поделение каменцев (1969-1972), а также с периодами после Гражданской (1923-27) и Великой Отечественной (1945-1950) войн.

¹² К здоровью местной женщины, ждущей ребенка, относятся очень серьезно. Беременных с патологией могут поместить в родильный дом за четыре месяца до родов. Благодаря длительному отпуску по уходу за ребенком молодые матери могут находиться в городских условиях до трех месяцев. Министерство здравоохранения тем самым как бы компенсирует плохие условия жизни. Начиная с 1992 года, количество санитарных авиарейсов резко сократилось.

¹³ В 1992 году средний возраст у женщин составлял 24,8 года (медианный возраст 22 года), а у мужчин 22,7 года (медианный возраст 20 лет). В 1978 году средний возраст у женщин был 26,9 лет (медианный возраст 23), а у мужчин 24,9 года (медианный возраст 21). Несмотря на то, что демографическая структура в этом поселке омолаживается, эти средние величины значительно выше, чем в целом в Заполярье. Согласно как Милану (Milan, 1980), так и Янгу (Young, 1994), медианные возрасты колеблются в пределах от 13 до 18 лет.

С 1990 года в классических стабильных структурах населения советской Сибири наблюдается даже общая регрессивная тенденция, с увеличением уровня детской смертности и числа насильственных смертей среди взрослых; в наших таблицах, однако, эти изменения не видны (Пика, Прохоров 1994: 162-77). В случае Хантайского Озера, обычными причинами смерти в младших возрастных группах являются кишечные инфекции из-за загрязнения воды¹⁴. Представители средней возрастной группы чаще всего становятся жертвами убийств, погибают от переохлаждения или тонут (эти причины зачастую связаны с употреблением алкоголя). В группе старше 50 лет основными заболеваниями являются рак, туберкулез, а также связанные с алкоголизмом инфаркты.¹⁵

Что касается национальной принадлежности, то 85 процентов жителей Хантайского Озера записаны либо эвенками (41%), либо долганами (44%). Полные данные по национальностям даны в таблице 4.¹⁶ В главе III будет проанализирована непростая реальная ситуация, стоящая за этими официальными цифрами. Местные жители определяют национальную принадлежность по языковому признаку, генеалогии, месту рождения или по конкретным жизненным навыкам. Здесь будет полезно разделить официальные национальности по одному из этих признаков – на хантайских и каменцев, то есть коренных жителей и выходцев из фактории Камень (таблица 5).

¹⁴ Не имея надежной статистики, я основываю это наблюдение на интервью с поселковой медсестрой, районным врачом и на моих записях о десяти случаях смерти за время моей полевой работы.

¹⁵ Мне не удалось получить точные данные о причинах смерти, поскольку, как поведал мне глава окружной медицинской службы Дудинки, для выяснения причины смерти недостает денег. За календарные 1992 и 1993 годы умерло 33 человека, из них восемь человек утонули, трое замерзли. По слухам, причинами 12 смертей стали различные болезни: рак, инфаркты и туберкулез. Пять человек погибли от несчастного случая: одна семья сгорела при пожаре. Один человек умер от старости. Из умерших 10 были пенсионерами, пятеро – дети до 5 лет.

¹⁶ Согласно местной традиции делопроизводства, национальность у эвенкийских мужчин и женщин записывается как эвенк и эвенка, а не "эвенкийский" и "эвенкийская". Это привело к тому, что у одного историка (Попов, 1991) и в некоторых списках центральных властей среди жителей Хантайского Озера значатся эвены. Несмотря на административные перемены 1959 года (глава III), некоторые долганы предпочитают пользоваться русским этнонимом "саха". Поэтому в таблице 4 указан один саха с Таймыра и один якут из Республики Саха.

Хотя по численности эвенки не уступают долганам, но если самосознание определяется происхождением, то каменцы оказываются в значительном большинстве. Из таблиц исключены молодые люди, не являющиеся главами семей или супругами глав семей, а также те, кто родился уже после переселения.

Это деление, однако, не принимает во внимание чувств людей. Молодые часто оказываются самыми яркими националистами, хотя многие из тех и других никогда не видели озера Аян или не помнят прежнего Хантайского Озера. Надо подчеркнуть, что многие жители поселка отождествляют каменцев с долганам, не считаясь с тем фактом, что выходцы из Камня часто регистрируются эвенками. Во избежание путаницы, в этой книге я буду различать хантайских и каменских эвенков. По той же причине я буду отдавать предпочтение существительным каменцы и хантайцы и прилагательным каменские и хантайские, несмотря на то, что в разговорной речи в поселке чаще встречаются термины долганы и эвенки.

Одна из хорошо разработанных в советской этнографии методик – это установление числа перекрестных браков между разными национальными группами (раздел V.1). Поверхностный анализ статистики браков показывает большое число перекрестных браков между эвенками и долганам. Однако, если браки разделить по местным диалектным группам, то выяснится практически полное отсутствие браков между хантайскими и каменскими эвенками и долганам; наибольшее число браков заключается между каменскими группами (таблица 6). Это явление – один из показателей существования конфликта между местными и переселенцами.

В речи местных жителей профессиональное разделение чаще всего проводится между теми, кто работает в тундре, "тундровиками", и теми, кто проводит большую часть времени в поселке, "поселковыми". Хотя эти категории относительны и подсчетами тут никто не занимается, по моим приблизительным оценкам 15% населения (71 человек) – тундровики и 58% (200 человек) – поселковые (остальные пенсионеры и дети). Эти цифры дают представление о том, в какой степени поселок служит средоточием общественной жизни людей.

С точки зрения государства, в поселке имеется более пятидесяти профессиональных категорий – факт, отражающий политику всеобщей занятости, активно практиковавшуюся при социализме. Со времен про-

возглашения перемен в экономике к понятию занятости надо относиться весьма осторожно. Более 95% работоспособного населения имеет работу, однако из-за недостатка денег лишь малая часть из них регулярно получает зарплату.¹⁷ Наиболее состоятельным с точки зрения социальной стратификации оказывается не тот, кто имеет более высокую заработную плату, а тот, кто трудится там, где ее регулярно выплачивают. Из тех, кому задолжали зарплату, в наилучшем положении оказались учителя, работники больницы и магазина, числившиеся в штатном расписании г. Дудинки.

Работники совхоза получают деньги лишь изредка, когда удастся заключить дополнительные контракты с районными организациями. Примерно треть работающих глав семей получают зарплату в различных организациях окружного значения, остальные заняты в совхозе. Вслед за учителями и продавцами наиболее высокие доходы у тех, кто получает пенсии. Почти тридцать процентов населения старше 15 лет (92 человека) получают прямую материальную помощь.¹⁸

Деление по роду занятий все же сохраняет значение, поскольку важную роль играет доступ к транспорту и товарам. Люди, связанные с транспортом (например, начальник аэропорта, учителя или директор совхоза), оказываются в лучшем положении в том смысле, что они имеют преимущества вследствие хорошо развитой системы бартера. Те, кто контролирует доступ к товарам повышенного спроса, таким, как запчасты, топливо или водка, также обладают преимуществом, которое может быть обращено в материальную выгоду. В Приложении 1 приведены три

¹⁷ Работоспособными считаются лица от 16 до 55 лет (до 50 для женщин), включая учащихся, инвалидов, зарегистрированных официально, и лиц, находящихся в заключении. В Хангайском Озере проживал 301 человек, которых можно считать неработоспособными: 132 человека до 16 лет, неучащиеся (большинство – младше шести лет) и 114 человек учащихся. Трое официально числились инвалидами, шестеро служили в армии или находились в заключении. 35 были пенсионерами по старости. Только 12 человек официально считались безработными.

¹⁸ Пенсия в России – это многогранное понятие, включающее фиксированные суммы, выплачиваемые по старости, инвалидности и при наличии определенных заболеваний. Пособия выплачиваются также родителям-одиночкам и многодетным родителям. Разумеется, право на получение пенсии не означает, что деньги будут выплачиваться регулярно. Меня удивило, что во время моего пребывания в поселке пенсионеры получали деньги втрое чаще, чем работающие.

списка профессий, разделенных в соответствии с официальной зарплатой, уровнем образования работника и благами, доступ к которым делают это место работы выгодным, которые, так сказать, "плохо лежат" (manipulable resources – Humphrey 1983).

Каких-либо существенных отличий между хантайскими и каменскими группами по признаку зависимости официального дохода от принадлежности к ним не прослеживается (см. Схему 3). Однако при сопоставлении этих групп с профессиями, требующими определенного уровня образования или дающими доступ к транспорту или товарам, видны значительные преимущества русских перед каменскими эвенками или долганами, а тех, в свою очередь, перед хантайскими эвенками (Схемы 4 и 5). Это дает некоторые основания для национального соперничества между группами. Хотя система вознаграждений сложна и подвержена большим изменениям, похоже, что наиболее состоятельными оказываются не те, кто производит мясо, мех или рыбу, а те, кто управляет этим производством. Из профессиональных категорий это – пушной инспектор, капитан баржи или государственные рыбозаготовители. Самыми бедными оказываются оленеводы, охотники, машинистки и обслуживающий персонал детских учреждений. В общем, благодаря родственным связям разнообразные источники доходов оказываются взаимосвязанными, образуя органичную систему перераспределения доходов на поселковом уровне. Именно поэтому вопросы национальной принадлежности и самосознания оказываются важны в материальном плане – они определяют пути, по которым происходит обмен материальными благами.

1.6. Совхоз Хантайский

Советский период в истории Хантайского Озера начался раньше, чем возник поселок, а именно в 1929 году, когда для определения национальной и классовой принадлежности жителей этой местности сюда прибыл инструктор Туренко из Таймырского районного комитета партии (ГАКК Р2275-1-2: 37-40, 81-82). По сравнению с историей остальной России и Сибири, включение коренных народов долины нижнего Енисея в советские административные структуры произошло сравнительно поздно. Вплоть до конца 1922 г. партийные работники в тогдашнем районном центре Туруханске писали о недоступности таймырской тундры из-за партизанских отрядов адмирала Колчака и якутских сепаратистов. Сорок эвенкийских семей, живших на берегу озера Хантайское и в доли-

нах к югу от него, остались вне поля зрения первых партийных работников, прибывших в Дудинку в 1920 г. (ГАКК Р1845-1-224: 55). Они не были учтены в полярной переписи 1926/27 годов (Сибирский 1928), хотя они и были объединены в родовой Совет в 1929 году, но к 1939 году лишь четверть их оленей стала собственностью государства (ГАТАО 2-1-27).¹⁹

Землеустроитель, прибывший для регистрации родového совета в декабре 1930 г., в промежутках между жалобами на суровые погодные условия и неизбежные задержки с возвращением домой так описывает условия жизни эвенков:

“Хантайские эвенки являются довольно замкнутой и обособленной хозяйственной группой <...>. Очень редко, не более двух-трех раз в год, они выходят для сбыта продуктов промысла на Енисейские фактории <...>. Между тем <...> в отношении оленности Хантайские эвенки обеспечены слабо и к тому же основные орудья промысла имеются у них далеко в недостаточном количестве и отличаются примитивным оборудованием. Если учесть при этом полную оторванность, совершенное отсутствие обслуживания культурной и медицинской помощью, удаленность от рынков сбыта и все неблагоприятные последствия кочевого быта, то станет несколько понятно, почему эта группа эвенков на данном этапе своего хозяйственного раз-

¹⁹ Точная дата установления реального контроля Советов над экономической деятельностью хантайских эвенков неизвестна. Первый отчет о классовом составе Хантайского Тунгусского Родового Совета датирован 1929 годом, однако в нем есть ссылка на обсуждение данного вопроса в Дудинке в марте 1928 г. (ГАКК R 2275-1-22:37-406 81-82). Имеющиеся записи, составленные землеустроителями при распределении земельных участков и экспроприации оленей относятся к проводившейся в 1930 году кампании по недопущению шаманов и богатых местных жителей к традиционной роли "князей" при сборе дани российскому государству (АМАЭ К2-1-127:4, 14). Б.О.Долгих утверждает, что единственным более ранним источником статистических данных является датированный 1914 годом отчет миссионеров, работавших вблизи селения Тура на реке Нижняя Тунгуска (АМАЭ К5-1-291:14). Похоже, однако, что данный район посещали люди, проводившие перепись 1896-1897 гг., хотя собранные ими данные не сохранились (Афанасьева 1990: 92-92). В ходе пребывания здесь землеустроителя с декабря 1930 г. по февраль 1931 г. родовой совету была выделена территория очень близкая к современной территории совхоза “Хантайский” (АМАЭ К2-1-127: 12).

вития оказалась в состоянии известного хозяйственного кризиса. Необходимо добавить, что здесь встречается всего 7.4% говорящих по-русски и ни одного грамотного." (АМАЭ К2-1-127:4)

Этот чиновник, несомненно, все время находился среди 25 самых бедных семей (более состоятельные и мобильные семьи, вероятно, откочевали в южные охотничьи районы). В 1931 году Хантайское Озеро явно было одним из самых недоступных для государства мест, и нельзя точно сказать, когда именно государство перешло от введения атрибутов гражданства к контролю за производством²⁰. В первом списке товарищества "Красный промышленник", относящемся к 1937 году, указано 19 человек – членов товарищества, во владении которых находилось 110 голов оленей²¹. Первое письменное упоминание об артели "Красный Промышленник" относится к 1939 году, когда состоятельная семья Елогир пожертвовала ей свое стадо из 391 оленя, ставшее основой артели.²² При

²⁰ Из-за событий, происходивших в стране в первые годы советской власти, история этого периода известна лишь в общих чертах и фрагментарно. См. (Kuoljok 1985), (Сергеев 1955) и (Slezkine 1994). О ситуации в других районах см. (Humphrey, 1983) и (Никольшин 1939). Многочисленные архивные поиски и интервью с жителями поселка не смогли заполнить белые пятна в общей картине. Первые советские гражданские учреждения, такие как родовые/кочевые Советы, играли большую роль в учете собственности семей. В учетных книгах Советами фиксировался состав семей с перечислением собственности и с указанием классовой принадлежности: "бедняки", "средняки", "богатые". Официальная оценка достатка определялась количеством имеющихся у людей оленей; у бедняков было менее 40 оленей, а у богатых более 100 (Суслов 1930). О различиях между административными экономическими учреждениями см. сноску 23.

²¹ Товарищество было образовано из 9 "бедняцких" и одной "средняцкой" семьи в 1937 году (ГАТАО 2-1-12:1). Оно было полностью эвенкийским, за исключением председателя селькупа Коутыко, привлеченного для организации товарищества по причине грамотности. Документы того времени о классовом составе совета отсутствуют. В 1929 году в Хантайско-Эвенкийском родовом Совете насчитывалось 40 семей, из которых 21 была "бедняцкая", 15 "средняцкие" и 1 – "богатая" (ГАКК 2275-1-22:79).

²² Опять же, точно установить дату национализации единственного "кулацкого" стада не удалось. В 1937 году члены товарищества гордо заявляли о наличии 110 голов оленей, которые не были в коллективной собственности (ГАТАО 2-1-12), а в 1941 году эта цифра скакнула до 1062, из них 391 – в коллективной собственности. Скорее всего, этот 391 олень был из стада семьи Елогир. Если каждой из двадцати семей, присоединившихся к товариществу, разрешалось оставить по 25 голов оленей, то это, возможно, объясняет, откуда взялись остальные

этом формально она сохраняла статус Простейшего промыслового объединения (ППО) вплоть до 1941 г. (ГАТАО 85-1-27).²³

В Таблице 7 показано развитие всех товариществ долины нижнего Енисея в колхозы.

К 1975 году из первоначальных 24-х товариществ и колхозов были сформированы пять совхозов (таблица 8). История каждой конкретной организации представляет собой сложный список названий, местонахождения, численности и национальностей ее членов. В итоге эти таблицы демонстрируют явную тенденцию к уменьшению количества самостоятельных хозяйств, что важно для данной работы, к национального разнообразия. Несмотря на кажущуюся случайность проведенных реорганизаций, размеры вновь образуемых совхозов более или менее соответствуют размерам первоначальных кочевых советов. Границы кочевых советов

561 голов. Поскольку в то время было пять семей Елогир, первоначальная численность этого "кулацкого" стада была как минимум 565 голов (а скорее всего больше).

²³ В документах таймырских властей термин ППО (Простейшее промысловое объединение) служит синонимом "товарищества", а термин "колхоз" используется попеременно с "артелью". Строго говоря, на Таймыре никогда не было колхозов со сложной организацией типа рассмотренных Хамфри (Humphrey, 1983). Товарищества Таймыра "являлись нижней формой коллективных объединений. Как правило, это были товарищества по совместному использованию охотничьих или рыболовных угодий, по совместному выпасу оленей. Орудия промысла в ППО не обобществлялись" (Васильев, Симченко 1971: 256). Артель (колхоз) совместно использовала землю, но основывалась на коллективной собственности на средства производства, например, винтовки, палатки и ездовых оленей. В отличие от совхоза или классического колхоза, в таймырских артелях не было специализированного разделения труда, не получали централизованного снабжения, как бюджетные организации, и не могли даже заключать обычные контракты с другими государственными организациями. Все таймырские артели обменивали свою продукцию через "рыбкооп" на потребительские товары, часто вообще без посредства денег. Однако, как и классические колхозы и совхозы, артели создавались местной партийной организацией, а их производство учитывалось районными властями. Медленная эволюция государственных учреждений на Таймыре, похоже, была вызвана настороженностью государственных чиновников после восстания в Волочанке в 1932 году. Нерешительность во введении "выспих" форм государственного регулирования была, по всей видимости, реакцией на поспешную попытку создания единого "оленьсовхоза" на Таймыре (АМАЭ К2-1-124). (Приложение 3).

также приблизительно совпадают с границами современных совхозов (карта 6). Создание отдельных территорий, соотносящихся с определенными национальностями, является характерным результатом деятельности советского государства (см. раздел IV.3).

Определение благосостояния по количеству оленей на душу населения – наука весьма неточная. Несмотря на обилие документов в различных конторах и архивах с данными по количеству оленей, данные эти зачастую противоречивы и неполны. Условия на Таймыре таковы, что можно показать для учета часть стада, в то время как большая его часть будет находиться в холмистой долине всего в нескольких километрах, невидимая для тех, кто не умеет читать знаки тундры. Не отбрасывая эти цифры вовсе как бессмысленные, мы должны помнить, что это – лишь неоднозначное порождение реальной борьбы между местными производителями и представителями государства (Приложение 3). Этот процесс можно проиллюстрировать на примере драматической истории родных братьев – артели "Красный промышленник" и колхоза "Искра".

Товарищество "Искра" было образовано на территории семей каменских долган и эвенков в районе фактории Камень. Впервые о Каменских оленеводах упоминается в переписи 1926/1927 гг. (Сибирский 1928: 4-5 N 43).²⁴ Товарищество впервые появляется в документах в 1939 г. Между двумя этими датами, в 1932 г., в районе станков Авам, Долганы и Волочанка произошло крупное восстание, в ходе которого было убито четверо местных жителей, убито 20 и ранено 14 партийных работников (РЦИХДНИ 17-114-305: 50-54; КЦИХДНИ 28-2-28: 15-35).

²⁴ В 1926/27 гг. в этом поселке было 27 якутских хозяйств (80 мужчин и 77 женщин), владевших 6695 оленями. Согласно Б.О.Долгих, работавшему в 1935 г. землеустроителем, в Камне было 27 "бедняцких" хозяйств, владевших 334 оленями (в среднем по 13 на семью), 22 "средняцкие" семьи с 2029 оленями (в среднем по 92 оленя на семью) и 3 "богатых" семьи с 3155 оленями. Из "кулацких" семей у единственной эвенкийской семьи Дъелегир (Елогир) было 100 оленей, а у двух якутских семей Катъгинских и Маймаго соответственно 1390 и 1465 оленей (ЦГАРФ А310-18-67: 100-101). Косвенные свидетельства из таблицы, а также утверждения информантов позволяют сделать вывод, что упомянутое семейство Елогир – это та самая "кулацкая" семья, которая передала своих оленей товариществу "Красный промышленник" в Хантайском Озере в 1939 году.

Событием, всколыхнувшим эвенков, долган, ненцев и якутов, стала экспроприация более десяти тысяч голов оленей с целью создания "оленьсовхоза".²⁵ Вооруженное подавление восстания вынудило состоятельные пастушеские семьи откочевать далеко во внутренние районы плато Путоран площадью девятнадцать тысяч квадратных километров через недавно проведенные границы Таймырского района, Эвенкийского района и Якутской республики. Окончательное склонение этих семей к членству в колхозе произошло, видимо, в 1941 году, когда в документах трех близлежащих колхозов – "Искра" (Камень), "Сталин" (Волочанка) и "Шмидт" (Волочанка) – внезапно появляется цифра – более 5238 оленей.²⁶ Отдельные архивные записи, сделанные землеустроителями, а также утверждения информантов старшего возраста наводят на мысль, что до 1941 года, да и после тоже, существовало значительное число людей, тайно державших частные стада оленей в удаленных долинах вне поля зрения государственной власти. Колхоз "Искра" впоследствии вошел в состав совхоза "Волочанка" на правах самостоятельного отделения, а затем был формально объединен с совхозом "Хантайский" в 1968 году (а фактически – в 1969 году).

Волочанковское восстание живет в памяти каменных эвенков и долган Хантайского Озера и служит мобилизующим символом сопротивления государству и объединения друг с другом.

Хотя к началу Второй мировой войны колхозы-близнецы "Красный промышленник" и "Искра" находились полностью в рамках советской сельскохозяйственной системы, они работали практически независимо от своих формальных руководителей в Дудинке. Основная деятельность этих предприятий до середины 1960-х годов заключалась в продаже пушнины, предоставлении ездовых оленей, обеспечении мясом дикого оленя и рыбой служащих поселковых контор, учреждений торговли и школ.²⁷ Для поддержания этой охотничьей и рыболовной экономики в

²⁵ Восстание достигло своей главной цели: остановить тотальную экспроприацию местными властями скота и жилищ и обратить взор Москвы на проблемы Сибири, что вылилось в директиву, запрещающую поспешную экспроприацию собственности у коренного населения ("О работе", 1932). Эта политика была фактически отменена в 1938 году.

²⁶ В 1941 году в колхозе "Искра" было 2440 обобщественных оленей и 1294 оленя в частном владении у 64 хозяйств (ГАТАО 85-1-20; ГАТАО 85-1-27).

²⁷ В 1939 г. доход от охоты "Красного промышленника" составил 22493 руб., а "Искры" – 46188 руб., при том, что суммарный доход от поставок мяса, транс-

эпоху, предшествовавшую появлению снегоходов (до 1970-х), оленей разводили, обучали и содержали лишь как средство передвижения. Вследствие этого в структуре стада наблюдалось численное превосходство кастрированных самцов оленей над самками-производителями (таблица 9). Экономика, ориентированная на ездовых оленей, приводила к специфическому разделению труда колхозников. Зимой ездовые самцы распределялись между рассеянными по обширной территории небольшими семейными группами и использовались охотниками для объезда ловушек на песца ("пасти", лангил), устроенных на продуваемых ветром пригорках. После окончания сезона оленей отпускали там, где охотники устраивали летнюю стоянку. Олени, повинувшись инстинктивному влечению к родным пастбищам, вновь собирались в группы на летних пастбищах высоко на холодном ветренном плато, в то время как люди рыбачили по берегам озер (Аян, Хангайское). Небольшая группа молодых пастухов встречала стадо в определенное время в нужном месте и присматривала за ним на протяжении всего лета. Осенью, после отела, кастрированных и четырехлетних самцов вновь отделяли от стада для использования в качестве транспорта. На зиму одну-две семьи оставляли присматривать за стадом из самок, молодых самцов и телят. Такое разделение труда между людьми и животными максимально повышало возможность передвижения людей по обширной территории и тем самым сводило к минимуму возможность государственного контроля за структурой пастушеских коллективов, численностью оленей и их использованием. Вопрос о последствиях экстенсивного землепользования будет рассмотрен в разделе IV.2.

С конца 1960-х годов государство навязало колхозникам другое разделение труда. Все государственное поголовье оленей было разбито на отдельные стада, за которыми следили профессиональные бригады оленеводов. Состав бригад определялся директорами совхозов. Членство в бригаде в лучшем случае должно было зависеть от квалификации кадров, но в реальности часто встречались и семейные бригады. Пастухи должны были только заниматься оленями и не тратить время на охоту на

порта и рыболовства был 812 руб. и 1549 руб. соответственно (ГАТАО 85-1-15). В 1941 году доход от охоты составлял в "Искре" 646673 руб., а суммарный доход от поставок ездовых оленей и рыбы – 18884 руб. (ГАТАО 85-1-27). Соответствующие данные по "Красному промышленнику" отсутствуют. Тем не менее, на обоих предприятиях доминирующим родом деятельности была охота на пушного зверя и дикого оленя, а не разведение домашних оленей.

пушного зверя в долинах или на диких оленей в горах. Более того, их вынудили изменить структуру стада в пользу большего числа самок для того, чтобы увеличить численность животных, выращиваемых на мясо. Система учета в этих вновь созданных профессиональных бригадах была изменена таким образом, что пастухам платили за количество оленей в стаде (а не за количество мяса, меха или транспортных оленей). При изучении отчетностей выяснилось, что все, что шло на одежду и в пищу пастухам, засчитывалось как убытки – фактически это означает, что люди были приставлены к стадам в качестве obsługi для обеспечения воспроизводства животных, а вовсе не стада содержались для того, чтобы обеспечить людям средства к существованию (Humphrey 1983: 258 и след.).

Новая экономическая политика, выразившаяся в создании совхоза, приняла в Хантайском Озере открыто политическую форму, которая впоследствии стала причиной вспышки националистических страстей. В партийных документах каменцев хвалили за умение содержать большие стада оленей, а местные эвенки критиковались за отсутствие дисциплины, за недостаточный прирост поголовья:

"Для устранения серьезных недостатков и значительного улучшения качественных показателей в оленеводстве дирекции и парторганизации совхоза до 15 декабря 1970 г. укомплектовать все оленеводческие бригады опытными оленеводами за счет привлечения для работы в совхоз оленеводов из Каменского отделения совхоза Волочанский и других хозяйств, принять решительные меры к укреплению производственной дисциплины среди оленеводов, усилить повседневный контроль за соблюдением всех зооветеринарных правил". (ГАТАО 92-1-6:3)

Когда каменские оленеводы прибыли в Хантайское Озеро, они немедленно были назначены пастухами, а все местные пастухи были переведены на должности рыбаков. За шесть прошедших лет стало ясно, что в условиях лесистой местности, богатой грибами и залежами соли, мастерства в выпасе оленей у пастухов явно было недостаточно. После того, как в летний период и в период отела ими было потеряно более 1000 ненецких оленей, завезенных в 1970 и 1973 гг., местным эвенкам было снова разрешено работать пастухами. Хотя навыки хантайских пастухов и были признаны, горькое чувство от навязанного соперничества не облегчало процесс сближения с чужаками.

В 1992 г. совхоз Хантайский был многоотраслевым предприятием, мучительно переживающим очередные, навязанные государством экономические перемены. Он состоял из девяти подразделений, занятых в основном рыбной ловлей, охотой, разведением оленей, строительством, снабжением теплом и электричеством и перевозками²⁸. С 1991 года совхоз формально находился на самофинансировании и строил взаимоотношения с работниками на базе контрактов; при этом он по-прежнему контролировал всю деятельность на окружающей территории. Фактически это означало отмену государственных обязательств по субсидированию производства посредством закупочных цен и, следовательно, отмену годовых плановых заданий, причем сохранялись прежний юридический статус и структура самого совхоза. Формально это по-прежнему был совхоз. На повседневном уровне он скорее напоминал колхоз в том смысле, что с работниками заключался контракт (явно или неявно), а работа организовывалась по отраслевому принципу на базе конкретных производственных заданий. Отличие от колхоза состояло в том, что в случае (весьма маловероятном), если кто-либо заявит о выходе из коллектива, он не сможет забрать свою "долю" земли, орудий и скота²⁹

²⁸ Согласно документу отдела кадров, официально существовали следующие подразделения: 1) административный аппарат, 2) звероферма, 3) флот, 4) автопарк и электростанция, 5) строительство, 6) оленеводство, 7) чумработницы, 8) рыбаки, 9) рыбаки-охотники, 10) охотники-промысловики, 11) рабочие, 12) швеи. Различия между некоторыми из этих категорий описаны в главе V. Автопарк, строительство и флот имели своего особого куратора в администрации. Работники зверофермы, пастухи и охотники управлялись охотоведом и зоотехником. У пастухов каждый коллектив управлялся бригадиром (который не был членом аппарата). Бригадная форма организации труда существовала в начале 1970-х и у охотников и рыбаков, но затем была упразднена. Чумработницы, рабочие и швеи подчинялись начальнику отдела кадров. На практике директор совхоза управлял деятельностью всех подразделений.

²⁹ Формальные контракты заключались с рыбаками, охотниками и пастухами. В случае с остальными работниками молчаливо предполагалось, что они работают, а совхоз им платит. Правила по возврату доли основных средств в явном виде не оговорены, однако на практике при увольнении охотника-русского или украинца за браконьерство директор предпринимает чрезвычайные усилия по возврату их ружей, ракет, снегоходов и других орудий труда. Особенно неприятными для приезжих охотников были требования совхоза вернуть сараи и пристройки, которые они сами построили из материалов, выпрошенных или украденных в совхозе.

Переходный статус совхоза затрудняет определение наиболее доходной области его деятельности. Доходность может оцениваться по-разному: это зависит от точки зрения, от того, как подсчитывать прибыльность основных производств.

По утверждению совхозных бухгалтеров, ведущих учет доходов и расходов по различным отраслям производства, наиболее доходной отраслью было рыболовство, поскольку Норильский горно-металлургический комбинат обеспечивал гарантированную оплату за рыбу для своего рыбконсервного завода. Цена, которую он платил за рыбу, была высокой, учитывая, что рыба поставлялась необработанной, а если иметь в виду, что комбинат сам оплачивал транспортировку рыбы в город вертолетом – чрезвычайно высокой. Расходы совхоза на нужды рыбаков ограничивались оплатой бензина и кое-каких запчастей. Самым невыгодным сектором производства с точки зрения бухгалтеров являлось оленеводство, поскольку мясо продавалось жителям поселка по заниженным ценам, и вся одежда, керосин, вертолетные рейсы и зарплата пастухов попадали в графу расходов. В этой отрасли стало очевидным, что государство перестало играть роль патрона.

С точки зрения краткосрочной перспективы самой выгодной в деятельности совхоза была простая операция выдачи охотничьих лицензий. Официально совхоз должен был предоставлять зарплату, одежду, транспорт и оборудование для охотников в обмен на часть добытого меха. Никто, однако, на это и не рассчитывал. Получив лицензию, расчетливый охотник мог наконец воспользоваться долгожданным отсутствием государственного надзора для добычи пользующегося широким спросом товара – меха. Несколько шкур, сданных в совхоз в обмен на охотничью лицензию, охотник рассматривал как более чем достаточную плату за разрешение, тем более, что в своей избушке он не пользовался такими бытовыми совхозными благами, как свет или центральное отопление.

Напротив, с точки зрения поселковой администрации самой доходной деятельностью было оленеводство и заготовка леса. В этих отраслях работали люди, готовые проводить длительное время в труднейших условиях, практически без зарплаты, производя продукцию, потребляемую в поселке женщинами и детьми. Если бы не труд оленеводов и лесорубов, перед поселковой администрацией встала бы острая проблема жизнеобеспечения людей. К этой точке зрения, вероятно, присоединились бы

и торговцы контрабандным алкоголем, поскольку все деньги, получаемые жителями поселка, могли бы идти на оплату их товара.³⁰

В целом все отрасли производства совхоза давали, с учетом затрат, неплохую отдачу. Однако, если сложить все совхозные доходы, то получится сумма, составляющая менее одной десятой от стоимости топлива для местной электростанции.³¹ Циничный расчет в нынешних экономических условиях потребовал бы закрыть поселок и предоставить всем жителям выживать самим при помощи натурального хозяйства.

Сразу возникает вопрос: почему совхоз не обанкротился еще в 1992 году? Причина этого – в сохранении отдельных элементов централизованной системы распределения на Таймыре, прямо или косвенно связанной с нуждами Норильского горно-металлургического комбината. В 1992 финансовом году совхоз Хантайский получил на бумаге прибыль благодаря продаже Дудинскому горно дома, выстроенного для двух из двенадцати местных учителей. В 1993 году бюджет совхоза был поддержан чрезвычайными поставками бесплатного бензина, а также благодаря изобретательности директора, которому удалось договориться о бесплатной доставке топлива и ряда других товаров в обмен на передачу автомобиля и крана работникам Снежногорской электростанции.³² Рассчитывали, что в будущем расходы поселка на отопление и свет будут оплачи-

³⁰ В 1992-1993 гг. оленеводы по привычке считали свой труд финансовой основой совхоза. До 1991 г. закупочные цены на оленину, рыбу и мех искусственно поддерживались на уровне, позволявшем покрыть затраты на оплату труда и прочие совхозные службы. К 1992 г. такая практика была уже в прошлом.

³¹ В бухгалтерских документах совхоза централизованные расходы на производство электроэнергии, тепла, зарплату самих бухгалтеров сведены в пункт "Счет 26". Сумма выплат по этому всеобъемлющему счету зарплат, процентов по займам и затрат на сырье взимается пропорционально со всех секторов совхозного производства. Хотя сектора вроде оленеводства считались чрезвычайно убыточными, суммарная зарплата оленеводов в 1992 финансовом году (5939000 руб.) была немного выше, чем та доля затрат на топливо и банковские проценты, которую должно было покрывать оленеводство (4246000 руб.). Если включить сюда зарплату многострадального персонала электростанции, то стоимость оленеводческой части "счета 26" будет заметно выше (6247000 руб.). В 1992 г. совхоз заплатил за топливо 12 миллионов рублей, взятых в долг под 83% годовых.

³² Городской отдел народного образования Дудинки (ГорОНО) являлся одним из самых богатых секторов экономики, поскольку его бюджет напрямую поддерживался норильским комбинатом. Снежногорская электростанция также субсидировалась комбинатом.

ваться из субсидии, выделяемой Российской Федерацией непосредственно поселковой администрации (к началу 1995 года этого, однако, еще не произошло). Директор, местный уроженец, с энтузиазмом говорил о своей мечте – построить рыбоконсервный завод и затем объединить совхоз с рыболовецкой отраслью Норильского промышленного гиганта. Это создало бы уменьшенную модель прежней советской экономики в долине нижнего Енисея. По-видимому, факт сохранения совхоза Хантайский свидетельствует о пределах дезинтеграции прежней государственной социалистической экономики.

1.7. Первая оленеводческая бригада

За Первой бригадой закрепилась репутация самой эвенкийской из четырех оленеводческих совхозных бригад, в наибольшей степени сохранившей традиционные навыки. Хотя из двадцати девяти совхозных бригадиров, пастухов и учеников было лишь десять долган, многие подчеркивали, что только в этой бригаде можно найти семью, целиком состоящую из хантайских эвенков. В отличие от других бригад, она почти целиком состояла из членов одной семьи, то есть, согласно проводившейся в то время экономической реформе, была наиболее "прогрессивной" (Humphrey 1989; Vitebsky 1990). Наконец, согласно совхозной документации, первая бригада производила мяса больше и лучшего качества, чем любая другая. Поэтому мои хозяева настаивали на том, что мое знакомство с жизнью в тундре должно произойти именно в Первой бригаде.

В бригаде было девять постоянных членов: бригадир, пять пастухов, две чумработницы и один ученик. Ядро бригады (за исключением двоих мужчин) составляли дети, племянники, племянницы, невестки и зятья бригадира Николая Савельевича Утукогира. Генеалогия этого коллектива показана на схеме 4. Бригадир был приемным сыном в семье Федора Михайловича Елогира – брата одного из богатых пастухов, подарившего в 1939 году своих оленей колхозу. Бригадир и его сводный брат, "старик" Моми Федорович Елогир, были первыми в поселке членами КПСС. Жители поселка иногда называли их просто "коммунисты". Олени были переданы первой бригаде в 1975 году из шестой бригады Моми Федоровича. Когда Моми Федорович вышел на пенсию, "его" стадо было объединено со стадом покойного бригадира по имени Агата Филиппович Утукогир (двоюродный брат – см. схему 3) и преобразовано в Первое стадо – стадо под другим номером, но в значительной степени состояв-

шее из тех же оленей. После ухода на пенсию нынешнего бригадира Николая Савельевича, обязанности по уходу за животными перейдут к его старшему сыну Вите (это должно было произойти в 1995 году). Может показаться, что такая передача оленей от бригадира к его сыновьям, двоюродным братьям или приемным сыновьям свидетельствует о существовании в рамках официальной совхозной структуры традиционного пастушеского уклада. Однако это всего лишь совпадение. Необходимо помнить, что с 1969 по 1974 годы все хантайские пастухи были уволены из оленеводства из-за их якобы неспособности к этой работе. Сохранение наследования *de facto* непосредственно связано с теми, кто "знает оленей" – этот навык, передающийся в семье от старших к младшим, советские новаторы ничем не смогли заменить.

В 1992-93 годах в стаде Первой бригады насчитывалось от 1010 до 1415 оленей (в зависимости от сезона). Поскольку оно было сборным, в нем были потомки оленей из совхоза "Турухард", находившегося на северо-западе Таймыра (Карта 2) и таежных оленей из Суринды в Эвенкии (Карта 1). Ко времени моего приезда в стаде оставалась только одна чисто белая самка по прозвищу "старуха" – представительница породы болес крупных оленей, принадлежавших роду Елогир. Вследствие обильного притока крови более низкорослых и капризных тундровых оленей, олени этой бригады стали мельче и хуже приспособлены к добыванию пищи из-под снега. Из-за этого в ту снежную зиму, когда я был подпаском, приходилось ежедневно передвигаться в поисках мест с неглубоким снегом для выпаса оленей.

Изменения фенотипа имели и весьма символические последствия. Хотя способы обращения с оленями в этом регионе представляют собой интересную смесь самоедских, якутских и тунгусских методов, все члены Первой бригады жаловались, что они больше не могут ездить на оленях верхом, а вынуждены (зимой и летом) ездить на санях, запряженных несколькими низкорослыми оленями: "Мы больше не можем ездить как оленики, а ездим сейчас как юраки".³³ Возможно, еще важнее жалобы на

³³ Классификация оленеводческих методик Сибири дана у Богораза (1933), Василевич и Левина (1951) и Вайнштейна (1970). К самодийским традициям в регионе можно отнести использование специально обученных собак, оленьих упряжек и то, что изредка лидирующий олень запрягается с левой стороны упряжки. Тунгусские приемы прослеживаются при забое оленей (ножом, а не удвкой), в умении тренировать седловых оленей и в большом значении, прида-

то, что за последние десять лет олени стали неуправляемыми, "дикими" и непредсказуемыми. Наиболее ярко это проявлялось в том, что оленей надо было непрерывно сгонять в стада – в 1960-е годы олени, повинувшись инстинкту, сами сбивались в стада и возвращались в родные места.

Изменения в поведении Первого стада и вытекающие из этого перемены в управлении им, вероятно, связаны с непрекращающимися попытками увеличить численность стада в условиях уменьшения площади тундровых угодий. Роды Утукогир и Елогир ранее жили на южном берегу озера Кета – территории, ныне сильно загрязненной тяжелыми металлами, отходами норильских плавильных цехов. Чтобы найти новые незагрязненные пастбища, Первая бригада вынуждена была отходить все дальше, к югу от Хантайского Озера. Выделенные ей в 1992-93 гг. пастбища в истоках реки Сухариха были самыми удаленными от поселка из когда-либо использовавшихся – около 250 км (Карта 5). Летние пастбища бригады в 1993 г. и предполагаемые пастбища на зиму 1994 г. расположены на территории Игарского промышленного района вне границ совхоза и вообще Таймыра. Эти пастбища, находящиеся на пределе досягаемости совхозной радиостанции, расположены в географической зоне центрально-сибирских хвойных лесов, то есть зоны обитания соболя, резко контрастирующей с типичной для Таймыра лиственничной зоной обитания песца.

Когда-то земли на юге были хорошо известны эвенкам, но нынешнему поколению пастухов они неизвестны. До начала 1950-х годов пастбища в районе Игарки использовались эвенками-"единоличниками", торговавшими вне пределов Игаркской фактории (раздел IV.2). Уменьшение потребности в оленьем транспорте в городе игаркских лесопильщиков вынудило этих пастухов перейти в совхоз Потапово, а затем в Хантайское Озеро. Созданное впоследствии Хантайское водохранилище затопило их поселения мутными водами залива Эрупчу. Двое эвенков из Первой бригады, не принадлежавшие к роду Елогир-Утукогир, родились в районе бассейна реки Сухариха. Местные эвенки подтрунивали на них, называя их "потаповские цыгане". И получилось так, что, когда Первая бригада перешла в долину Сухарихи, "потаповские цыгане" извили-

ваемом оленям как транспортному средству. Хотя классических "якутских" приемов в оленеводстве и не наблюдается, умение местных эвенков обращаться с большими стадами, вид упряжек и часть терминологии отличаются от эвенкийских центральной Сибири.

стым путем вернулись в родные края, в то время как молодые члены Первой бригады наслаждались своей ролью первооткрывателей.

По контрасту с поселком, самой заметной особенностью жизни в тундре является отсутствие промышленных товаров. Несмотря на интеграцию оленеводства в индустриальную экономику, кроме биноклей, брезента и винтовок для пастухов ничего не производится. Зимой пастухи живут в самодельных домиках (балках). Их деревянный каркас сделан из растущих тут же деревьев, поставлен на лыжи, вырубленные из ствола лиственницы, и покрыт оленьими шкурами. Внутри помещение обогревается самодельной жестяной печкой. Другим жилищем служит традиционный эвенкийский чум (дью), состоящий из куска дубленой оленьей шкуры, укрепленной на конической раме, с местом для открытого огня в центре чума. Летом предпочтение отдается брезентовым палаткам из-за их малого веса, а чум строится как защита от комаров и мошки и ради сохраняющейся в нем прохлады. Большая часть грузов перевозится все теми же оленями на самодельных нартах, если не считать редких полетов вертолетов. Для поездок в тяжелых летних условиях сани иногда укрепляют пластмассовыми полозьями и металлическими кольцами, которые находят в промышленных отходах. Большая часть теплой одежды шьется целиком из специально обработанных оленьих шкур. Охотники пользуются лишь промышленно изготовленными ружьями (иногда – системы времен Второй мировой войны), топором и ножом, сделанным вручную из подшипника. Те, кто знаком с удивительной неприязнательностью пастухов, с трудом сдерживаются, выслушивая жалобы совхозного экономиста на убыточность оленеводства.

Несмотря на удаленность пастбищ и изменившийся экономический климат, годовой оборот Первой бригады остался практически на уровне последней рационализации оленеводства в конце 1960-х годов. Пастухи подчинились требованиям совхозных управленцев содержать большое, хотя и непослушное стадо, состоящее в основном из самок. Чтобы обеспечить стадо местами для выпаса, а поселок – мясом, бригада вынуждена постоянно кочевать от пастбища к пастбищу и от пастбища к поселку.

Обычный день начинается с разжигания в печке щепок, заготовленных накануне вечером, оттаивания льда для умывания, с нескольких больших кружек крепкого чая, а затем похода на лыжах в поисках стада. После того как животных "приводят домой", ездовых оленей отлавливают с помощью аркана (мавут) и готовят караван (аргиш) к ежедневному переходу. Пока мужчины ловят норовистых оленей, ругая друг друга и

собак, женщины варят мясо дикого оленя на обед. Когда караван собран, бригада обедает и отправляется в путь. На новом месте, обычно километрах в десяти от старого, выбирают толстое бревно для порога балка, собирают сухие ветки лиственницы на дрова и приносят снега или льда, чтобы натопить воды. Оленей выпускают кормиться на новое пастбище. После ужина молодые мужчины собираются послушать радио, поиграть в карты или почитать журналы и газеты при свете керосиновых ламп. Женщины шьют или обрабатывают шкуры. Если эфир свободен от помех, бригадирский балок наполняется завыванием настройки и потусторонними голосами из рации, по которой бригадир разговаривает с поселковыми, другими бригадами или с звенками из совхоза Потапово. Следующее утро вновь начинается с обычной фразы: "Иду оропор? – Где оленей?".

В ноябре производственный цикл завершается ежегодным путешествием в поселок для забоя оленей. С помощью выстроенного из лиственницы круглого загона (коралья) для забоя отбирается от ста до двухсот оленей. Дополнительно отбираются около сорока кастрированных ездовых самцов для транспортировки балков и саней с продовольствием. В зависимости от расположения зимних пастбищ переезд в поселок занимает от трех дней до двух недель. Забой происходит в течение двух дней. Большая часть бригады приезжает на это время в поселок, оставив одного или двоих присматривать за стадом. После забоя женщины закупают продовольствие на следующий год ("отовариваются"), а мужчины заключают контракты с совхозом на будущий год, получают охотничьи лицензии, патроны для ружей и, если повезет, плату за свой труд. Все эти переговоры могут прерываться длительными периодами пьянства (до двух недель, а то и до трех месяцев), пока пастухи вновь не отправятся в тундру, либо исчерпав запасы водки, либо вследствие единодушного решения жителей поселка (в том числе зачастую и незаконных торговцев алкоголем). Темный период года с ноябрьского забоя до возвращения в тундру в январе или феврале знаменуется либо буйным ночным пьянством, либо беспробудным сном. Для двух-трех молодых пастухов, оставленных при стаде, это время, когда перекочетов мало, есть возможность выспаться, послушать радио, сделать новые сани или сплести новый магут.

Бригада вновь собирается вместе незадолго до начала хлопотного весеннего сезона. В апреле, непосредственно перед отелом, строится еще один деревянный кораль для ежегодного подсчета стада и отделения

самцов – молодняка от беременных самок с однолетними телятами – важенков. Это пора тяжелой работы. Беременные самки становятся нервными и зачастую стремятся держаться отдельно от стада. Отбившихся от стада часто поджидают голодные волки. Весной, когда дни становятся длиннее, свободное время посвящается охоте на диких оленей (баюр) – одному из любимых занятий пастухов. С ноября по апрель 1992-93 гг. в течение особенно суровой зимы на мясо было забито только пять оленей из стада, остальное было мясо диких оленей.

Разделив стадо, бригада вновь разбивается пополам. Расстояние между группами может достигать 20 км, но пастухи часто ездят друг к другу в гости – это называется "гостевать". Когда снег становится мягче, обе половины бригады торопятся на летние пастбища, которые у Первой бригады находятся к югу за двумя полноводными реками. Когда весеннее солнце на несколько часов скрывается за горизонтом, обе группы меняют свой режим: спят днем, ночью переходят по насту. По мере того, как бригада движется на юг от поселка, выходя из зоны досягаемости радиации, меняется режим дня, все яснее проявляются особенности жизни тундровика. Бригада может кочевать по несколько недель без всякого контакта с поселком. В конце мая – начале июня, когда вскрываются реки и от снежного покрова остаются лишь отдельные островки среди затопленных болот, бригада прибывает на свою базу. К этому времени отпадает необходимость содержать стадо раздельно, и в течение нескольких недель бригада живет сообща.

Когда зазеленеет трава и на ветках появятся почки, создавая изобилие легко доступной пищи, управлять стадом становится непросто. Однако необходимости компактно держать стадо нет, поскольку вздувшиеся реки становятся естественной преградой для оленей. Длинными июньскими днями, пока не "упадет комар" (нгингартын буруре), можно сидеть на солнце, рыбачить или готовить летние палатки. Когда же глаза и уши залепляют насекомые, люди спасаются под в дымных чумах, а олени инстинктивно ищут убежище в прохладных, продуваемых ветром местах. Пастухи говорят, что "комар – лучший пастух". Лишь в конце июня стадо поднимается на плато, на летние пастбища.

Здесь бригада разделяется в третий раз, причем молодые мужчины идут с палаткой в горы, а женщины остаются в на базе печь хлеб, за которым мужчины периодически приходят. Мужчины отсутствуют до первого сентябрьского снега. Это – время свободы для пастухов: в эти долгие летние дни они могут ездить на оленях из бригады в бригаду, жарить

мягкие отростки оленьих рогов, ловить хариуса в верховьях рек. С первым снегом олени сами спускаются с плато в поисках оставшихся свободных от снега участков пастбищ. Люди следуют за ними, бдительно следя, чтобы ни один олень не отбил. В то время как домашние олени спускаются с гор, плато вновь заполняется дикими оленями. Во время октябрьской течки пастухи вынуждены выбирать между необходимостью постоянно охранять стадо и желанием поохотиться на диких оленей. Домашних оленей нужно держать вне путей миграции диких оленей, иначе те могут увести за собой часть стада. Когда миграция заканчивается и наступает ноябрь, пора снова строить кораль, чтобы отбить оленей для забоя. Собирается караван, и пастухи возвращаются в поселок, чтобы получить зарплату, встретиться с друзьями и родственниками, насладиться вкусом водки.

Жизнь с пастухами Первой оленеводческой бригады дала мне представление и об эвенкийской педагогике. Как подробно описано в разделе IV.1, для того, чтобы жить в этой местности, надо овладеть множеством вещей – от технических приемов до знания этики. В отличие от формального образования, эти знания приходится постигать исключительно на своем опыте – без методик и без лишних слов. Считается, что новичок должен научиться всему на собственном опыте, а также наблюдая за старшими. Ошибки беспощадно выставляются напоказ и высмеиваются, зачастую в оскорбительной форме, что зафиксировано в приведенных ниже отрывках из моих полевых записей:

"Зима. Конец второй недели моего ученичества на пути из поселка к зимним пастбищам.

Меня постоянно уличают в детских ошибках: "Твои бакари мокрые, как у ребенка", "Не трогай топор – ногу поранишь", "Не бросай на оленя мавут, накинь его лучше на куст!". Я терпеливо следую этим не всегда справедливым упрекам. Я не обращаю внимание пастухов на то, что мне непрерывно дают противоречивые советы. /.../ Пастухи никогда ничего не объясняют, вместо этого они сами быстро запрягают оленей или сматывают мавут, иногда по два раза (в качестве демонстрации), перед тем как полностью отчаяться. Если мои олени запряжены неправильно, надо мной будут смеяться, даже если другой [пастух] оттолкнет меня и сделает все сам. /.../ Сейчас меня мучают вязанием узлов. После ночи на реке Магин, когда олени добрались до хлебных запасов, все весьма нетактично и громко говорили о том, как важно правильно все привязывать. "Старик" сам все привязывал.

зывает к моим санкам, а меня отталкивает. Если я не могу правильно увязать грузовые санки, пастухи нетерпеливо делают все сами, показывая мне готовый результат: "Вот так!". Похоже, я скоро рассержусь..."

Недостаток поощрения в эвенкийской педагогике восполняется прочностью полученных знаний. Действительно, как отмечала Джин Бриггс (1983), в непредсказуемых арктических условиях самым опасным заблуждением оказывается высокомерная уверенность, что у какой-либо проблемы существует одно, единственно верное решение. Бесконечные придирки, которыми старшие осыпают младших, учат скромности, учат доходить до всего своим умом и подмечать нюансы ситуации. Эвенкийская педагогика вырабатывает привычку рассчитывать только на себя. Как воскликнул однажды старший пастух Первой бригады: "Зачем ты все время пишешь? Если хочешь узнать оленей, ты должен быть там, рядом с ними". Это пренебрежение к написанному слову перекликается с наблюдениями Ридингтона (1990): опосредованные знания не признаются охотниками Дуннэ-за (Dunne-za) в северной Британской Колумбии: человек обучается путем наблюдения в том смысле, что он воспринимает практические знания своей среды непосредственно, не облекая их в слова.

Чтобы остаться честным по отношению к пройденной мною школе и к моим учителям, я постарался в этой книге подобным же образом не облекать описание эвенков и их навыков в конкретные слова. Я не могу согласиться с тем, что пишет об эвенкийской философии Ссорин-Чайков (1991) – что любое письменное или устное повествование обязательно есть "ложь" [уло]. В отличие от лжеца-ворона, который указывает на склон горы, где нет диких оленей, слова этой книги указывают на приобретенный мною опыт жизни с умелыми эвенками. Как и мои учителя из Первой оленеводческой бригады, я скептически отношусь к тому, что эти слова позволяют читателю "знать" оленей, тундру или эвенков непосредственно. Эта книга, однако, – честное свидетельство моего стремления познакомиться с жизнью тундровиков без посредства слова.

1.8. Национализм

В 1992 и 1993 годах, когда шла война в Армении и Грузии, кипел спор между Украиной и Россией вокруг крымского суверенитета, в Хантайском Озере произошли две драки со смертельным исходом из-за выяснения того, кто эвенк, а кто долган. В социальном плане, алкоголизм и плохие жилищные условия в этом удаленном поселке являются более острыми проблемами, чем национальное противостояние. Однако не масштабы столкновений делают здесь именно национальную ситуацию примечательной. В отличие от Украины или Кавказа, история долины нижнего Енисея состояла не из сражений за территорию или умы и сердца людей, а из умелого создания и использования родственных и обменных отношений для консолидации людей по национальностям на обширной территории.

До появления здесь представителей государства, этнографов существовало множество пересекающихся самосознаний, которые использовались для различения людей, но не было ни одного, которое человек в течение жизни не мог бы сменить. Он мог перейти из одной группы в другую, или даже принадлежать к нескольким одновременно. В данной ситуации интересно, что в регионе, удаленном от центров националистических конфликтов, имеющим долгую историю контакта с одним государством с сильной распределительной политикой формируются аналогичные конфликтные ситуации.

Хотя открытая конфронтация в поселке возникает нечасто, она лишь подчеркивает общий напряженный климат во взаимоотношениях скученно живущих людей. Кроме жестоких драк, национальная неприязнь может открыто выражаться в прозвищах. Долганы называют и каменских, и хантайских эвенков "тонгустар" – ярлык, имеющий сложные значения (глава III). Хотя в определенном контексте это название может использоваться и как термин, некоторые хантайские эвенки воспринимают его как оскорбление в значении "низшие". Эвенки, в свою очередь, периодически пользуются словом теһол, которое означает "чужаки" или "иностранцы"; либо же ехидным тоном называют своих соседей "эти долганы", родословная которых якобы не столь богата, как у якутов или русских.

Ярлыки используются в связи с наблюдениями и обобщениями национальных характеров. О той или иной группе могут сказать, что они неопрятны, плохо говорят по-русски, высокомерны или неприветливы.

Типичным заявлением, несущим в себе заряд национализма, могут быть высказанные шепотом обвинения в адрес какой-либо семьи, что та стремится забрать землю у "нашего" совхоза в частную собственность, или в адрес женщин, плетущих интриги "на своем языке" в очереди за продуктами. Я не вижу необходимости подробно перечислять эти неприятные обобщения, так как это может создать превратное представление о частоте подобных высказываний. Национальное соперничество может внезапно всплыть в разговоре, как например с молодой чумработницей из Первой оленеводческой бригады при обсуждении незаконной торговли алкоголем:

"После ноябрьского забоя в семье появились деньги. Я подумала, как их потратить с пользой, не заняться ли мне бизнесом? А почему бы нет? Каменцы так делают... Я собралась перепродавать водку, я бы ее продавала только эвенкам. Мне не нравится, что в поселке пьют с кем попало. Эвенки должны пить только с эвенками! Я готова была отдать водку родным бесплатно, да муж был против. В конце концов деньги так и ушли".

По большей части национальная рознь в поселке принимает вид молчаливой конфронтации, которую все понимают без объяснений. Это видно по тому, что в компании эвенков редко встретишь долгана. Не формируются и смешанные охотничьи группы из долган и эвенков. Когда охотники привозят добычу, то она распределяется либо среди эвенкийских, либо среди долганских семей. Это показывают и приведенные выше таблицы. В последнее время стала заметной разница в положении эвенков и долган в совхозной иерархии, в доступе к товарам; существенно уменьшилась доля смешанных браков между ними. Хотя показать масштабы национального соперничества в поселке с помощью таблиц трудно, напряженная атмосфера в магазине, совхозной конторе или на улице заставляет говорить об этом явлении как о ключевой социальной проблеме в Хантайском Озере во время моей полевой работы.

Когда хрупкий мир в поселке нарушается как следствие пьяной драки или открытого предпочтения кого-либо в очереди в совхозной конторе, то для обозначения возникшего напряжения люди пользуются словом "национализм". В отличие от английского слова "nationalism", этот термин обозначает не только создание суверенного политического образования. Это скорее негативный термин, указывающий, что формальные правила поведения, распределения или принцип равных возможностей были определенным образом нарушены. Как и во многих регионах быв-

шего Советского Союза, жители Хантайского Озера разных национальностей утверждают, что "раньше" в их поселке национальной розни не было. Политическое и национальное самосознание стало фактором повседневной жизни лишь в конце советского периода, в условиях новой реформируемой экономики. Однако до трагического пожара, ставшего предвестником моего внезапного отъезда из поселка (см. Постскрипtum), жители Хантайского Озера гордились тем, что у них в поселке дела обстоят лучше, чем у других. Например, смешанный долганский, нганасанский и эвенкийский поселок Усть-Авам часто называли "малый Карабах" из-за царившего там насилия. Тем самым люди осознавали связь между национальной враждой на Таймыре и напряженностью на территории бывшего Советского Союза.

В последующих главах парадокс национализма будет рассматриваться с позиций истории народов данного региона и тех специфических проблем, которые национализм создает, когда их пытаются решать. Будет показано, как шло формирование национальных самосознаний в условиях, когда официально не признавались "пересекающиеся самосознания" и общие территории, а также на фоне неудачной практики национальной эндогамии.

Будет продемонстрировано, что эти три аспекта не удастся объяснить только с позиций местной истории, что они логически вытекают из истории государства. Детально описывая историю и современную жизнь эвенков и долган Хантайского Озера, я покажу, что "национализм" (или национальная вражда) стал для этих народов трагической, но не бесполезной политической стратегией. Она не базируется на архаических чувствах, но является следствием прежней упорядоченной административной системы. Исследуя этот местный феномен в связи с государственной политикой в регионе, я стремился глубже понять суть национального самосознания других регионов бывшего Советского Союза.

ГЛАВА II. ТРИ ТИПА "ПРИНАДЛЕЖНОСТИ" В ХАНТАЙСКОМ ОЗЕРЕ

В данной работе сведены воедино два подхода к анализу национального самосознания, которые обычно принято разделять. В рамках дискуссии по вопросу о нациях, в которых чередуются "современные" и "древние" интерпретации (Smith 1986), будет подробно описано то, как государство вынуждает людей проявлять националистические чувства там, где прежде об этом не было и речи. Тем самым я стремился соединить два этих подхода.

Существенная часть книги посвящена деятельности районных руководителей на основе инструкций, начертанных невидимой рукой в Москве и Красноярске. При анализе государственной деятельности я отдавал предпочтение местным определениям самосознания перед официальными названиями национальностей. При этом целью критического анализа категорий, изобретенных российским государством, будет не открытие доселе неведомых местных вариантов самоидентификации, а демонстрация того, как привнесенные государством категории все прочнее входят в жизнь людей. Можно соглашаться или не соглашаться с утверждением некоторых российских обществоведов или западных советологов о вседуальности государства в России, однако невозможно описать устройство и восприятие повседневной жизни простыми людьми без учета всеобъемлющей административной структуры, в рамках которой эта жизнь протекает. В данной книге четко очерченные определения национальности, территории и коллектива – понятия, общие для всего постсоветского пространства – трактуются как результат произвола государственных чиновников; при этом эти определения оказываются весьма значимыми для местных жителей. Будет показано, что ссылки местных жителей на понятия национальности, территории и коллектива служат не столько для самоидентификации как таковой, сколько для получения преимуществ в рамках административной системы.

Осознав важность административного наследия государства и значения самоидентификации в жизни людей Хантайского Озера, можно понять парадокс национальной вражды между взаимосвязанными группами, вызванной государством, называвшим себя интернациональным. Трагедия ситуации состоит в том, что местный национализм, выгодный

как государственным чиновникам, так и жителям поселка, угрожает самому существованию обеих групп.

Центральным понятием, вокруг которого будет строиться описание деятельности администрации, будет понятие *принадлежности* ("belonging"). Значение этого слова в английском языке широко, но оно лучше всего подходит для описания того, как с помощью притяжательных форм как русского, так и эвенкийского языков формулируется самоидентификация в Хантайском Озере. Более того, этот термин уже использовался двумя антропологами: с целью сближения описательной и структуралистской традиций при изучении общества (Cohen 1982; 1985) и для изучения гражданства на основе анализа парадигмы социального взаимодействия (Woppean 1992). Я намереваюсь также сближить официальные и местные варианты самоидентификации путем изучения того, как людей "устраивали" на конкретной промысловой территории или работе и как "регистрировалась" их национальность. Эти процедуры видятся мне как навязывание людям ясно очерченных, санкционированных властями категорий самоидентификации, которые они могут принять и сохранять в дальнейшем (как принимают из рук государства паспорт или работу). Таким образом, в отличие от Борнемана и Коэна, я буду использовать термин "принадлежащий" в его притяжательном значении, а не в смысле "составляющий существенную часть" (Woppean 1992: 30) и не в смысле "осознания" общности языка, знаний, солидарности в момент "пребывания в пограничной зоне (культуры)" (Cohen 1982: 3, 6). Я не стану прибегать к терминологии Ф.Барта (Frederik Barth, 1969) и И.Гоффмана (Irving Goffman, 1967) для описания того, как индивид (self) открывает значимые для себя границы через взаимодействие с окружающими. По моему мнению, самоидентификация в данном случае скорее является продуктом жесткого администрирования. По выражению Хобсбаума, государство создает "институциональный и процедурный ландшафт, в рамках которого протекает жизнь [его обитателей], которую государство в значительной мере определяет" (Hobsbawm, 1990: 86).

Данное исследование принадлежности к национальности, территории и коллективу на примере сравнительно изолированного арктического совхоза иллюстрирует ряд существенных особенностей постсоветского государства. Во-первых, с точки зрения теории государства, этот случай является экстремальным, поскольку он показывает, в какой степени и до каких пределов государство способно реорганизовать жизнь людей в неблагоприятных для него условиях – неблагоприятных с точки зрения

расстояния, плотности населения, экономики, мобильности, языка и финансовых затрат. Хотя управленческая политика в Хантайском Озере не может считаться примером безупречной или типичной государственной политики, сам факт, что государство смогло рационализировать самоидентификацию, управлять передвижением людей и в итоге навязать им стиль жизни, служит частным примером приоритетов административного аппарата.

Во-вторых, с точки зрения дискуссии вокруг национальной самоидентификации, этот пример ярко и подробно иллюстрирует то, как советская национальная политика не подавляла, не ограничивала и не ассимилировала национальное самосознание, а, напротив, делала его важнейшим аспектом в жизни общества. Советское государство навязало понятие национальности людям, которые впоследствии раздули его, пытаясь улучшить тем самым свое положение в условиях развала государственной распределительной системы.

Наконец, в данном исследовании я отдаю должное изобретательности местных жителей в манипулировании символами национальности, территории и коллектива в попытке извлечь для себя максимум пользы в условиях общего ухудшения социально-экономической ситуации.

II.1. Принадлежность к национальности

Наиболее заметным результатом распада Советского Союза стал массовый всплеск требований самоопределения и территориальной самостоятельности, и здесь поселок Хантайское Озеро – не исключение. Тот факт, что в бывшем социалистическом государстве сложились столь сильные общественные движения, организованные вокруг национальной идеи, парадоксален сразу по нескольким причинам.

Во-первых, подобная вспышка политической активности снизу противоречила устоявшимся моделям государства и общества, рисовавшим Советский Союз как единое, хотя и атомизированное, целое. Во-вторых, успешное проникновение национального вопроса в политический дискурс прямо противоречило официальной коммунистической идеологии, проповедовавшей единение людей прежде всего по классовым, а не по национальным признакам. В-третьих, хотя модернистские теории и предсказывают возникновение национализма в обществах с сильной государственной властью, внедрившей стандартизованную грамотность через средства массовой информации, они не способны объяснить воз-

никновение множества национальных самоидентификаций в рамках одного современного государства.

Литература по этнической и национальной самоидентификации обширна и выходит за рамки данного исследования. Подобно эвенкийскому рыбаку, предусмотрительно держащемуся в своей лодке (дьяв) поближе к берегу, я предпочитаю описывать чувства национальной самоидентификации в терминах, наиболее близких местным понятиям. Центральным термином будет русский юридический термин "национальность" – категория, которая фиксируется во внутренних паспортах и у русских, и у народов Сибири. Как указано в разделе I.8, под термином "национализм" принято понимать солидарность с представителями своей национальности, вызванную практическими соображениями. Из-за отличия этого понятия от его английского омонима я буду в дальнейшем называть его "националистическим чувством" (или иногда "национальным соперничеством"). Зачастую приезжие русские раздраженно или пренебрежительно называют представителей малых народов "националы", что можно перевести на английский как "ethnics". Одной из задач книги будет исследование истории того, как люди начали ощущать свою принадлежность к национальности. Для описания этого перехода какие-либо другие термины не потребуются.

Однако глубокие моря социальных теорий бороздят и другие, гордо звучащие и далеко уводящие понятия вроде "нация", "национализм" (в английском смысле слова) и "этничность". Мое осторожное отношение к этим терминам основывается на том, что под разделением на националистические и этнические феномены скрывается разделение на современный и развивающийся тип народностей, и что этнические группы – это в некотором смысле "пережитки" того, чем когда-то были все нации (Kureg 1988: гл. I). Такое эволюционное разделение наиболее заметно, когда приходится делать междисциплинарный обзор литературы по конкретному региону. При изучении России термин "национализм" обычно применяется в отношении народов, которых советское государство считало нациями (титульные нации), в то время как все прочие националистические чувства квалифицируются как "этнонационализм" (Smith 1992; Verdery 1993a), "этническая мобилизация" (Заславский 1991), или даже "субгруппизм" (Taras 1993)³⁴. При изучении Китая схожие терми-

³⁴ Некоторые ученые, писавшие о бывшем Советском Союзе, также используют в своем анализе слово "национальность" (Hajda and Beissinger 1990; Zaslavsky

ны возникают при обсуждении национальных групп, не относящихся к ханьским китайцам: "культурный национализм" (Harimu 1993), "национализм меньшинства" (Watson 1990), "культурная самоидентификация" (Siu 1993). В изучении общественных движений циркумпольярных народов также присутствует широкий набор вариантов; одни авторы обнаруживают здесь проявление "этничности" (Balzer 1983, Paine 1977), "этнической автономии" (Dorris 1979), "этнонационализма" (Asch 1984) или "этнополитики" (Tanner 1983a); другие же обнаруживают наличие "наций" (Watkins 1977, Littlebear et al. 1984) и "национализма" (Nuttall 1992: 177-82; Fondahl 1993). В других контекстах можно обнаружить, что политические движения меньшинств в Европе именуются "неонационализмом" (Nairn 1977), который, согласно одному теоретику, питается из символического резервуара, содержащегося в пре-модернистских "этни" (ethnies) (Smith 1986; 1992: 48). Хотя этот список гибридных терминов и не полон, он все же демонстрирует тенденцию относить национальные процессы за пределами Европы на более низкий уровень классификации.

Самым убедительным аргументом в пользу раздвоения категории национальной самоидентификации считается то, что динамика социальной организации качественно различается в зависимости от масштаба изучаемого общества. Считается, что в обществах, где все знают друг друга в лицо, возможна либо более "простая", либо более "сложная" форма социального взаимодействия, которая не нуждается в абстрактных обобщениях националистической идеологии, и вместо этого определяет этнические границы на уровне индивида (Cohen 1985: гл. 1; Gluckman 1965; Eriksen 1993: 99-101). Что касается обществ, основывающихся на товарообмене и разделении труда, то считается, что в них реализуется вариант социального взаимодействия, при котором контакты между людьми ослабевают и зачастую происходят посредством ролей, созданных системой законодательных договоров и образования. Среди наиболее известных примеров последнего типа социального контекста – "воображаемые сообщества" Бенедикта Андерсона (Benedict Anderson, 1991), в которых люди, пространственно разделенные и, возможно, никогда не встречавшиеся, испытывают, благодаря общему набору литературных символов и национальных мифов, общее чувство "нации"

1991; Horowitz 1992; Armstrong 1992; Bremmer 1993; Suny 1993), хотя при этом их словоупотребление подразумевает, что русские не являются частью "национальной проблемы".

("nationness"). Наиболее ясной и часто цитируемой формулировкой данной позиции является мысль Эрнеста Геллнера (Ernest Gellner, 1983: 46) о том, что в эпоху национализма современные государства формируют "мобильное, грамотное, культурно стандартизированное, взаимозаменимое население". Одна из последних формулировок подобного модернистского представления совмещает два этих подхода:

...сила националистической идеи – что люди должны иметь общую культуру и управляться кем-либо, принадлежащим к той же культуре – представляет собой, видимо, историческую инновацию. Технический уровень большинства исторических сообществ таков, что он лишен эффективных средств массовой информации и дешевого транспорта. Это означало, что большинство людей было заключено внутри сильно обособленных сегментов и не могло делить чувство общности судьбы с людьми, с которыми они никогда не встречались (Hall 1993: 3)".

История долины нижнего Енисея, как, впрочем, и окраин Европы (Wolf 1982), эмпирически противоречит этой вере в свободу общения в современную эпоху. Как будет показано в главе IV, практика постоянных передвижений на оленях по восточной Сибири (вполне возможно, что это один из самых дешевых и надежных видов транспорта) привела к созданию широкой сети межкультурных контактов и союзов, которая была разорвана только после введения промышленной организации труда. В условиях вынужденной зависимости от механизированного транспорта, средств связи и административного устройства государства чувство принадлежности к нации, которое в конце концов выработалось у эвенков и долган, могло быть только "воображаемым". Представляется, что националистические чувства возникают не столько вследствие контактов между людьми, сколько из-за обусловленной промышленным развитием узости среды, из которой можно вырваться только с помощью социальных взаимодействий (например, транспорта или связи), жестко регулируемых элитой ³⁵

³⁵ Вероятно, промышленная ограниченность послужила ключевым условием для возникновения и других движений, вроде движения за права животных. Те, кто решительно заявляют о солидарности с дикими животными, зачастую никогда их не видели или не обладают даже самыми элементарными знаниями об их поведении. Людей же, ежедневно взаимодействующих с животными, обвиняют в бесчеловечности, когда они охотятся.

Не вызывает сомнений, что регулируемые структуры общественной жизни в государствах с сильной властью представляют собой иной тип социальной организации. Но кто способен различить масштабы? Как неоднократно подчеркивал Геллнер (1978: 137-141; 1983: 29-38), осознают масштабность общественной жизни реально лишь представители таких групп, как интеллигенция и чиновники, которые воспитывались в железных рамках государственного порядка. Существует, однако, множество других категорий людей, которых причисляют к "промежуточной зоне" то этнических групп, то наций, в зависимости от границ, в которых они оказались, от официальной политики государства в области занятости или от их политических взглядов (Eriksen 1993: 119). Эта расплывчатость масштабов увеличивается процессом, который многие аналитики считают концом национальных государств либо вследствие потери ими монополии на насилие (Tilly 1990), либо из-за растущего влияния транснациональных корпораций (Harvey 1989).

Трудности разграничения между этническими и национальными явлениями особенно остро видны на примере долины нижнего Енисея. Предваряя изложение главы III, отметим, что, по общепризнанному мнению, в этом регионе проживают представители нескольких наций (например, якуты и русские) и нескольких "этнических групп" (например, долганы и эвенки). Если обобщить местные повседневные названия (а на этом уровне можно ожидать наиболее сильного проявления националистических чувств), то скоро обнаружится ряд конфликтующих самоидентификаций. Русские рыбаки чаще называют себя "сибиряками" или "судняками" (например, при встрече с москвичами), а не ссылаются на свою "национальность". Долганские активисты часто заявляют о своей тесной связи с республикой Саха, вплоть до отнесения себя к якутам. Подобные наблюдения могли бы привести к выводу о том, что этническая группа долган развивается в сторону нации, а местные русские превращаются в этническую группу.

Эту парадоксальную ситуацию не разрешает и привлечение аналитических категорий. Члены долганской "этнической группы" не требуют пока создания собственного государства с соответствующим флагом, денежной единицей и таможней. Тем не менее, их исключительное и амбициозное чувство принадлежности трудно отличить от чувств их "двоюродных братьев", богатых алмазами якутов, которые, как опасаются в Российской Федерации, вполне способны ввести у себя все три упомянутые атрибута. Как будет показано в главе IV, вопрос о том, является

ли Таймыр якутской территорией, имеет в восточной Сибири долгую историю. Для того, чтобы отнести долган к недовольным этническим активистам или к искусным национальным стратегам, надо либо обладать шестым чувством предсказателя судьбы наций, либо незаметно для себя встать на "государственную точку зрения" (Hobsbawn 1990).

Если отвергнуть оптимистическую идею чиновников и макро-социологов об абсолютном различии между этническими группами и нациями, то мало что остается для разграничения между этническими и националистическими чувствами. Исследователю лучше всего избрать ту или иную категорию, не подразумевая при этом, что одна перерастет в другую. Чтобы подчеркнуть, что чувства эвенков и долган – не анахронизм и не ограничиваются выяснением национальности на уровне индивидуального общения, я буду при описании ситуации отдавать предпочтение прилагательному "националистический", а не "этнический"³⁶ В понимании этого термина я буду сочетать классическое определение национализма, предложенное Геллнером (1983: 1) как политического принципа конгруэнтности национальных и политических единиц с другими его не менее меткими наблюдениями о националистических чувствах:

[В национализме] "мы имеем термин для обозначения вполне определенного типа ощущений и чувств лояльности и самоидентификации, порожденных современными политическими образованиями. Два признака этого типа /.../ состоят в том, что объекты этих чувств, как правило, крупнее, чем традиционные объекты общественной и политической лояльности и самоидентификации, и что эти чувства

³⁶ Из всех исследователей национализма наиболее тщательно подбирал термины историк Эрик Хобсбаум (Hobsbawn, 1990). Он отверг вариант Смита (Smith 1986) *ethnie* как "неологизм" для обозначения национальности (сам он отдает предпочтение этому последнему термину). Он видит в "чувствах коллективной принадлежности" политически ориентированный "прото-национализм" (стр. 46), но отмечает, что в некоторых сообществах наблюдается "чувство общей принадлежности...", которое трудно отличить от прото-национального" (стр. 77). Основываясь на моем сибирском примере, я сомневаюсь, что случаи "общей принадлежности" существенно отличаются от "макрополитического прото-национализма". Хотя деление националистических чувств на завязки, апогеи и развязки и не кажется мне полезным, я все же считаю подобное скрупулезное чтение исторического текста подтверждением того, что этнические чувства обязательно отличаются от националистических.

могут предшествовать объективному существованию политического образования, от имени которого они выступают, но не зависят. Другими словами, национализм не закрепляет ex post facto реальную политическую мощь, а обладает собственным независимым критерием легитимности" (1978: 134).

В главе IV я покажу, что список возможных политических образований в сравнительно изолированном регионе Сибири поразительно велик и не ограничивается выбором между суверенным государством и отсутствием политико-территориального образования. Чувства эвенков и долган интересны не из-за стремления к абсолютному суверенитету, а из-за их убежденности, что жизнь станет лучше, только в том случае, если они смогут организовать в рамках национальных образований, которые будут крупнее "коллективов", поселков или районов, к которым они уже принадлежат.

В целом в циркумполярном регионе трудности с разделением на этнические группы и национальности проявляются особенно остро. На территории канадской Арктики имеются обратные ситуации, когда местные жители, приезжие антропологи и историки определяют сообщества коренных охотников как нации, в то время как носители английского, немецкого, украинского или французского языков считаются этническими группами, или "евро-канадцами"³⁷ Политические организации коренных жителей Канады умело пользуются этим историческим различием, называя себя "первые нации" (Orekokew 1982). Использование слова "нация" в подобном контексте согласуется с понятиями "аборигенности" и "исконности". В то время как во многих странах, например, Канаде и США, принадлежность к категории "коренных" может определяться "по крови", политическая полезность этих терминов основывается на том, что лишь эти категории обладают законным правом требовать культурного и территориального единства. Существенно, что до недавнего вре-

³⁷ Наиболее часто коренное население Северной Америки называют "народами" ("peoples") или "обществами" ("societies"), или в старом варианте "группами" ("bands") и "племенами" ("tribes"). Однако в ряде случаев используется термин "нация". В официальных документах он встречается у Сноу (Snow, 1921) и Дэвиса (Davies, 1985). Современные историки и антропологи используют слово "нация" для обозначения народа, имеющего собственную территорию, язык и отдельное самосознание (Osgood 1936: 13, passim, Abel 1993: 18, passim; Tanner 1983b; Champaque 1989). Этот термин также широко распространен в истории и этнографии метисных обществ (Slobodin 1966: 7, 152-4; Brown 1989).

мени требования признания "исконности" на Таймыре и вообще в Сибири звучали редко, а если и звучали, то исходили от представителей коренной интеллигенции. Вместо этого, политические требования малых народов обычно фокусировались на коллективных правах, не отличавшихся от тех, которые требовали для себя некоренные жители. Канадский случай, помимо того, что он иллюстрирует размытость терминов "этническая группа" и "нация", привлекает внимание к еще одной стороне националистических чувств, которую обычно упускают из виду: их гражданскому аспекту.

Как указывает Хобсбаум (1990: 86-90), националистические чувства генерируют понятие "родины" (*patrie*), в пределах которой политическое образование, которое он называет государством, генерирует понятие "своего". Это понятие кажется столь удачным и естественным, что часто слово "национальность" используется как синоним слова "гражданство" (например, по-английски). В главах III.4 и V.2 я приведу доказательства того, что для советской эпохи к различию между гражданством и национальностью следует относиться серьезно. Люди, жившие либо в бывшем советском государстве, либо в России, имели соответственно советское или российское гражданство, которое не являлось национальностью. В своей ранней и пророческой работе д'Энкосс (*d'Encausse* 1976; гл. 6) показывает, что система гражданства в бывшем Советском Союзе одни народы создавала и консолидировала, а другие дезорганизовывала и превращала в апатридов (людей без родины). Таким образом в этом государстве, а возможно и в других, гражданство – это двойная категория, которая не может считаться полной без объявленной и должным образом санкционированной национальности. Я покажу, как опасения, что государство уничтожит национальность, поощряют развитие чувства принадлежности, порождаемого ею.

Без понимания двойственного характера "гражданского национализма" в бывшем Советском Союзе (*Smith* 1992: 61) подъем националистических чувств действительно может казаться либо явлением иррациональным, либо результатом "неудавшейся модернизации" (*Lane* 1992; *Cohen & Arato* 1992: 621; *Hutchinson* 1994: гл. 4; *Barner-Barry & Howdy* 1996: гл. 4). Анализ националистических чувств с позиции гражданского национализма вносит вклад и в дискуссию о "созидательной" стороне воображаемого общества (*Anderson* 1991: 6; *Benthal & Knight* 1992) и ставит заслон циничному объявлению любой самоидентификации чистой выдумкой (*Friedman* 1992). Более того, он позволяет преодолеть разоча-

рования аналитиков времен "холодной войны", предсказывавших, что единое политическое пространство бывшего Советского Союза приведет к созданию гомогенного советского или российского самосознания (Szporluk 1990; Young 1992: 87-89; Anderson & Silver 1983; Suny 1993: гл. 1, 124-131).

Поскольку чувство принадлежности к национальности гнездится внутри понятия гражданства, иногда заметно, как эвенки выражают националистические чувства на фоне ощущения, что они "советские" ("совок") или "россияне". Интересно, что эти чувства могут распределяться в зависимости от пола – например, когда модно одетые эвенкийские женщины порой добродушно, порой пренебрежительно подтрунивают над тундровиками за то, что те "нерусские". Ввиду большого объема я не буду отдельно рассматривать этот второй слой националистических чувств, а буду считать его частью целого, объединяющего идеи гражданства и национальности.

Единственная страница, взятая мной из исследований по этничности, будет использована при анализе самосознания в досоветский период. Для демонстрации того, что феномен принадлежности к национальности был продуктом советской гражданской системы, в третьей главе я обозначаю принципиальное отличие относительной самоидентификации от официально признанной. Этот контраст наиболее четко выражен у М.Херцфелда, который, анализируя эволюцию понятия самосознания в греческом государстве, обнаруживает ситуацию, когда этнические чувства воплощаются в националистические:

...этническая самоидентификация – это весьма относительное понятие, которое националистическая политическая мораль стремится превратить в абсолютное. Самосознание как "стиль", как нечто "предполагающее выбор и допускающее изменение" (Royce 1982: 9), превращается в "национальный характер". /.../ Термины культурной самоидентификации обретают определенность, которой они были лишены из-за неустойчивости общественной жизни. Националистическая конкретизация этих понятий противоречит контексту, необходимому для использования их в качестве личностных, моральных, оценочных понятий. Они становятся техническими терминами в словаре устойчивого политического порядка" (Hertzfeld 1986: 81).

Относительный характер сложившейся на местном уровне системы самоидентификации хорошо изучен в антропологии. В классической ра-

боте Ф.Барта (Frederick Barth, 1969) показано, как взаимодействие этнических групп создает этнические различия, которые поддерживаются по обе стороны подвижной границы. В главе III.2 будет показано, что проведенное К.Макклеллан (Catherine McClellan) этнографическое описание Территории Юкон (Канада) может быть с успехом приложено к описанию разнообразия взаимоотношений в долине нижнего Енисея:

"Большая часть местной терминологии крайне относительна и зависит от конкретных деталей взаимного положения классифицирующего и классифицируемого в пространстве и времени. Кроме этого, различные варианты классификации взаимно пересекаются. Наконец, индейцы Юкона часто предпочитают думать в терминах отдельных индивидов, а не целых географически ограниченных групп. /.../ Пожилые информанты почти всегда насмешливо относятся к идее, что место жительства или рождения можно всерьез учитывать при определении принадлежности кого-либо к какой-либо группе. Они постоянно напоминают, что в прежние времена "люди все время переходили с места на место". (1975: 14, 16).

В главе III я покажу, что термины относительной идентификации, встречающиеся как в старых этнографических работах, так и в современной речи, подразумевают не только разные способы культурного подразделения людей, но и несут оттенки значения профессиональной или политической принадлежности. По этой причине я предпочитаю описывать их в целом как относительные, а не как этнические категории. Акцент в этой работе будет сделан на контрасте между "фиксированным техническим словарем государственного порядка" и гибкими национальными понятиями, существовавшими до установления института советского гражданства. Для анализа перехода от разногласия местных терминов к "цифровым" названиям (Eriksen 1993: 66-67) я воспользуюсь понятием "авторитетной речи", предложенным Бахтиным (Бахтин 1981; Verdery 1991 a: 90). Анализ официальных вариантов идентификации имеет в антропологии историю не слишком долгую, но достаточно заметную в выражении значимых националистических чувств. В главе III будет показано, что национальные ярлыки можно либо использовать как стратегический аргумент в смысле Барта (ср. Eidheim 1969), либо беспардонно спекулировать ими для получения льгот при распределении благ (Verdery 1991a: 209-14; 1993a). Преимущество термина Бахтина в том, что он не предполагает у индивида полной свободы отбросить свою принадлежность к группе, как у Барта, но допускает для него возмож-

ность влиять на свое положение в административной иерархии, отдавая предпочтение какому-либо авторитетному варианту самоидентификации.

Важным аспектом этого исследования является анализ национальности в период изменения государственного устройства. В главе III.4 говорится о том, что снижение роли сельских районов в распределении ресурсов привело к росту озабоченности людей доступностью товаров, услуг и возможностью трудоустройства. Это способствовало "раздуванию (inflation) национального вопроса", когда соперничающие стороны оперируют все более пышными и всеобъемлющими определениями своих групп, пытаясь тем самым улучшить свои шансы в меняющемся общественном порядке. По моему мнению, это отражает местную интерпретацию национализма как состояния разбалансированности общества.

Кроме того, этот термин является продолжением метафор "символического капитала" и "культурного капитала" П.Бурдьё (Pierre Bourdieu 1990: гл.7 и 1984: 128-129), отсылающих к образам капиталистической рыночной системы. Конечно, с одной стороны, такая попытка применить термины, созданные для капиталистических рыночных экономик с конечным объемом денежной массы к обществу, в котором продолжает доминировать нормированное бюрократическое распределение, может оказаться неудачным смешением метафор. Но с другой стороны, известные исследователи государственного социализма пользуются этой метафорой для описания манипуляций культурным и политическим статусом в системе с конечным числом административных должностей (Humphrey 1983: 366-373; Verdery 1991 a: 87-97). Я считаю, что рыночный характер термина "раздувание (inflation) национальности" соответствует притяжательному аспекту национальности в условиях распадающейся распределительной экономики. Вердери (Verdery 1993b: 40) цитирует концепцию "притяжательного индивидуализма" Макферсона (С.В. Macpherson, 1962) для описания нации как коллективного индивида со своей душой, жизненным путем и характером. Притяжательный индивидуализм одинаково удачно передает описанное здесь обретение групповой идентификации, территории и профессий. Эта стратегия одинаково хорошо описывается и категорией "раздувание (inflation) национальности" и понятием "принадлежности".

Хотя распространение национальных чувств на малонаселенный сибирский совхоз с его советской историей и незначительным местом в распределительной системе может показаться неожиданным, в данной

работе утверждается, что феномен "принадлежности к национальности" может быть понят только в контексте гражданской системы официально утвержденных национальностей, созданной советским государством.

II.2. Принадлежность к территории

Тема "земли" часто обсуждается в повседневной жизни эвенков, долган и русских. Вариантов ее восприятия существует столько же, сколько вариантов общественной жизни в совхозе Хантайский. Существует понятие, общее для всех: земля – источник существования (таких, как еда и дрова), подобно тому как государство – источник удобств и товаров (таких, как деньги и одежда), необходимых для хорошей жизни. Для тундровика земля – это активная сущность, которая может открыть свои секреты охотнику, а может и лишить его своей благосклонности; сущность, которую трудно познать и которой невозможно владеть. Для совхозных администраторов земля – это территория, в пределах которой совхоз имеет законную монополию на контроль за перемещением товаров и людей. По закону эти администраторы не могут владеть землей, и поэтому практически их особенно не заботит ее состояние. Они заинтересованы в получении сведений о действиях людей на этой территории с тем, чтобы можно было организовывать их деятельность и присваивать результаты труда. Приезжие производители неразрывно связывают себя с клочком земли и воды, короче, собственностью, чтобы занять позицию, с которой они дальше будут вести переговоры о независимости от требований окружающего их мира. Такая собственническая стратегия все чаще применяется и коренными жителями, чтобы укрепить свои позиции в совхозе.

Дискурс вокруг земли имеет много уровней. Понятия о земле как о "сущности", "территории" или "собственности" могут сосуществовать внутри одной семьи или у отдельного человека. В отличие от ситуации с национальностью, здесь не существует навязанной государством традиции, хотя она в настоящий момент и формируется. На языке советской юриспруденции вся земля принадлежит государству. Однако этот, на первый взгляд, ясный лозунг неоднозначен. Различных вариантов взаимоотношений человека с землей было столько же, сколько существовало признаваемых государством категорий людей и типов землепользования. Чтобы объяснить подъем националистических чувств, в четвертой главе будет уделено внимание недавней собственнической риторике, которая заменила гибкий и идеализированный взгляд на тундровиков. Они как

соучастники ощущают экологию, но лишены четко определенных прав на присвоение земли. Если и можно говорить о каком-либо "переходе" в пост-социалистическом обществе, то, видимо, самым серьезным изменением стал переход от идеи "принадлежности к земле" к идее "владения землей".

В местном словаре существует множество названий для "земли". Эвенкийский литературный термин буга в Хантайском Озере не признается, а вместо него используется слово дундэ³⁸. Оно, видимо, означает "земля". Однако в повседневной речи чаще всего встречается русское слово "тундра", причем даже в диалогах эвенков ("Би тундрала һурудэм"

"Я отправляюсь в тундру"). Хотя это слово также несет в себе определенное духовное содержание, смену терминов можно считать симптомом появления представления о земле как о "территория". Значение местного термина также, строго говоря, отличается от общепринятого: в отличие от своих омонимов в русском и английском, он обозначает не только "географическую зону, лишённую леса", но также применяется для обозначения густо покрытых подлеском долин. Именно поэтому я перевожу его более широким понятием "земля".

В местном говоре нет слова "собственность"; русское слово понимают, но используют редко. И в эвенкийском, и в русском языках предпочтение отдается притяжательным местоимениям (русск. "наш", эвенк. мэндэ "мой"), прилагательным, образованным от личных имен, обозначающим владение ("Вовины", Устин-гора, "бригадный") или эвенкийским притяжательным суффиксом: Орон нунгангин бихин "Олень – его". Притяжательный суффикс =нгин присоединен к местоимению "он"³⁹. Термин "территория" будет использоваться для обозначения ог-

³⁸ В топонимах и иногда в разговоре встречается слово буга, бухады, которое переводится на литературный эвенкийский как "бог" (или, точнее, дух-покровитель какого-либо места). Некоторые используют слово бухады попеременно со словом "шайтан". Иногда оно используется в значении "место". Подобный сдвиг значения согласуется с анимистическим пониманием природы, которое будет описано в главе IV. Есть свидетельства отсутствия слова буга в илимпийском и огата диалектах (Цинциус, 1975: 150). Следует отметить, что не признается и литературное слово ахи (лес) – возможно, потому, что оно похоже на ахи (женщина). Вместо него в значении "лес" используется слово мооха.

³⁹ В русско-эвенкийских словарях (Болдырев 1994: 411; Горцевская и др. 1958: 114; Цинциус 1975: 568) собственность обычно переводится эвенкийским словом меендыкее. Это сложное слово составлено из частицы меен ("себе", "им") с до-

раниченного пространства, на котором государственные предприятия имеют право управлять общественной жизнью. Обычно русские притяжательные конструкции обозначают, что кто-либо или что-либо владеет территорией ("территория совхоза"). Термин "принадлежность" в этой главе обозначает сложную смесь атрибутов собственности, делающих акцент на отношениях человека и объекта или человека и земли.

Антропологическая литература по вопросу владения землей столь же разнообразна, как и по проблеме этнических групп и наций, и укладывается в ту же эволюционную картину. Ингольд (Ingold, 1986: гл. 6) наглядно вскрывает тенденцию общественных наук относить термин "территориальность" к охотникам-собираателям, а термин "право землевладения" – к земледельцам. Первые, подобно животным, движимы нуждой, в отличие от вторых, чье существование подразумевает закон и институты общественной жизни. Ингольд цитирует многочисленные этнографические работы, многие из которых строятся на циркумполярном материале, и показывает, что в любом обществе одновременно существуют и "территориальность", и "право владения" в культурно-специфичных формах. Самым заметным здесь оказывается различие между двумя взглядами на владение: "двумерном", когда в очерченные области не допускаются посторонние, или "одномерном", когда отдельные места или тропинки обозначают путь охотника к животным или участкам без указания воображаемых границ. В главе IV я представлю этнографическое описание того, как ландшафт "осваивается" тундровиками, чиновниками и приезжими. Широкое понимание права на землю у эвенков, основанное на знании мест, животных и правил их добычи, будет противопоставлено принципу исключительного права владения землей чиновников и приезжих предпринимателей, которым земля представля-

бавлением притяжательного суффикса -ды. В некоторых диалектах оно имеет коннотации "обладать" или "знать" (Болдырев 1994: 44). Мне это слово не встречалось, но его морфологический состав также содержит уже знакомую форму притяжательных прилагательных и понятие "знания" и тем самым кажется подходящим. В.И.Цинциус приводит северный вариант меентикен. Меня не покидает чувство, что в употреблении имен собственных, оформленных притяжательными показателями в прилагательные со значением обладания, зачастую используется сходство русской и эвенкийской грамматики. В обоих языках прилагательные имеют сходные по звучанию окончания (-ный, -ди). Русское притяжательное окончание прилагательных использовалось в повседневной речи жителей Хангайского Озера гораздо чаще, чем в Москве или Санкт-Петербурге.

стся в виде конкретных участков. Было бы неверным сказать, что эти две системы мирно сосуществуют, однако они одновременно присутствуют в пределах, например, одного совхоза. Хотя мне и импонирует то, как Ингольд показал эволюционистский оттенок в анализе вопроса о владении землей, тем не менее для получения ясной картины переплетения различных видов права на владение землей мне придется пересмотреть ряд его понятий.

Эвенкийские охотники и пастухи из Первой оленеводческой бригады использовали для описания своего взаимодействия с землей выражение "знать землю". Они говорят, что "берут" как животных, так и навыки либо от родственников, либо непосредственно осмысляя собственный опыт общения с землей. Я описываю деятельность эвенков как пример "индивидуального приобщения", чтобы подчеркнуть связь между ответственным и нравственным человеком и динамической средой. Описание взаимоотношения человека и земли без терминологии "владения" позволит по-новому взглянуть на этнографическую загадку чрезмерной экстенсивности землепользования у эвенков. Используя подход к землепользованию как к "знанию", я, в отличие от некоторых исследователей, описывавших передвижения эвенков как случайные и хаотические, попытаюсь показать, что люди в прошлом и настоящем используют, помнят и любят обширные пространства, не испытывая нужды в четко очерченных границах.

Понимание принадлежности к земле как "индивидуального приобщения" тесно связано с введенным Ингольдом понятием "конкретного присвоения" (Ingold, 1986: 110), когда человек становится "хранителем" (стр. 229) места или животных, не получая при этом исключительных прав собственности. Чтобы подчеркнуть контраст с другими типами принадлежности и сделать упор на отсутствие каких-либо оттенков собственности, в дальнейшем в этой работе я буду избегать слова "присвоение". Традицию экстенсивного землепользования у эвенков можно было бы назвать экстенсивной "территориальностью" с "размазанными и нечеткими" (1986: 156) границами, позволяющими соседям получать сведения о "местонахождении индивидов, рассеянных в пространстве" (стр. 133), не вмешиваясь в их деятельность. В нашем случае налицо тонкое отличие социального определения Ингольда права на землю от его же экологического определения территории: традиции землепользования и признаваемое обществом право охотника на "свой участок", как правило, совмещаются в одном человеке, который может и

не быть известен всем прочим работникам совхоза, разделенного по национальному признаку. Поскольку данное исследование экстенсивного землепользования базируется либо на архивных материалах, либо на данных о современных действиях, существующих наряду с другими системами землепользования, я решил сконцентрировать внимание только на вопросе права на землю. В этой книге слово "территория" используется как порождение советской системы землепользования, обозначенной чиновниками на картах, и его не следует путать с определением Ингольда.

Начиная с 1930-х годов, существовало два типа государственного территориального устройства: 1) система родовых и сельских советов и 2) система бригад и постоянных "точек". В разделах IV.3 и V.2 показывается, что оба эти типа создавались соответственно отдельным узко понимаемым национальностям.

Система формального территориального деления не позволяла эвенкам действовать в соответствии со своим глубоким знанием местности. Это ставило землепользование в зависимость от "просвещенного" мнения навязанных им охотоведов и зоотехников. Однако упорядоченная система выделения земли не заменила полностью эвенкийское учение о "знании земли", поскольку многие поколения учеников "брали" навыки у своих старших родственников в ограниченных пределах пастбищ, охотничьих угодий и рыболовных "точек". Далее будет показано, что феномен принадлежности к определенным территориям у определенных национальностей служит ключевым понятием в выражении национальных претензий.

Хотя государственная система землеустройства – это типичный пример системы, основанной на бюрократическом управлении, ее трудно отнести к случаю "абстрактного присвоения, законодательно закрепленного в системе правил" (Ingold 1986: 110). Как отмечает в своем исследовании советских сельскохозяйственных учреждений К.Хамфри (Caroline Humphrey, 1983: 118-119), причудливо сотканная сеть установленных *de jure* правил реализуется через "многослойные отношения" существующих *de facto* сил и прав, законно действующих на местном уровне. Представляется, что момент, когда формальное правило становится частью местного знания, зависит от знания конкретного места, от воспоминаний о прежних союзах и дружбе и от отношения к "процедурному ландшафту". Власть, осуществляемая администрацией, также основывается на знании. Однако логика распределительной систе-

мы базируется на знаниях, полученных при надзоре за производством, а не на знании других участников экологического процесса. В случае совхоза "Хантайский" сами его размеры делали надзор за внутренними и внешними границами практически невозможным. Это привело к перекрывающему использованию земли, самовольному выпасу животных и воспроизводству местных вариантов отношения к земле. Все эти явления были *de jure* незаконны. В то же самое время производственные задания, навязанные приезжим, которые лично не были заинтересованы в сохранении природы региона, нанесли вред окружающей среде и взаимоотношениям людей (Anderson 1992, Fondahl 1993). Для описания неоднозначного собственнического характера возникших в советскую эпоху границ я буду пользоваться термином "принадлежность". Это слово обозначает и связь с землей тундровика-эвенка, осуществляющуюся через "знание земли", и ментальность приезжих русских, и чиновничье ощущение всеобъемлющих полномочий и власти над людьми.

Внезапная законодательная отмена государственного управления сельским хозяйством в 1992 году негативно отразилась на жизни совхоза. В обращениях приезжих и долган о введении частной собственности на землю содержались требования упразднить многослойные оттенки понятия "принадлежности" в рамках совхоза и четко определить понятие собственности. Эти требования, вызвавшие значительное сопротивление, можно смело отнести к примерам "абстрактного присвоения", когда права на землю закрепляются законодательно вне зависимости от наличия у человека связей с отдельными местами. В главе IV.4 показано, что понятие исключительной принадлежности формировалось в течение последних семи лет советской власти в рамках присвоения охотничьих угодий и участков рыбной ловли. Эти примеры понимания "земли как собственности" видятся мне столь же вымышленными, абстрактными и потенциально сильными, как и "воображаемые сообщества", побуждающие людей к националистическим заявлениям. Как и в случае "воображаемых сообществ" Б.Андерсона, проявляющаяся у части населения Хантайского Озера риторика собственнического индивидуализма коренится в знании конкретных местностей и в угасающих воспоминаниях об исключительном землепользовании. Узость подхода в вопросе землепользования прямо связана с территориями, созданными советским государством. Такие социологи как д'Энкосс (d'Encausse, 1978) и Суни (Suny, 1993) утверждают, что советская административная и конституционная система изобилвала примерами несправедливости, так что драматические националистические выступления последнего десятилетия можно считать

"мстью прошлого". Данное исследование также подтверждает наличие трещин в кажущемся монолите административного устройства. Однако националистические чувства в отношении земли, видимо, базируются на опасении, что в будущем непрочное право отдельных людей и коллективов на определенную территорию может не укрепиться, а еще более ослабнуть. В этом смысле сегодняшние националисты – это мсть прошлого, заключенного не в памяти о несправедливом уничтожении досоветских прав на землю, а в боязни, что уничтожение слабого, но систематического контроля за владением землей знаменует установление еще более несправедливого режима.

II.3. Принадлежность к коллективу

Областью общественной жизни, в которой сильнее всего ощущается национальная идентификация, являются "места", созданные советской системой разделения труда. В распределительной экономике от места, на котором "устроен" человек, напрямую зависит, к каким товарам он имеет доступ, каковы качество его жилья, отдыха и уровень защищенности. Особенностью государственной социалистической экономики было то, что эти места выделялись не индивидуально, а для конкретных социальных групп. Поэтому-то, к какому коллективу принадлежал человек, было косвенным образом связано с его статусом и правами, с его национальностью.

Русское слово "коллектив" плохо поддается переводу на английский язык, поскольку последний относительно беден корпоративными терминами. "Коллектив" обычно более локализован, чем "профессиональная группа" ("professions") или "специальность" ("trades"), и в то же время шире, чем "сотрудники" ("staff"). В одном учреждении (вроде совхоза "Хантайский") может быть много "трудовых коллективов", каждый из которых обладает своим особым статусом. Эти коллективы символически маркированы официальными праздниками вроде "дня оленевода", "дня рыбака" или "дня учителя". Профессиональные связи, в которые коллектив включает своих членов, порой существенно определяют их жизнь. Все работники, от пастухов до учителей, когда-либо посещали какие-нибудь курсы обучения, часто оплаченные организацией, вместе со своими коллегами, с которыми им предстояло затем работать многие годы, если не всю жизнь. Эту связь человеческой судьбы с государственными учреждениями здравоохранения, образования и занятости Борнеман (Borneman, 1992) определил как чувство "принадлежности", отли-

чающее, например, "восточных" берлинцев от "западных". В этой работе я буду пользоваться русским словом "коллектив", чтобы различать чувство принадлежности у разных групп работников одного совхоза.

Несколько отходя от установленных мной самим стандартов для относительных и официальных национальностей, я буду использовать слово "коллектив" в качестве аналитического термина. Этот официальный русский термин в Хантайском Озере употреблялся крайне редко. Он появлялся только на официальных собраниях в совхозной конторе, или в школе (часто по случаю официальных праздников), или в письменных отчетах, предназначавшихся районным властям. Лишь в этих случаях совхоз представлял как единое целое, и возникала необходимость в общем названии для его составляющих частей. В повседневной речи использовались конкретные названия отдельных коллективов, например, "пастухи", "учителя", "рыбаки", причем зачастую в контексте выделения своего положения на "иерархической лестнице статусов" в рамках совхоза (Humphrey 1983: 433).

Другое ключевое деление, деление на "тундровиков" и "поселковых", противопоставляло друг другу большие группы коллективов. При последующем изложении я буду указывать, о каком именно коллективе я говорю. Однако нужно отметить, что разница между этими группами не врожденная: она представляет собой результат иерархии статусов, введенной и поддерживаемой бюрократией. Этот факт может показаться очевидным при рассмотрении различий между совхозными "аппаратчиками" и "разнорабочими", но о нем не всегда помнят при сопоставлении пастухов и метеорологов. В больших амбарных книгах, написанных анонимными работниками министерств сельского хозяйства и труда, коллективы делятся на категории, от которых зависят зарплаты и привилегии. Однако в повседневной жизни интуитивно более понятен критерий "культурности", определяющий положение того или иного "коллектива" в иерархии.

Термин "культура", созвучный термину "коллектив", переводится на английский с не меньшим трудом. "Культура" обычно переводится словом "culture", но на практике оно чаще используется скорее в смысле "культурности" (civilization)⁴⁰. Классическим примером "культуры" счи-

⁴⁰ В.В.Волков (1996) отмечает, что в своем первоначальном употреблении в 1880-х годах "культура" противопоставлялась "цивилизации". Первый термин обозначал всеобщий подъем просвещения и духовности, в то время как второй

таются такие возвышенные понятия как балет, симфония или опера – области, в которых Россия имеет всемирно признанные достижения. Существует также прямая связь между "культурностью" и "научностью" (Humphrey, 1983: 364). При этом термин "культура" шире, чем понятие "высокая культура" (high culture) и включает в себя, например, бытовые услуги. Перед отъездом из Красноярска в Дудинку, из Дудинки в Хантайское Озеро или из Хантайского Озера в Первую оленеводческую бригаду, меня неоднократно предупреждали о "низком уровне" или даже "полном отсутствии" культуры в том месте, куда я собирался ехать. Более всего моих доброжелателей беспокоила не поджидавшая меня скука и не отсутствие возможностей обсуждать проблемы критической философии, а бытовые удобства. При всех своих недостатках, таких, как отсутствие общественной бани, на фоне других экстенсивных поселков Хантайское Озеро котировалось весьма высоко именно из-за своей "культуры", выразившейся в наличии хлебопекарни и электростанции, продолжавшей работать в условиях экономического хаоса⁴¹. Важно подчеркнуть, что для приезжих русских, властей и иногда для местной интеллигенции слово "культура" охватывало как определенные житейские удобства, так и "высокую культуру", что тем не менее не разрушало субъективную и в каком-то смысле имперскую шкалу ценностей.

Пользуясь этим словарем, можно под новым углом зрения взглянуть на явление смешения гражданства и национальности, который, по моему убеждению, служит ключом к пониманию национализма. В каждой из последующих глав будет продемонстрировано, каким образом те или иные "коллективы" приобрели тот или иной национальный характер. В некоторых случаях национальная стратификация коллективов оказалась

употреблялся в смысле "эпохи вторичного упрощения и упадка национальной культуры". Волков отмечает интересный факт, что слово "культура" проникает в повседневную речь в период подъема социализма и, в частности, расцвета сталинизма. Р. Уильямс (Raymond Williams, 1983: 57-60; 87-93) указывает на подобную же двусмысленность в использовании этих терминов в английском языке.

⁴¹ Моим советчикам в Дудинке было известно, что в Хантайском Озере доля русских и украинских охотников и рыбаков выше средней; они оборудовали свои "точки" переносными электростанциями и, что важно, банями. В бытность мою подпаском мне неоднократно объясняли, что именно мытье в бане отличает "культурных" от "некультурных". Однажды меня "похитили" из Первой оленеводческой бригады на пять дней русские сотрудники соседней метеостанции "Горбичин", чтобы я мог "отдохнуть" и "хорошенько помыться" в их жаркой, наглухо закрывающейся бане.

неожиданным результатом приложения административных норм. В главе IV.4 описано, к примеру, как на формирование коллективов приезжих охотников и рыбаков влияла кадровая политика совхоза и их собственное желание охотиться сверх выделенных квот, что наносило значительный вред экологии региона. В других случаях, таких как административное отстранение всех хантайских эвенков от оленеводства, директор совхоза при формировании коллектива преднамеренно делал выбор между "передовыми" и "менее культурными" народностями.

Точно так же националистическое соперничество в Хантайском Озере зачастую имело источником высказывания, связанные с историей коллективов. Выдвигая требования на владение территорией, эвенки часто ссылались на то, что провели всю свою жизнь вместе с товарищами по бригаде, с которыми они состоят в родстве, на той или иной территории или на рыбном месте.

Обоснованность существования некоторых коллективов иногда подтверждалось ссылками на историю: утверждалось, что эвенки были "коммунистами" и, следовательно, цивилизованными, а долганы были "бунтовщиками" и, следовательно, "дикими". В подобных случаях националистические претензии на "нашу землю" действуют сразу на нескольких уровнях. В них отражены и персональная привязанность тундровика, и требования бригады на выделенную им территорию, и требования от лица эвенков как национальности. Есть свидетельства того, что гнездящиеся в иерархической административной структуре националистические претензии на местные ресурсы распространены на всем постсоциалистическом пространстве. Так, в недавнем исследовании по Монголии описывается сходное явление:

"Интересно отметить, что при социализме новые варианты самоидентификации создавались как следствие командной системы, перераспределявшей товары между группами, и других основных принципов, возникавших на базе классового и эволюционного подхода. Создававшиеся территориально-административные единицы должны были отражать понимание государством относительной иерархии этих групп. Результатом стало обращенное внутрь местничество, тесно связанное с "исключающим другого" национализмом" (Bulag 1993: 19).

В данной книге я постараюсь показать, что национализм в Хантайском Озере – это не просто стратегия "исключения другого". Напротив, в

условиях, когда принадлежность к коллективу связана с привилегиями, зарплатой и в конечном итоге с "культурой", националистическое соперничество сводится к заявлениям, что люди "заслуживают" лучшей жизни именно потому, что они эвенки, или потому, что они долганы.

Есть еще одно общественное образование, отражающее пересечение биографии человека, коллективной самоидентификации и права доступа к ресурсам, а именно род. В русской этнографической литературе под родом понимается хорошо организованная, пронизанная родственными связями, экзогамная группа, которая распоряжалась землей, животными и людьми до прихода советской администрации. В то время как многие чиновники и этнографы предсказывают возрождение первобытного патриархального родового строя на обломках совхозов, истории, услышанные мной в Хантайском Озере, говорят совсем о другом. В отличие от этнографической литературы, в реальности идиома родства используется для обозначения родственных связей как по материнской, так и по отцовской линии. В сложных генеалогиях обнаруживаются и "классическая" идеология патрилинейного рода, но она связана с людьми, которые воспитывали молодое поколение до 1932 года. В этих случаях таким аспектам, как "совместные путешествия", "обучение" и "помощь", отводится значительно большая роль, чем контролю за определенными территориями или собственностью. В разговорах на эту тему в основном обсуждается не идея возрождения нескольких основных патриархальных родов, а то, что "все эвенки – родственники". Строгое применение к этой ситуации того, что Бурдьё (Bourdieu, 1976) называет "легалистское мышление", приводит к странным выводам о том, что понятие родства утеряно или забыто, что в стрессовой экономической ситуации эвенки возвращаются к матриархальным принципам социальной организации⁴².

Хотя в сегодняшнем эвенкийском обществе классический "род" и не играет центральной роли, трудно согласиться с тем, что в свое время произошел "переход" от традиционного института рода к современному "коллективу". Сложные генеалогии, приведенные в Приложении 2, демонстрируют существование в разное время различных подходов к родству, но из этого нельзя сделать вывод о наличии хотя бы и в прошлом

⁴² Интересные аномальные случаи "сохранения родства по материнской линии" описаны у Василевич (1969: 148, 158, 232), Штернберга (1933: 132-35), Анисимова (1936: гл.2).

сильных экзогамных патриархальных родов. Вместо этого рассказы информантов подтверждают модель экстенсивного родства. Оно характеризуется связями между удаленными группами, зачастую говорящими на разных языках, а также небольшим числом поколений, после которого допускаются браки между различными линиями.

Данные по монгольскому региону позволяют сделать вывод, что модель экстенсивного родства широко распространена в районах экстенсивного землепользования. Как следует из работы К.Хамфри (Humphrey, 1979), у восточных и западных бурят глубокая память о предках сохраняется только там, где пастухи и их семьи долгое время вынуждены были находиться в одной узкой долине. В регионах с неограниченной возможностью передвижения – например, в восточной Бурятии или на широких просторах Монголии – самой подходящей стратегией оказывалось формирование "сети общественных обязательств" между экономическими образованиями, патрилиниями и родственниками (Sneath, 1993). Советские административные реформы уничтожили условия, с которыми связано экстенсивное родство. В долине нижнего Енисея формирование территориальных единиц и коллективизация накрепко привязали производителей и их семьи к конкретным кочевым Советам и совхозам, что ограничивало доступ к земле для индивидов, принадлежавших к официально зарегистрированным коллективам. Доминирующая идеология родства в Хантайском Озере связана с национальной эндогамией и имеет поверхностное отношение к понятию рода. В ней не находится места ни глубоким экзогамным родам, контролирующим определенные коллективы, ни враждующим коллективам, которые могли бы соперничать с патриархальным родом.

Идеология национальной эндогамии в Хантайском Озере использует некоторые приемы, к которым могли прибегать в прошлом для формулирования идеологии экстенсивного родства. При составлении генеалогии пожилые люди совершают длительные мысленные путешествия, чтобы связать людей через родство по женской линии или даже через приемное родство. Часто представление о предках ограничивается двумя-тремя поколениями в глубину, но повествование растекается в горизонтальной плоскости, "перехлестывает" через край полевого блокнота и выливается в обширный каталог, по которому можно легко "найти родственника".

По наблюдениям К.Хамфри (Humphrey, 1983), сделанным в двух бурятских колхозах, где ожидалось сильное влияние идеологии патриар-

хальных родов, там существовало явно выраженное понятие "женского родства" (стр. 289, 297), в котором при "выборе родственных связей" в рамках колхозной иерархии играло роль родство по материнской линии (стр. 340-1). Несмотря на то, что "хантайские" генеалогии также распространялись в обе стороны, в них явно избегают упоминаний о родственных связях с представителями других национальностей.

В Приложении 2 приведены только те прямые родственные связи между эвенками и долганами, о существовании которых я имел представление. По-своему это похоже на экстенсивное родство, существовавшее прежде. Эти сложные воображаемые паутины устанавливают связи между родственниками по отцовской и материнской линиям внутри одной национальности, и при этом дипломатично обходят "других родственников", которые когда-то были ближе, но теперь принадлежат к другим национальностям.

В главе V.1 национальная эндогамия будет названа "политикой", или "тенденцией", поскольку особого успеха она, как я покажу далее, не имела. В отличие от обширных пространств тундры в прошлом, нынешний замкнутый характер жизни в Хантайском Озере не оставляет молодым людям особых возможностей для выбора будущих спутников жизни. Это зачастую заставляет эвенкийских женщин выходить замуж "на стороне", отвергая долган или говорящих по-якутски эвенков ради временного союза с русскими.

Политику национальной эндогамии в этом поселке можно было бы считать следствием узости взглядов, если бы она не была так широко распространена в северной Сибири. В печати и в речах местных лидеров часто обсуждается потеря "генофонда" малыми народами Сибири из-за "ассимиляции" с другими национальностями бывшего Советского Союза. Х.Квон (Kwon, 1993), изучавший ситуацию на Сахалине, отмечает растущее беспокойство среди орочей по поводу "смешанных браков" и неясного будущего своего народа. В главе V.3 будет показано, что хантайские эвенки испытывают такое же беспокойство и считают себя народом, находящимся на грани исчезновения.

Наиболее трагичной стороной беспокойства по поводу неудачи национальной эндогамии является тесная связь этой местной идеологии с государственной системой признанных национальностей, разработанной официальными этнографами и государственной идеологией культурного строительства. Советские этнографы конца 1960-х годов не только

"открыли" национальную эндогамию, но и проницательно определили ее потенциал как возможного инструмента политической власти. В 1969 году, когда отдельные поселения Сибири были насильственно укрупнены в экстенсивные поселки, директор Института этнографии в Москве писал в теоретической статье об этносе и эндогамии, что объективная и неосознанная связь между этносом и 90% уровнем эндогамии в племенных группах доказывает, по его мнению, что именно племя, а не "первобытный род" служит фундаментальной "этнической единицей" (Бромлей, 1969: 84, 91). В административной системе, при которой снабжение национальности зависит от ее места в культурной иерархии, можно получить значительные материальные преимущества, раздувая статус группы, к которой принадлежишь. В ситуации, когда чиновникам и этнографам поручается выявить эндогамные группы и провозгласить их истинными этносами или народностями, старая стратегия формирования родственных связей не уместается в блокнотах этнографов и рискует столкнуть группу с "культурной лестницы". Объединив звеньев посредством браков и через коллективы, можно, во-первых, свести воедино многочисленные нити взаимопомощи, и, во-вторых, объявить свою группу отдельной нацией, заслуживающей особого отношения к себе со стороны власть предержащих. С другой стороны, опасность вымирания как народа не только ущемляет чувство гордости, но и ограничивает возможности для перемещения и вообще для успешного существования в многонациональном совхозе.

Далее будет продемонстрировано, что принадлежность к коллективу служит практическим инструментом для организации взаимопомощи и одновременно служит стратегической позицией, с которой выдвигаются требования к стратифицированной системе гражданства, национальности и культуры. Закат родового устройства в этом случае есть не столько результат общественной эволюции, сколько тактическая необходимость в условиях, когда экстенсивные связи между родами официально считаются признаком слабости нации, а не ее силы. По иронии судьбы, после краха административной системы все предложения о рыночном преобразовании тундры фокусируются на понятии рода. Это противоречит опыту работников данного совхоза, которые считают национально стратифицированные коллективы самыми стабильными структурами для организации взаимопомощи и строительства своего будущего.

ГЛАВА III. О СОБСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Говорят, что в недрах живописных гор, окружающих поселок, находятся богатые залежи ценных металлов. Местонахождение залежей – секрет, открытый лишь немногим тундровикам, давно откочевавшим в Верхний Мир, да бесцеремонным геологам, которые наносят жилы на карты с тем, чтобы когда-нибудь начать их разработку и продавать за твердую валюту. Но влияние сокрытых в недрах металлов всепроникающе и, как говорят местные, вызывает бесконечные помехи в радиосвязи между поселком, городом и соседними селениями.

Политика определения национальности сродни геологии этого района. Границы, лежащие у самой поверхности, которые легко оценить, составляют официальные определения национальности, нанесенные на карту пришлыми людьми на службе у государства. Это те залежи, которые наиболее эксплуатируются на начальной стадии, то есть в отношениях с официальными учреждениями. Однако самые богатые залежи в каждодневной практике – это те, которые скрыты в памяти о недавнем прошлом – как, например, о том, кто приезжий, а кто переселенный каменец. Среди этих запасов еще попадаются редкие сплавы, которые при рассмотрении и осмыслении открывают сомнительность многих официальных, лежащих на поверхности, терминов.

Обычно национальное соперничество в Хантайском Озере принимает форму предвзятых слухов, обвинений за чашкой чая или прохладного приветствия на улице. О принадлежности кого-нибудь к одной группе свидетельствует то, с кем он дружен, каких гостей принимает или кого выбирает в спутники для поездки, которая может занять несколько месяцев. Иногда, но всегда после употребления большого количества алкоголя, различия выплескиваются в кулачные потасовки, драки с ножами или охотничьим оружием. В таких случаях трудно объяснить причину увечья или смерти; сами драчуны нередко приводят в качестве причины национальность.

В том, что община признает различие между своими членами, нет ничего необычного. Как показано в следующем разделе, это различие чувствовалось и находило выражение еще до политических изменений конца 80-х годов. Теперь же стало возможным помышлять об изгнании какой-либо национальности или о разделе земли исключительно между

отдельными жителями. С началом приватизации, спущенной из Центра, возможность и даже необходимость раздела общей территории между группами стала реальной. Впервые за всю историю нижнего Енисея различия в происхождении, говоре или поведении людей повлекли за собой солидарность с живущими за многие сотни километров, и одновременно противостояние в вопросах права на землю и на социальные блага с теми, кто живет бок о бок.

В этой главе я прослежу развитие принадлежности, которая теперь выражается в виде националистического чувства. Используя документальные материалы и сообщения информантов, я попытаюсь показать, что это – недавний феномен. Будет показано, что термины, которые стали узаконенными определителями национальности, имели некогда гибкий, относительный характер, отсутствующий ныне в самосознании новых выкристаллизовавшихся общностей. Я не буду касаться сомнительной природы сегодняшних категорий национального, но покажу, что поверхностные, неточные границы, проведенные на карте государственными чиновниками, выгодны теперь местным стратегам. Прежде чем рассматривать этнографию национального самосознания, в следующих трех разделах я проанализирую словарь официальных и местных терминов национальности в том виде, в каком они существуют в долине нижнего Енисея.

III.1 Малочисленные народы и официальная этнография

"Великие нации всегда стремятся ассимилировать маленькие группы, ибо все, без исключения, маленькие группы могут стать наследниками великой нации, и поэтому они опасны. ...От общего отношения великих наций к ним происходит желание этнографа показать их "низкое положение" и необходимость "защитить их". В поисках объективной правды они одновременно работают для укрепления этой идеологии, тем самым заготавливают наилучшее оружие для будущей этнической войны. Это стало причиной того, что этнография и антропология стали сегодня модными: продолжению этнической войны нужны высшие знания о своих соседях" (S.M.Shirokogorov, 1933: 168)

В российской этнографической литературе принято называть коренные сибирские народности "малочисленными народами". Это выражение прямо соотносится с демографически "многочисленными" народами,

которые, подобно русским, насчитывают не тысячи, а миллионы людей. Эти новые термины преодолевали уничижительную двусмысленность, доминировавшую в советской этнографии. Русская этнография относила коренных жителей Сибири к "народностям" или "малым народам" как с точки зрения численности, так и по их роли во всемирно-историческом процессе. Важно, что термин "малочисленные народы" не предполагает, что эти группы являются коренными для территории (в отличие от терминов "native" или "aboriginal", принятых в североамериканской или австралийской научной литературе). Напротив, он означает, что численность этих народов грозит им возможным исчезновением. Это свойство – "умирающие" (endangered), приписываемое сибирским народам в политических и этнографических дискуссиях, высвечивает вопрос об определении национальной принадлежности, о "чистоте" народов и об патерналистской ответственности государства за их сохранение⁴³

В поселках долины нижнего Енисея государство выделяет восемь официальных народностей: ненцы, долгане, энцы, нганасаны, эвенки, якуты, селькупы и кеты (Табл. III.1)⁴⁴. Хотя численность большинства этих национальностей оставалась относительно стабильной, массовый приток русских привел к тому, что эти народы стали меньшинствами в пределах своих административных территорий и поселков (Табл. 10)⁴⁵

⁴³ Это предмет давнего спора в русскоязычной литературе. В досоветское время судьба туземцев, или инородцев, обсуждалась русскими либералами с позиции предотвращения их "умирания" (Геккер 1898; Рычков 19146, Патканов 1911). На заре советской эпохи научно безликие этнонимы были заменены уничижительным термином "народность". Под влиянием Сталина (1913) этот термин занял место в широком понимании мировой истории, при котором одним народам отводилось место лидеров научного и культурного прогресса, а другим – второстепенная роль (Крюков, 1989:9-12; Козлов, 1992).

⁴⁴ До 1928 г. эти народности были известны как самоеды (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы), остяки (ненцы, нганасаны), юраки (энцы), тунгусы (эвенки, эвены), ламуты (эвены), долганы (долганы), якуты (якуты) и енисейцы (кеты).

⁴⁵ Численность коренных народов сократилась до неизвестной величины в 1905 и 1914 году вследствие эпидемий оспы. Следует помнить, что уровень смертности коренных народов Сибири все еще в четыре раза выше, чем в среднем по России (Пика, 1993). Хотя статистические выборки свидетельствуют о малочисленности, высокий уровень смертности говорит в пользу того, что число "душ населения", вступающих в мир и покидающих его, значительно выше.

Как показано в Таблице 10, существует также значительная непоследовательность в определении численности некоторых групп (например, энцы и долгане) в виду неуверенности со стороны государственных чиновников в том, куда отнести ту или иную группу людей. Было бы заманчиво отбросить ярлыки официальной статистики как продукт чиновников-недоучек. Однако вопрос, кто к какой национальности принадлежит, гораздо сложнее. Как показано в разделах III.2, IV.2 и V.1, независимо от того, возьмем ли мы за основу язык, территорию или родство, нити национального самосознания в долине нижнего Енисея замыслова-то переплетаются.

В этом разделе я поступлю иначе, чем другие этнографы, и прослежу, как зарождалось убеждение, что отдельный индивидуум обязан недвусмысленно принадлежать к одной национальности. Как будет показано, этот принцип, отличающий советские этнографические работы, имеет больше общего с административными прерогативами государства, чем с народными знаниями о себе и обычаями самих "объектов исследования".

В Сибири нет ни одного малочисленного народа, который этнографы на службе государства не подвергли бы оформлению и тщательной классификации. Конечно, элементы категоризации можно найти в любом тексте; однако тексты российских этнографов особенно отражают политику российского государства. В русскоязычных работах виден глубокий интерес к установлению национальных границ, выяснению происхождения отдельных народов (этногенезу) или к классифицированию народов соответственно уровню цивилизации. Обычно, помимо писания научных статей, государственные этнографы консультировали комиссаров по делам национальностей, получали инструкции от государственных комитетов или направляли перо картографов, рисующих границы между административными областями. Очерченная ниже история государственной этнографии в долине нижнего Енисея одинаково применима к этнографии эвенков, эвенов, энцев⁴⁶, ненцев или якутов – но здесь мы ограни-

⁴⁶ Проблема этнонимов самодийских народов особенно сложна и служит прекрасным примером произвольного набора официально признанных национальностей. Так, энцы как народность не только то появляются, то исчезают из официальной статистики, но и различные группы энцев выступают то как отдельные "народы" (Васильев, Симченко, 1963), то как родовые группы, связанные брачными отношениями с нганасанами (Афанасьева, 1990). Официальный термин "энец" был выбран Таймырским исполнительным комитетом в августе 1961 г. и, как признает Васильев, является "искусственным" (Васильев, 1963). Группа

чимся различными интерпретациями долган. Такой выбор не случаен: несколько поколений государственных этнографов обращали пристальное внимание на границы между долганами и их соседями, определяя таким образом и пределы распространения каждой группы.

Этнография долган имеет богатую историю и в Российской Империи, и в советское время. Первое упоминание названия "долгане" можно найти в записках казаков – сборщиков податей, датированных 1818 г.⁴⁷ Впоследствии этот термин неоднократно используется в названиях административных единиц, таких, как Долгано-Ессейская или Долгано-Тунгусская управы, хотя индивиды в рамках этих единиц называли себя по-разному – долгане, якуты или тунгусы (Долгих 1963: 101-103, Гурвич 1977:22-25)⁴⁸.

Начиная с 1835 г., в административных и научных кругах не затихали споры о том, как следует классифицировать народ, называющийся

эвенков – хемпо, живущих в Игарке и Потапово и вступающих в браки с энцами, называются то народом, то родом (см. сноску 67).

⁴⁷ Архивные документы по Туруханскому краю многочисленны из-за поджога здания Министерства внутренних дел в Туруханске недовольными "политическими активистами" в 1908 г. (Тугаринов, 1919:51). Борис Осипович Долгих обнаружил документы 1818 г. во время своей экспедиции 1938 г. Это – "расписка", выданная "некрещеному тунгусу из рода долган" (Долгих, 1963:100; Архив МАЭ К5-1- 291:10). Следующее письменное свидетельство – расписка в получении подати, выданная "долгану Оке" в 1851 г. (Долгих, 1963:100). Есть по крайней мере одно более раннее свидетельство, обыкновенно изымаемое из истории долган, а именно корабельный журнал лейтенанта Лаптева (1851), который попал в нижнее течение Енисея с моря где-то между 1734 и 1742 г.г. Он приводит пространное описание якутов, эвенков и русских, как крещеных, так и некрещеных. Он не использует термина "долганы", хотя советская официальная этнография допускает, что этот народ должен был быть в этом районе в то время.

⁴⁸ Названия управ были введены графом Сперанским в 1822 г. в ходе административных реформ, которые осуществлялись вплоть до 1925 г. (Смидович 1925). Б.О.Долгих (1949; 1960) приводит сильный, хотя и спекулятивный довод в пользу того, что слово "долганы" в названиях этих районов в 19 веке свидетельствует о том, что одно из местных родовых имен уже употреблялось как индикатор национальности. Вопрос о том, можно ли интерпретировать род как протонациональность, будет рассмотрен в Главе V.

себя "долгане"⁴⁹. В середине прошлого века в ходе предприятия, определившего работу российских и советских этнографов на годы вперед, натуралист А.Ф.Миддендорф и лингвист М.А.Кастрен получили инструкцию уделить часть времени экспедиции в Туруханский край выяснению запутанной этнографической ситуации в междуречье Лены и Оби. В письменных отчетах экспедиций 1843 и 1846 гг. долгане (долганы) впервые упоминаются не как источник ясака, а как объект этнографического интереса (Миддендорф 1869: 688-698; Кастрен 1860:338-364). В классификациях Миддендорфа и Кастрена долгане определяются как одно из якутских "племен" на основании языка и черт лица, но оба признают, что как специалисты, так и неспециалисты часто смешивают их с тунгусами.

То, что Императорская Российская Академия наук была заинтересована в отнесении долган к одному из известных народов, неудивительно. Со времени переустройства сибирского управления в 1822 графом М.М.Сперанским каждый народ в Сибири был классифицирован и отнесен к одной из трех ступеней: оседлые, кочевые или бродячие (Raeff 1956). В прежних уклончивых сообщениях ученых о долганах их положение в этой классификации оставалось неясным, поскольку якуты считались кочевым народом (с тенденцией к оседлости), тунгусы же относились к бродячим (с тенденцией к обычному кочеванию). Со времен Миддендорфа и Кастрена несколько поколений российских ученых продолжали биться над вопросом об отнесении части долган либо к тунгусам, либо к якутам (см. сноску 54). В литературе по этой проблеме поражают не параметры классификации, а невероятные усилия, направленные на то, чтобы приписать людей к той или иной категории. На протяжении столетия не утихали споры вокруг двух вопросов государственной российской и советской этнографии – представляют ли долгане отдельную народность, и если да, то как соотносить их с другими известными народами Сибири.

Эта озабоченность очевидна уже с первого упоминания долган в научной литературе. В 1844 г. Императорская Академия наук прямо спрашивает Кастрена, "что за народ долганы, обитающие в Северной части

⁴⁹ Губернатор Туруханского края Степанов (1835 г.) придерживался мнения, что долгане есть часть тунгусов. Его преемник губернатор Третьяков (1869) описывал долган как якуто-язычное население. В инструкциях Миддендорфу и Кастрену (Кепшен, 1845) имеется ссылка на академиков Бэра и Гогемейстера (1845), которые относили долган к тунгусам.

Енисейского Округа и платящие ясак свой в Хатангский приход?" (Кеппен 1845: 125). Далее следует просьба, чтобы Кастрен определил "степень гражданского образования" и "степень просвещенности" этого народа, что, по мнению Академии, соответствовало трехступенчатой классификации Сперанского (я вернусь к идее "степени гражданского образования" в разделе V.2).

Стремление классифицировать, очевидно, было направлено не только на упорядоченное администрирование или удовлетворение научного любопытства. Возможно, наиболее очевидными были интересы, связанные с русским заселением и колонизацией. Описания местных занятий, социальной организации и торговли давали отрывочные сведения о том, пригодны ли земли для земледелия и скотоводства и содержат ли они открытые залежи золота. В классическом стиле эксплуатации, категории "кочевой" и "бродячий" помогали также определить способ налогообложения, который могло применить царское правительство. Бродячие народы облагались данью, которую они должны были платить раз в год мехами в определенном месте в пределах своей административно закрепленной племенной территории. С кочевых или оседлых народов налоги могли взиматься серебром, но при этом они могли рассчитывать на уважение их традиций или даже на дарование грамоты, признающей за ними право на определенные земли (Самоквасов 1876; Рязановский 1965)⁵⁰.

⁵⁰ В 17 столетии сбор ясака был организован в Туруханском, Летнем, Ессейском, Туружском и Илимпейском пунктах. В документах 19 века указаны также фактории на Курейке, Хантайском и Дудинке (Бахрушин 1955; Долгих 1960). Эвенки, кочевавшие по рекам Хантайка и Курейка, платили ясак IV Тунгусскому Летнему, расположенному в устье реки Курейки (Долгих 1960; 154-5; Туголуков 1963:9, 1985:198). Каменные долгане, эвенки и якуты платили ясак в нескольких пунктах, включая Летнее, Ессей и Волочанку. Обычный для этого района ясак составлял от 30 до 43 беличьих шкурок или 4 шкурки горноста, или одну песцовую (ГАКК R1303-1-121:2 [1923]). Многие местные эвенки-рыболовы сохранили царские грамоты на земле до Гражданской войны, когда они трагическим образом потеряли силу, поскольку новое правительство объявило, что "вся земля принадлежит народу" (Березовский 1930: 8-9). Помимо неразберихи со статусом и налогообложением долган, здесь шли споры относительно "чапогирского народа". Эта группа, ныне рассматриваемая официальной этнографией как один из эвенкийских родов, считалась отдельным народом вплоть до 1927 г. (Кеппен 1845:114; ГАНО R354-1-156).

Православные миссионеры также выказывали большое стремление классифицировать население для приведения местных народов не только в лоно христианства, но и под власть государства. Миссионер Михаил Суслов, который посетил долину нижнего Енисея в 1870 и 1883 гг., всегда записывал в своих дневниках количество туземцев, свои впечатления об их движении, а порой и свои предложения правительству о том, как лучше найти уклоняющихся от налогов (Суслов 1884). Своеобразным регламентирующим учреждением, связанным с практикой классифицирования, были хлебные магазины, которые можно было использовать для отслеживания и ограничения миграций "бродячих" народов. В этих распределительных пунктах казаки отмеряли зерно местным жителям в обмен на меха, в долг или за отработку. Эти предшественники распределяющего государства, имевшие официальную цель не допустить голода, одновременно ставили местное население в зависимость от продовольственного снабжения и прикрепляли их к определенным пунктам⁵¹.

В начале двадцатого столетия в этнографической литературе происходит заметное изменение тональности. Хотя российские этнографы этого времени были, возможно, наиболее независимы от влияния государственной политики, они не оставили практику классифицирования, но, напротив, использовали ее как полемический прием для придания особой важности ответственности государства за защиту своих граждан. Короткий отчет экспедиции Васильева по нижнему Енисею в Анабарский район в 1905 г. является первым в ряду этнографических описаний, противопоставляющих бедность тунгусских рыбаков богатству тунгусских и якутских оленеводов (Васильев 1908: 61-62). Живо описывая "монотонную и однообразную жизнь" тунгусов, с ее изолированностью

⁵¹ Туруханский социалист Тугаринов (1919: 50) опубликовал описание хлебного магазина на Подкаменной Тунгуске, из которого можно заключить, что этот перераспределитель был не чужд и неофициального обмена: "На должности смотрителей и вахтеров магазинов назначаются лица из казаков. Одновременно смотритель или вахтер относят и все административно-полицейские обязанности, составляя институт управления краем... Вахтеры и смотрители числятся состоящими на военной службе, носят обязательную форму, помимо жалования получают натурой паек – хлебом и крупой. Через них идет сбор ясака, собиравшегося мягкой рухлядью".

Ближайший к Хантайскому Озеру хлебный магазин в начале XX века был на реке Курейке и в Дудинке (Тугаринов 1919: 53). В середине XIX века в устье реки Хантайки был казачий пост (Долгих 1960: 121-122, Малолетко 1983: 106).

от внешнего мира, мороженой пищей и болезнями, Васильев рисует мир, далекий от удобств городской жизни. В этих описаниях традиционное возвышение якутов и долган над тунгусами сменяется изображением тунгуса как "честного и добродушного" в отличие от "угрюмого, упрямого и упорного" якута (С. 72-73).

Тема нищеты и болезней будет продолжена Рычковым, который был сослан на нижний Енисей в 1908 г. Его пребывание на Таймыре совпало с широкой эпидемией оспы, которую он описывает в ужасающих подробностях (1908: 78), используя литературное оружие для борьбы с царизмом. Его немногие опубликованные рукописи несомненно отвергают этнографическую полемику о долганах, относя их к метисам и лишая их какого бы то ни было этнического своеобразия⁵².

Однако, подобно народническим статьям по всей Центральной и Восточной Европе, противопоставление Рычковым окраинных народов, стойчески переживающих трудности, равнодушному и коррумпированному государству несли ясный призыв изучать и защищать эти "исчезающие народы", которые не могут защитить себя сами.

Хотя связь между ранжированием и самосознанием приглушена в работах Васильева и Рычкова, озабоченность экономической и культурной стратификацией вновь станет основным вопросом советской официальной этнографии. Известно стремление советской этнографии обнаружить свидетельства эксплуатации бедных тунгусских семей богатыми якутскими хозяйствами. Однако официальные этнографы были также озабочены определением культурных комплексов, наиболее близких к советскому идеалу цивилизации. Долган, которые в XIX веке были про-

⁵² "[Долган]...следует считать не близкими соплеменниками тунгусов, как полагали академики Кеппен, Бэр, Миддендорф, доктор Кривошапкин и другие исследователи края, и не долганским родом тунгусов, как полагали князя Костров, Третьяков и другие, а метисами – помесью между якутами и тунгусами" (Рычков 1914а: 106).

Опубликованные труды Васильева (1909) и Рычкова (1908, 1914а, 1914б, 1915) – лишь малая часть их неопубликованных работ, лежащих в государственных архивах. Записи Васильева хранятся в АРГО, его коллекция одежды и идолов – в МАЭ, в Петербурге (Василевич 1951, Грачева 1980). Богатейший фонд Рычкова хранится в Архиве Института востоковедения РАН в Москве – см. (Воскобойников 1967).

водниками христианства, стали рассматривать как наиболее прогрессивных из социалистических народностей Таймыра⁵³

В ранней работе Долгих (1929: 63) долгане и тундровые крестьяне по-прежнему были отнесены к наиболее культурному слою Таймыра ввиду их твердой веры в Русское православие и использования русских имен. Доброва-Ядринцева (1925: 80) видела отличие тунгусов от других народов Таймыра в их "инстинкте бродяжничества". Классификаторское наследие достигнет кульминации в работе Попова 1931 г., где долгане описываются как "передовой народ" Таймыра (КЦХИДНИ 28-1-24: 1).

Ранжирование сопровождалось умелым объединением людей в отдельные национальности. И хотя объединение народов по административному принципу восходит к реформам Сперанского, деление и отождествление народа под определенным этническим названием станет отличительной чертой официальной советской этнографии с середины 20-х годов. Подобно тому, как царизм облагал данью районы по этническому принципу, новое советское государство установило административные единицы по национальному принципу для распределения государственного бюджета. В советской структуре "административно-территориальная автономия" устанавливалась согласно этнографическому рангу той или иной национальности. "Народы" получали автономные республики, в то время как "народности" получали национальные районы или национальные округа (Kaiser 1994: гл. 3).

В связи с послереволюционным преобразованием административных единиц положение долган вновь стало сложным. Если долгане действительно являлись частью якутов, то большая часть территории между реками Енисей и Вилюй должна была войти в состав Якутской АССР, которая в этом случае получала территорию, превосходившую территорию Казахстана и даже территорию Европейской России. Если же считать долган частью тунгусов, тогда были основания сформировать крупный национальный округ по Енисею, приблизительно в границах дореволюционного Туруханского края, а возможно и включая некоторые районы Иркутской области и Якутской республики (Карта I.2). Несмотря на

⁵³ Несмотря на народнический характер работы Васильева, его этнографические описания подчеркивают важность православия для дифференциации долган и тунгусов (1908: 59-60). Это различие было ранее выдвинуто православным миссионером Суловым (1884: 207) и, возможно, впервые лейтенантом Лаптевым (1851) во время его морской экспедиции на Таймыр в 1734 г.

длительные поиски в государственных архивах, я не смог найти свидетельств официальной обеспокоенности по поводу якутских или тунгусских территориальных претензий. Однако существуют многочисленные противоречивые предложения о включении той или иной части этой территории в состав того или иного административного района, а также свидетельства официально осужденной борьбы вокруг восточной границы Якутии (раздел IV.3). Было ли советское государство специально обеспокоено проявлениями национализма в это время или нет, важно то, что под каждым из этих предложений можно найти имена известных деятелей российской этнографии⁵⁴.

Вопрос о проведении четкой границы между долганами и другими народностями был впервые поднят в связи с экспедицией А.А. Попова, маршрут которой пролегал в 1930 г. из Дудинки в Хатангу. Впервые Попов встретил "долгано-якутов" в Часовне после перехода по дороге (ныне железная дорога) Дудинка – Часовня вместе с двумя сотнями рабочих, которые шли закладывать город Норильск. Он вернулся в Ленинград весной 1931 г., через пять месяцев после того, как ВЦИК СССР утвердил границы и название "Долгано-ненецкий" для нового округа (Попов 1931; Архив МАЭ 14-1-151). И хотя нет письменных свидетельств того, что Попову была дана инструкция определить народность под именем "долгане", есть свидетельства официального интереса к этому вопросу. В

⁵⁴ В 1924-35 гг. центром формирования политики и территориального устройства был Комитет Севера (Grant 1993; Slezkine 1994; Kuoljok 1985). Во главе этого Комитета стоял П.Смидович, бывший революционер-народник, который, подобно Богоразу и Штернбергу, познал быт сибирских народов в ссылке. В 1925-1930 гг., в период образования национальных территорий, петербургский ученый В.Н.Васильев возглавлял Комиссию по изучению Якутии. Л.Я.Штернберг принимал активное участие в Комиссии по изучению племенного состава России. Бумаги из личного архива Богораз свидетельствуют, что он тесно сотрудничал с одним из комитетов Академии наук, который ведал научными экспедициями (Главнаука) и Административной комиссией Комитета Севера, который определял территориальные границы. Богораз (1925) был также автором имевшей резонанс статьи об управлении местными народами, в которой он описывает задачи советских кадров на Севере как миссионерские. Новосибирский этнограф Доброва-Ярцева возглавляла Комитет Севера для всей территории Сибири и занималась определением границы между Таймыром и Якутией. Красноярский этнограф Иннокентий Сулов, внук деятельного миссионера Михаила Сулова, был председателем Восточно-Сибирского Комитета Севера, руководил планированием объединения эвенков в Эвенкийский национальный округ.

своём выступлении перед оргкомитетом Туруханской парторганизации в Дудинке Попов говорит об определении как о задаче своей экспедиции:

"Одна из наиболее передовых в культурном отношении народностей, населяющих территорию между правым берегом р. Енисей и р. Хантагой, – долгане, которые до сих пор являются загадкой этнографической науки. Одни из ученых склонны считать их за обьякученных тунгусов, другие видят отуреченные остатки палеоазиатов, некогда населявших этот край. Для выяснения этого сложного вопроса о происхождении долган я и был командирован весной 1930 года Академией Наук" (КЦХИДНИ: 28-1-24:1).

То, что Попов выбрал долган в качестве основного объекта этнографического описания, хорошо известно. Однако его рукописи свидетельствуют об отсутствии энтузиазма в решении той задачи, которую он сформулировал перед партийными чиновниками. Его первая публикация будет посвящена родству и материальной культуре долган (1934, 1935, 1937а, 1937б, 1946); он демонстративно избегал ключевой темы советской этнографии – проблемы этногенеза. При внимательном прочтении его неопубликованных работ по вопросу об этнической принадлежности можно увидеть, как умело он использовал вместо идентифицирующих ярлыков обобщающие этнонимы, связанные с родством: донгоот, ымыын, билар, таха, а также термин "долгано-якутское население" (Архив МАЭ 14-1-151) или даже в одном месте "долгано-тунгусы" (Архив МАЭ 14-1-89). Опубликованная редакция этой работы (в отличие от неопубликованных черновиков) говорит о "долганах" уже в одном смысле, но даже здесь употреблены любопытные уточняющие определения и сдержанные оценки численности населения. Наиболее авторитетным описанием долган является статья Попова в неоднократно редактированном томе "Народы Сибири" (1954; 1964). Здесь можно найти ортодоксальное определение долган – определение, которое способен усвоить любой ученый-этнограф в Москве или госслужащий в Дудинке:

"Долганы составляют основное население Таймырского национального округа. В настоящее время долганы говорят на особом диалекте якутского языка. Сложились они из групп различного происхождения. Ядро долган составляли четыре родовые группы тунгусского происхождения – Долган, Эджен, Карынтуо и Донгот. Долганы называют себя дулгаан. Это самоназвание одной из родовых групп в XIX веке распространилось на всех долган. /.../ Раньше у них не было общего самоназвания /.../ Иногда долганы называли себя тунгуса-

ми, но отличали себя от местных эвенков Таймырского и Эвенкийского национальных округов. Они не считают себя якутами и этнографически отличаются от последних". (Народы Сибири 1954: 742).

В этой формулировке очевидны авторитарное единство этнонима, родословная этнонима, четкое разделение между соседними группами, связь с территорией, установленной правительством, и уверенность, что без помощи государства и научной этнографии долгане оставались бы в неведении относительно своей этнической принадлежности. В архиве Музея антропологии и этнографии в Петербурге хранятся четыре варианта этого текста с пометками редакторов 1932 года и позже, в которых можно заметить явное разногласие (Архив МАЭ 14-1141). Наиболее интересным является третий вариант ([1933-1937]: 17-54), в котором приведенный выше отрывок звучит совсем по-другому:

"Долгане не имеют своего самоназвания... Официально принятое название долган "саха" следует считать неудачным, [1-й вариант] так как оно неохотно воспринимается долганями [2-й вариант] поскольку исторически сложившееся самоназвание дулган-долган" нисколько не является для них оскорбительным, тогда как термин "саха" вызывает недоумение. По своему этническому происхождению долгане относятся к тунгусской группе народов, по языку (якутскому) – к тюркской". (С. 17-18).

Поправки Прокофьева как одного из редакторов "Народов Сибири" (С. 91-100) направлены прямо против фразы о том, что "долгане не имеют самоназвания", с замечанием о необходимости "улучшить" текст. Абзац, в котором утверждается, что название "долгане" не является "оскорбительным", жирно вычеркнуто. Чтобы отшлифовать этот текст, были предложены некоторые округлые фразы вроде: долгане "являются наиболее передовой народностью этого региона" – предложение, которое не попало в окончательный вариант. Последнее косвенное свидетельство политического давления на Попова находим в стенографическом отчете заседания Сектора Сибири Института этнографии от 8 января 1939 (с. 103 и сл.). После оглашения четвертого варианта текста о долганах А.Н. Липский и Г.Н. Прокофьев тут же заговорили об отсутствии четкого этнонима и его истории. Липский, исследователь этнографии эвенков, в частности, предложил по-видимому заранее подготовленное утверждение о несомненном происхождении этнонима "долгане" из языка эвенков Приморья. Взвешенное построение Липского также не вошло в опубликованный текст, но интересно, что схожие по стилю и содержанию критиче-

ские заметки появились позже в работе Долгих 1963 г. (107-8, 131) и в авторитетных лингвистических работах (Василевич 1946; Убрятова 1985: 10).

Современник Попова Б.О. Долгих продолжит это дело: он будет твердо, даже агрессивно отстаивать тезис о существовании народности "долгане". Его работы основаны на материалах трех экспедиций на Таймыр в 1926-1927, 1934-1935 и 1938-1939 гг., а также на результатах продолжительной работы в государственных архивах Российской Федерации. В первой экспедиции он занимался переписью населения, во второй собирал экономические материалы по коллективизации. Лишь в третьей поездке он официально был этнографом, работая для Красноярского краевого музея. Как и Попов, он знал якутский язык с детства, что помогало ему организовывать транспорт и проводить интервью на языке, который широко использовался в регионе как *lingua franca*.

Опубликованные и неопубликованные работы Долгих заметным образом различаются в трактовке самосознания. Наиболее ярко характеризует его как "официального этнографа" тот факт, что его этнографические исследования точно совпадают с тремя этапами образования Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа.

До создания этого административного округа (и до официальной экспедиции Попова) Долгих, в то время занимавшийся переписью населения, опубликовал полевой отчет (1929), в котором, подобно другим исследователям этнографии Таймыра, отметил исключительную сложность местной системы различных самосознаний, трудно укладываемую в аналитические термины. Погрешности этой работы, которые Долгих публично признает в 1963 г., будут рассмотрены в следующем разделе. Вместо того, чтобы исследовать обнаруженную им многомерную структуру этничности, Долгих одним из первых проявил склонность к классифицированию народов. В 1929 г. он выдвинул идею "культурно-хозяйственных" типов, которая создала любопытную картину этого региона с точки зрения этнической принадлежности населения:

- 1) Самоеды-тавгийцы – 220 семей
 - 2) Долгане (или якуты тундры) – 417 семей
 - 3) Тунгусы – 80 семей
 - 4) Якуты (или лесные якуты) – 80 семей
 - 5) Береговые самоеды – 40 семей
- Итого 837 семей (Долгих 1929: 76)

Эта модель интересна тем, что при сравнении с данными Таблицы 9 она показывает гибкие границы между тунгусским, якутским и долганским населением. Кроме того, ее явные экологические критерии можно увязать с относительными самоидентификациями, которые, по-видимому, существовали в то время (раздел III.2). Сам Долгих находил такое деление важным в силу иных, административных причин:

"Схема удобна еще тем, что, если будут производиться подсчеты по всему Советскому Северу, то данные этих 5 групп можно следующим образом объединить в более обобщающие группировки, именно: группы 1 и 5 в обще-самоедскую группу; группы 2 и 4 в общеякутскую; группу 3 – в обще-тунгусскую". (С. 76).

Его страсть к типологизации станет еще более поразительной спустя всего лишь четыре года после образования округа (и три года после восстания в Волочанке), когда в одном из своих отчетов окружным партийным органам он рекомендовал исключить всякое упоминание о долганах из научных классификаций и административных названий:

...правильно их будет считать просто объёкученными эвенками... Но ввиду того, что такое детальное дробление и без того малочисленных туземцев Севера создает большие препятствия для развертывания культурно-просветительской работы, а также учитывая языковую близость некоторых из этих групп между собой, представляется возможным объединить якутов, "долган" и затундринских крустьян в одну национальную группу якутов". (ГАРФ А310-18-67: 97 – 98 [1935]).

Окружком, очевидно, согласился с этим предложением, поскольку в этом же году название "долгане" исчезло из всех административных документов, за исключением названия округа, в пользу термина "саха". В четко составленной инструкции секретаря Таймырского окружкома партии всем работникам предписывалось употреблять "современные" названия: саха, эвенки и ненцы вместо старых: долгане, тунгусы и самоеды, которые рассматривались как отмеченные "великодержавным шовинизмом" (КЦХИДНИ 28-4-7:2). Окончательное слово Долгих, "узаконившее" долган, прозвучит в связи с празднованием 30-летней годовщины образования Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа

(1960), и вслед за государственным призывом (1958) поднять "уровень культуры" всех сельских районов Сибири ⁵⁵

"Происхождение долган" (1963) стала классической работой, прослеживающей историю образования новой народности и рассчитанной на специалистов и государственных служащих. Детальный анализ царских и советских архивных документов позволил Долгих проследить формирование долган с XIX века по пятидесятые годы XX века: со скрупулезностью армейского устава он фиксирует, абзац за абзацем, долганские роды и даже отдельных людей. В этой насыщенной информацией, снабженной отличным справочным аппаратом статье он устанавливает, что большинство всех якутоговорящих жителей Таймыра, а также некоторые жители Анабарского района Якутии, участвовали в формировании единой народности "долганы" к середине XIX века. С точки зрения Долгих, тем механизмом, который привел к образованию долган, было установление сухопутного торгового пути, известного как "Хатангский тракт", между устьем Енисея и северными тундрами Якутии. Благодаря реорга-

⁵⁵ Есть свидетельства того, что еще в 1954 г. Долгих принимал деятельное участие в попытках восстановить название "долганы". В недавно опубликованных выдержках из отчетов в ЦК КПСС, представлявших собой часть годовых отчетов Института этнографии по национальным вопросам, Долгих с сожалением констатирует незнание партработниками культуры и языков коренных народов (1993а: 134 [1954]) и указывает на то, что долган ошибочно называют "саха" (1993б: 150 [1959]). В это же самое время Долгих опубликовал и иную "племенную" классификацию, которая предшествует его статье 1963 г. и соответствующим изменениям названий 1960-х годов. В кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии в 1949 г., Долгих впервые опубликовал свои аргументы в пользу того, что политическая география торговли и сбора ясака имела столь сильное влияние на самосознание, что деления, принятые Российским государством, следует понимать как действительно "племенные". Позднее он развил свою теорию племен и территории в известной теоретической статье (Долгих, Левин 1951) и в отдельной монографии (1960). Долгих особо доказывал, что административный род Сперанского не следует рассматривать как искусственное образование, но, напротив, как имеющий долгую историю и полноценное этнографическое содержание (1949: 73). На Таймыре он выделил четыре племени (эдян, каранто, донгот, долган) долганской народности, одно племия (горагир) эвенкийской народности и племия затундренных крестьян, нганасанские и юракские племена. В этих работах "энды" еще не были выделены в отдельную народность.

низации торговли и экономики вдоль этого коридора, Хатангский тракт стал

"...своеобразным реактором, в котором самое различное по происхождению население консолидировалось в единообразную массу долган" (С. 96).

Основополагающие элементы долган, по мнению Долгих, – это якутоговорящие народы трех административных ясачных родов (Долгано-Есей, Долгано-Тунгуска и Жигано-Тунгуска), несколько эвенкийских родов, якуты из Анабарского района и с озера Ессей, говорящие по-якутски русские затундренные крестьяне и несколько энецких родов⁵⁶

Вероятно, наиболее примечательным является заключение Долгих, что долгане не только формировались на глазах этнографов, но и что коренные изменения, связанные с коллективизацией, привели к их окончательному сложению как социалистической народности (С. 135, 138).

Самой яркой чертой интерпретации истории долган в работах Долгих является ее номинализм. В самом начале статьи о долганах говорится как о самом многочисленном народе Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа. В его тексте использованы архивные источники для объяснения того, что к 1926 г. является установленным "этнографическим фактом" (С. 97, 137). То, что сами люди не всегда называли себя "долганы" в 1926 и 1927 гг., рассматривается как эмпирическая аномалия, которая только подтверждает то, что долганы представляют собой нацию в процессе становления (С. 105-106). То, что многие якутоговорящие жители в 1959 г. не отождествляли себя с "долганами", не принимается во внимание, так как предполагается, что долганы полностью консолидируются в будущем (С. 99, 129-130). То, что другие этнографы и чиновники не считали долган отдельным народом или считали таковым лишь часть всего населения, интерпретируется

⁵⁶ Правильное соотношение следующее: 45% – тунгусы, 42% – якуты, 11% – русские, 2% – самоеды (С. 126). В этот "реактор" не входят эвенки, живущие в районе Хантайского озера (С. 98, сноски; С. 123). Горные районы внутреннего плато Путоран (некоторые из них по сей день используются хантайскими эвенками) характеризуются как территория эвенко-говорящих долган, где на 1926/1927 гг. долганизация еще не завершилась (зона Е на карте Долгих).

как ошибочный или узкий подход к историческому процессу, который еще не завершился (С. 101-103, 106)⁵⁷

Точность интерпретации "происхождения долган" у Долгих могла бы стать предметом длительного обсуждения. Для портрета официальной этнографии важно отметить принцип его анализа, который не менее характерен для государственных чиновников. Номиналистическая методика Долгих в организации эмпирических материалов представляет собой дальнейшее развитие старого подхода официальной этнографии, согласно которому не только необходимо ранжировать группы, но подданные или граждане должны однозначно принадлежать к одному (и только одному) определенному народу⁵⁸.

⁵⁷ Доводы Долгих основаны на своеобразной интерпретации этнографической литературы. Он цитирует двенадцать работ, которые содержат описания тех групп, которые, по мнению Долгих, вошли в состав долган в течение XIX – начале XX века (Степанов 1835; Миддендорф 1875 [1869]; Кастрен 1856 [1860]; Мордвинов 1860; Кривошапкин 1865; Третьяков 1869; Патканов 1911; Рычков 1915 и 1917-23; Доброва-Ядринцева 1925; Долгих 1929; Попов 1934). С его точки зрения к тунгусам долган относили такие исследователи, как Степанов, Мордвинов и Кривошапкин. Миддендорф, Кастрен, Третьяков и Патканов рассматривали их как якутов. Рычков, Попов, Доброва-Ядринцева и Долгих (1929) относили их к обеим группам. Проверив все его цитаты, я пришел к заключению, что Долгих (1963) неверно прочитывает тезис о существовании долган в качестве отдельной и независимой от соседних народов группы у Миддендорфа [1860], Кастрена [1860], Рычкова (1917-1923) и Доброва-Ядринцевой (1925). Все эти авторы идентифицировали либо компактные группы долган, либо не писали о непроходимой границе между долганами и другими группами. В дополнение к списку Долгих я бы назвал работы Исаченко (1913), Кострова (1855), Островских (1904), Тугаринова (1919), Тугаринова и Лаппо (1927) и Васильева (1908), описывавшие сложные отношения между якутами и тунгусами. В этих работах отдельные группы (но не все) рассматриваются как долганы.

⁵⁸ Это был достаточно общепринятый принцип официальной этнографии в бывшем Советском Союзе. Предваряя "узаконивание" долган, на страницах "Советской этнографии" развернулась необычайно острая дискуссия о статусе "оленных якутов", населяющих Анабарский район (раздел IV.3). П.Е.Терлецкий (1951) указывал на то, что многие люди, относимые к якутам на пограничье между Эвенкией и Таймыром, считали себя тунгусами по данным переписей 1897 и 1926 гг., а их нынешнее отнесение к якутам является ошибочным. В серии статей Гурвича (1950а, 1950б, 1952), Долгих (1950, 1952а, 1952б) и Сулова (1952) устанавливалось, что этнонимы соответствуют территории проживания, а не тому, что могут заявить информанты. Несмотря на раннее замечание Терлец-

Построения Долгих не только переплетаются с российской государственной практикой по сути анализа – ведь основным источником данных являются ясачные записи и перепись населения. Они связаны и с современной ему государственной практикой. Статья "Происхождение долган" вышла из печати вслед за возвращением специальной этнографической экспедиции, организованной по случаю 30-летия Таймыра. Среди рекомендаций о том, как наилучшим образом осуществить централизацию колхозов, руководитель экспедиции Юрий Стракач жаловался партийным работникам (и в копии – Долгих) на отсутствие четкости в национальных классификаторах:

"Из-за недооценки в округе научного подхода к учету национального населения в материалах Всесоюзной переписи 1959 г. полностью отсутствуют данные о ведущей национальной группе Таймырского (Долгано-Ненецкого) округа – долганах. Наши контрольные опросы населения показали, что значительная часть долган, употребляя самоназвание "саха", не придает значения чисто якутскому характеру этого термина (саха – якут)". [Далее следует изложение сходных проблем с самоназванием энецев] "... Для исправления создавшегося положения необходимо провести широкую разъяснительную работу, используя средства радио и почты, провести научно-обоснованный переучет ненецко-нганасано-энецкого и долгано-якутского населения". (ГАКК R-1386-1-3820: 57 [Сентябрь 1960]).

Хотя полное научное исследование, предлагаемое в этом письме, так и не было осуществлено, значение письма сказалось очень скоро. К 1 января 1961 г. в годовых статистических отчетах по Таймырскому автономному округу число долган подскочило с нуля до 3943 (явно включая некоторых якутов и, возможно, эвенков) (ГАКК R-1386-1-3820). 15 января 1961 г. на страницах окружной газеты "Советский Таймыр" появилась первая статья на долганском. В том же году в официальной статистике Таймырского окружкома партии все ранее числившиеся саха были приведены как долганы (КЦХИДНИ 26-34-98:160). Первое лингвистиче-

кого, что такие названия, как "тонгус", могут не соотноситься с национальностью, Долгих (1950: 171) приходит к заключению, что исторические классификаторы следует рассматривать однозначно, как, например, население озера Есей: или целиком – якуты, или полностью – эвенки. Книга Гурвича (1977) уже содержит общепринятую историю оленных якутов.

ское исследование по долганам было опубликовано в 1966 г. (Убрятова 1966)⁵⁹

В 1967 г. секретари поселковых советов в сельских районах заменили записи национальности в похозяйственных книгах с "саха" на "долганы" (ГАТАО 73-2-13 до 14: 73-2-17 до 20).

Прелесть авторитарного стиля официальной этнографии состоит в том, что он умеет одновременно прясть нить этимологии и плести сети новых значений слов. В 1963 г. Долгих (С. 106) тонко отмечает такую практику на Таймыре:

"С 1935 года в Таймырском национальном округе в качестве официального названия долган было принято самоназвание якутов "саха" Введение этого названия в русский язык нельзя признать удачным, так как даже для собственно саха, якутов Якутской АССР, в русском языке давно уже существует слово якут и поэтому тем менее было необходимо вводить это название в русский язык для долган, которые по языку и происхождению хоть и близки якутам, но все же представляют отдельную народность... Только с 1959 г., в Таймырском национальном округе в языке официальных документов, печати, радио стало снова сходить правильное для русского языка название этой народности – долганы". (С. 106)

Нет никого, кто мог бы дать более точную историю использования слова "долганы" в XX столетии. Как показывают приведенные выше документы, в 1935 г. Долгих сам обратился с письмом к краевым и партийным властям относительно непоследовательности в использовании этнонимов и представил аргументы в пользу окончательной замены термина "долганы" терминами "якуты" или "эвенки" (ЦГАРФ 310-18-67: 95 до 98). С сентября 1960 г. название "долганы" появилось вновь, но на

⁵⁹ По-видимому, советские лингвисты с меньшим энтузиазмом, чем советские этнографы, относились к обоснованию долганского языка как отдельной языковой единицы. Хотя знаменитый исследователь якутского языка Е.П.Убрятова исследовала язык норильских долган в 1935 г. (Убрятова 1985), ее первое опубликованное в 1960 г. суждение о долганах было осторожным в отношении своеобразия их языка. В отличие от многих языков народов Сибири, у долган до 1979 года не было официального алфавита. Об истории становления долганского языка см. (Артемьев 1992).

этот раз не для обозначения близкородственной или ясачной группы, а как узаконенное название национальности⁶⁰

В этом разделе было показано, что ранжирование и определение этнографических единиц является давней практикой российской официальной этнографии. В царское время подобные действия способствовали ясачному обложению и общественному контролю. В советское время эти методы использовались для включения людей в то, что получит наименование "режима гражданства" (раздел V.2). Хотя интерес к классификации народов имеет долгую историю, документальные материалы дают основания полагать, что утверждение национальности "долганы" является несомненным продуктом советской официальной этнографии. Как будет показано далее, этот термин связан не только с материальными привилегиями для разных народов, но и с административной практикой по отношению к тем или иным малочисленным народам. И хотя, как показано в разделе V.3, официально установленные национальности связаны с конкретными программами сохранения сибирских народов, они также гарантируют, что эти народы останутся "малыми". Приведенный в этом разделе статистический материал показывает, что все более дробные классификационные системы, в которых народы отнесены к жестким категориям, могут быть расширены лишь за счет расшатывания того показателя, который указывает их место в режиме гражданства. На волне переселения начала 70-х годов носители долганской национальности начнут жить в укрупненных поселках бок о бок с представителями других национальностей. В этих искусственно созданных условиях бумажная категория "долганы" оживает в быту людей, обостряя чувство их принадлежности к "передовой" народности и негативно отражаясь на тех, кто называется эвенками.

⁶⁰ "Ратификация" национальностей официальными этнографами продолжается и в 1990-е годы. На Международной конференции по проблемам коренных народов, проходившей в Москве в сентябре 1993 г., этнограф Галина Григорьевна Алексеева из Анабарского района Республики Якутия рассказала о своем проекте найти этноним для долган-ася, более известных как якуты-оленоводы (см. Гурвич 1977). Она утверждала, что это олениводческо-охотничье население районов, граничащих с Таймыром, не ощущает единства с якутами центральных районов. Однако они не называют себя и "долганями", воспринимая его как русское образование. Нерусский по происхождению термин долган-ася подчеркивает их отличие от якутов и культурное своеобразие. (Ася – нганасанское имя для тунгусов.)

Прежде чем перейти к рассмотрению чувства принадлежности в поселке Хантайское Озеро, в следующем разделе мы проследим свидетельства более широких определений этнической принадлежности в работах официальных этнографов.

III.2. Этнографические аномалии: причудливая мозаика

"Этот край кажется причудливой мозаикой, составленный из многочисленных народностей, совершенно не изученных и по какой-то странной игре случая оставленных вне научного внимания. Обычно на этнографических картах эти народности бывают известны под общим названием тунгусов, самоедов и т.д., а между тем при ближайшем знакомстве они делятся на многочисленные группы, часто резко отличающиеся друг от друга по языку и быту. Хотелось бы искренне верить, что Всесоюзная Академия наук обратит свое внимание на этот пестрый цветник народностей, на этот позабытый оазис между Енисеем и Леной". (А.А.Попов. Письмо В.Г.Богораз-Татаеву, Дудинка, ноябрь 1930 (Архив МАЭ 14-1-149: 6)

В этих словах А.А. Попова слышно острое любопытство и в то же время озадаченность разнообразием культурных проявлений на Таймыре того времени. Число исследователей нижнего Енисея невелико, но всякий побывавший там замечал эти различия – даже если они слабо отражены в опубликованных работах. Это разнообразие прочитывается в определенных противоречиях работ исследователей, свидетельствующих о том, что выработанная, устоявшаяся и систематическая терминология не вполне отражает богатство их этнографических данных. При рассмотрении многочисленных этнических групп, молчаливо подразумеваемых в официальной советской этнографии, будет показано, что этот регион не уникален в том смысле, что люди, отклоняясь от "нормы", сами путаются в собственной национальности, а централизованная категоризация не соответствует сложному чувству принадлежности. Далее будут рассмотрены "неофициальные" варианты самоидентификации, которые сосуществовали с обозначенными национальностями в 1992-93 гг. в Хантайском Озере.

Трудности работы исследователя-полевика в понимании самоидентификации честно описаны географом А.Я.Тугариновым⁶¹, который после тщательного сравнения ясачных списков с живущими в таежных районах Верхнего Енисея людьми, пришел к выводу об отсутствии в долине Нижнего Енисея четких национальных границ:

"Если для некоторых исследователей ее смешанное происхождение является спорным, то для других очевидно, что степень культурного влияния или наследия перемешавшихся народностей также неодинаковы, и поэтому требуется едва ли не индивидуальное изучение любого туземца, который носит название "долган". К этому примешивается та искусственность, с которой туземцы были спаяны в административные роды, закрепившие за человеком принадлежность к группам, с которыми он не имел ничего родственного. На практике также постоянны затруднения для администрации, миссионеров в смысле отнесения той или иной семьи либо к долганам, либо к якутам или, наконец, к тунгусам. Можно достаточно наговориться с тунгусом и потом с удивлением узнать, что он себя причисляет к долганам". (Архив РАН 135-2-305: 17)

Этот откровенный пассаж Тугаринова ставит вопрос не только о полном соответствии обозначений, принятых царской администрацией, местным названиям, но и о загадочном явлении, когда для одного и того же человека характерно двойное (и даже иногда "смешанное") самосознание. Это явление получит название "относительного самосознания", поскольку, как будет показано далее, местные этнические названия на Таймыре редко однозначно указывали на глубокое восприятие человеком своей принадлежности к народу, но, однако, отражали его поведение, его статус, или специально "выдавались" для удобства слушавшего. Используя работы официальных этнографов, мы покажем, что этнические названия, часто принимаемые как фиксированные этнонимы, нередко накладываются друг на друга для общения между языками, экологически

⁶¹ Полевые исследования Тугаринова имели целью сбор данных для этнографического атласа Сибири под руководством С.Ф.Ольденбурга и возглавляемого им Комитета по изучению племенного состава Советского Союза. Этот комитет был ликвидирован в 1930 г. после первой "чистки" в Академии наук. Карта, опубликованная в работе Ольденбурга 1929 г., показывает в районе Нижнего Енисея пересекающиеся зоны тунгусского и якутского влияния. Пояснения Тугаринова планировалось опубликовать в 1931 г., но они так и не попали в печать (Архив РАН 135-1330: 70).

ми зонами и занятиями (ср. Humphrey 1992: 125). Поскольку каждый из этих аспектов может меняться в течение жизни человека, нередко рядом с якутом оказывается тунгус (или иной локальный вариант, например эвен, долган, ася или бету) (Vitebsky 1992: 225). В этом отношении тайга и тундра Восточной Сибири схожи с родиной качинов и шанов высокогорий Бирмы, где эти группы легко трансформируются одна в другую в зависимости от социальных, политических и экологических параметров (Leach 1964).

По иронии судьбы, именно Б.О. Долгих, который ввел понятие "долганы", первым столкнулся с этим парадоксом, работая переписчиком населения в 1926 и 1927 гг.; однако он пришел к менее радикальному заключению. Выразив изначальное недоумение несоответствием между установленными административными границами и народами, кочующими в пределах этих границ и через них (С. 70), Долгих (1929) призывает к критическому анализу неточной терминологии местных русских (С. 62), названий ясачных единиц (С. 70) и названий, которые сами коренные жители используют, говоря по-русски (С. 60). В поисках "этнографической индивидуальности" того или иного народа (С. 63), Долгих дает очень характерную этнографическую картину, построенную на разговорах:

"Долган трудно даже на первый взгляд считать за особую племенную группу. Сами они при разговоре на долганском языке называют себя – "хака" (или "саха", в более восточных частях Хатангского тракта), т.е. "якут". При опросе по-русски они называют себя то долганами, то тунгусами, а то просто родовым именем. /.../ На вопрос об их племенной принадлежности они всегда отвечают – долган, и не любят, чтобы их называли тунгусами. Но при более детальном расспросе они подтверждают свое тунгусское происхождение. /.../ Туземец рода Донгот, если назовут его долганом, большей частью не соглашается с этим и предпочитает называть себя "донготом", придавая этому слову какой-то оттенок племенного названия. Но в большинстве случаев сразу же при этом указывает, что он, собственно говоря, тунгус, а Донгот – лишь название рода. /.../ Туземец рода Эдян называет себя большей частью тунгусом, реже долганом, но если в последнем случае переспросить его, то сразу поправляется и говорит "тунгус". /.../ Наконец, туземцы рода Каранто, как мы уже видели, почти всегда называют себя тунгусами, реже "каранто", придавая, подобно тунгусам рода Донгот, названию рода значение племенного названия. /.../

Мы теперь ясно видим, что все четыре рода (Долган, Донгот, Эдян и Каранто) представляют цельную этнографическую группу, разделение которой на "долган" и "тунгусов" будет являться грубой ошибкой. Кроме того, из вышеизложенного следует, что название "долганы" является названием не целого племени, а лишь одного из родов". (С. 60-62).

Здесь Долгих дает понять, что термин "долганы" имеет иное хождение в зависимости от того, на каком языке ведется разговор. Он полагает, что его первоначальный смысл содержится в родовом имени, но сам термин имеет второе и третье значения в качестве "племенного имени" или, для местных русских, имя "всего народа". Скорее всего, отклонения в применении терминов "долган" и "тунгус" объясняются повторными вопросами и переспросами самого Долгих: опрашиваемый явно пытается адаптировать свою речь так, чтобы она была понятна буквоеду-переписчику. Далее в этой статье он пишет о такой же относительности слова "тунгус":

"В словаре русского жаргона, употребляемого в Хатангской тундре, слово "тунгус" имеет, кроме своего прямого смысла, еще и другое специфическое значение, которое лучше всего передается словом "абориген". Также и в языке самоедов-тавгайцев слово "асси" означает в первую очередь "тунгус", а затем уже и остальных туземцев" (С. 64).

Предвосхищая свою более позднюю работу, Долгих переходит к ре-систематизации найденных им в избытке терминов в аналитические категории "культурно-хозяйственных типов", которые шире ясных единиц. Здесь Долгих эксплицитно указывает на важность языка как "культурного знака" национальности, а не только как отличительной черты племени или рода (С. 72). Как мы уже отмечали, Долгих (1963) станет позднее применять этот критерий для выявления всех групп, включенных в "долганскую народность", для которых якутский был первым, вторым или третьим языком.

Однако названия, используемые им в ранней работе, не являются чисто лингвистическими терминами, а относятся к культурным типам, выстроенным по экологическим зонам: "якуты тундры", "речные самоеды", "лесные якуты" (С. 70, 74). Я склонен считать, что экологическая привязка этих терминов не случайна, а придает дополнительную значи-

мость специфическим проблемам классификации, стоящим перед Долгих.

Перенося и группируя бытовые названия в названия экологических групп, Долгих постоянно обращается к Хатангскому торговому коридору (С. 51, 60, 72, 74), культурному "реактору", названному им в статье 1963 г., который простирается к северу от границы тайги и тундры. Долганы, или тундровые якуты, являются в этом коридоре проводниками и вступают в сложные взаимоотношения с живущими к северу и югу русскими, самоедами и тунгусами. "Культурным знаком" этих контактов является различная степень "долганизации", измеряемая по степени использования якутского (sic) языка:

"Таким образом, тунгусов Таймыра можно разбить на три культурных группы: совершенно "долганизированные" на станках Хатангского тракта, затем "долганизированные" лишь внешне, но сохранившие язык и ряд тунгусских бытовых черт в окрестностях станков и ближайших к ним частях "Камня", и, наконец, почти совершенно самобытные тунгусы в глубине "Камня" (хребет Миддендорфа)". (С. 65)

Если читать это не как оценку автором этнографической чистоты, а как показатель контактов между группами, то можно представить, что названия "долган" и "тунгус" возникли как относительные тогда, когда люди из разных районов и с разными родными языками встретились друг с другом и попытались общаться.

При ближайшем рассмотрении этнографической работы Долгих (1929) становится возможным разделить разговорные этнические названия между различными типами хозяйства, которые можно найти в тундре, тайге или горных долинах "камня". Например, "долганизированные" тунгусы проводят лето в северной тундре, в то время как "совершенно чистые" тунгусы применяют другую стратегию и проводят лето высоко в горах (С. 74). Подобным образом зажиточные ессейские якуты отправляются с оленями в северную тундру (возможно, вместе с "долганизированными" тунгусами), а их бедные сородичи остаются ловить рыбу на реке Хета (С. 66). Несколькими абзацами ниже мы узнаем, что первые называют себя "ессейскими тунгусами" (дегей тунгустар); впрочем, Долгих считает их культурный тип якутским. И хотя нигде в этом тексте такое заключение не высказано прямо, похоже, что относительный термин "тунгусы" относился к тем, кто сопровождал большие

стада оленей на холодные и ветреные пастбища северной тундры, а термин типа "долганы" относились к тем, кто занимался торговлей.

Этот теоретический вывод о культурно-обусловленном разделении труда можно было бы логически подкрепить тем соображением, что трудное путешествие на север в тундру необходимо только при очень большом поголовье оленных стад (до двух тысяч голов). Для выпаса большого стада северных оленей необходимо не менее шести взрослых мужчин. И хотя вполне возможно, что долганы и тунгусы могли вместе пасти стадо, имущественное разделение по своей природе в то время было таково, что обычно существовали богатые владельцы и бедные работники (пособники). Было бы резонно предположить, что "оленные люди" отличались не только по роду деятельности, но и по статусу. Подтверждение тому можно найти в подробной работе Добровой-Ядринцевой (1925), которая типологизировала культурные группы Таймыра не по языку, а по кочеванию в различных экологических зонах. Так, например, она отнесла якутов, долган, затундренных крестьян и тундровых тунгусов к одному типу, замечая при этом, что

"ни по пути следования к летним кочевьям, ни на местах летних кочевий нет никакого разграничения между этими народностями" (С. 63).

Вслед за Долгих, она заметила, что на нижнем Енисее и тундровые тунгусы, и долганы зимовали вместе в районе Норильска, но расходились на лето. Тунгусы уходили в арктические тундры по верховьям реки Агапы, а долганы оставались в устье Енисея. Хотя она и не связывала отдельное летнее кочевание этих народов с хозяйственными стратегиями, можно предположить, что нахождение на побережье давало долганам преимущества в торговле, а северные тундры в это время года были наиболее пригодны для выпаса оленей⁶².

В записках А.А. Попова, первого официального этнографа, посетившего Таймыр, содержатся и другие сведения о местных названиях тунгус и долган:

⁶² Доброва-Ядринцева приводит подробные статистические данные об этих двух группах. В 1925 г. в районе Норильска насчитывалось 943 тундровых тунгуса и 455 долган. Тундровые тунгусы владели 6768 оленями. Эта цифра возрастет в три раза (19395), если действительно тундровые тунгусы выпасали оленей своих соседей-долган в летнее время.

"До самого недавнего времени у долган не существовало общеплеменного самоназвания. Если спросить у долгана, какой он народности (применяя известное ему якутское слово "omuk"), то называет себя по имени своей фратрии (орды или biis): "Я – Донгоот" или "Я – Еджеен". Правда, долгане иногда называют себя и "t̄a kihite", что значит по-якутски "лѣсной человек" и "teegee", что значит по-тунгусски "народ". Эти термины очень мало употребляются, особенно второй, известный только в Норильском районе. Употребляют первый термин долгане не только по отношению к себе, но и к соседним тунгусам. Иногда еще долган может назвать себя и тунгусом, но нам известно, что у якутов вилюйских, соседей долган, слово тунгус часто употребляется не как название народности, но как название оленного вообще, безотносительно какой он племенной принадлежности. По этой причине вилюйские якуты, имеющие коров и лошадей, затундренных оленных якутов называют тунгусами, хотя эти последние, сталкиваясь с долганами, называют себя только якутами. Не трудно из этого видеть, что, очевидно, когда долган говорит, что он тунгус, этим самым выражает не свою этническую принадлежность, а занятие. Слово "долган" название лишь одной фратрии и стало употребляться как название целой народности русскими и охотно воспринимается теперь и самими долганами". (1934: 133).

Относительность названий "тунгус" и "долган" отчетливо видна в этом отрывке, особенно при сопоставлении с приведенной выше пространной цитатой из Долгих (С. 119, 128, 130, 138). Название тунгус (тонгус) встречается в различных контекстах, когда местные тундровики приветствуют друг друга по-якутски. В этом отрывке используется несколько значений. Бросается в глаза, что термин, указывающий на большую связь с оленями, неохотно сообщается как Попову, так и Долгих, поскольку он, видимо, указывал на более низкий статус тундровиков. Причины того, почему он мог быть менее престижным, не затрагиваются в этой статье. Возможно, те, кто имел дело с оленями, считались бедными или зависимыми. Также возможно, что тех, кого в царской России относили к тунгусам, считали "нецивилизованными" на основании принадлежности к "бродячим" народам. Название "долган" (дулгаан) появляется только со времени контактов с русскими. Так, русские могли называть всех местных якутоговорящих "долганами". В свою очередь, коренные народы могли использовать слово "тонгус" для более тонкого различения занятия и, возможно, статуса. Это подтверждается парал-

лельным использованием названия "лесной народ" (т'а кихите), обозначающего всех живущих на земле – как эвенков, так и долган⁶³

Этим отрывком Попов как бы показывает генеалогию слова "долган", которое к тому времени получило некоторое признание как коллективное имя. Гораздо интереснее, однако, рассмотреть эту двойственность, чтобы показать, насколько отличались относительные названия от официальных определений, вводимых официальными этнографами в это время.

Последней любопытной аномалией в работах официальных этнографов является вопрос о масштабе. За период с 1929 по 1963 г. не только установилось название для долган, но и были установлены границы их этнической территории. В начале этого периода Долгих (1929: 76) и Попов (1934: 117) описывали очень небольшую группу: соответственно 417 семей и 499 человек. К 1959 г. это число "выросло" в официальную цифру в более чем четыре тысячи человек, населяющих весь Таймыр и небольшой район Якутии⁶⁴.

⁶³ Название тыа/тыалар или тыа-кихи/тыа-кихилер указывает на негородской характер группы. Оно переводится то как "лесные", то как "поселковые" (Попов 1934; Долгих 1963: 105), то как "все те, кто принял долганские обычаи" (Убрятова 1985: 11). П.Е.Островских, красноярский географ, совершивший много экспедиций на Таймыр в 1899-1904 годах (Островских 1902; 1903; 1904), подтверждает, что название "хака" часто используется долганами, но добавляет и название "техоль", которым, по его утверждению, пользуются тунгусы для обозначения долган.

⁶⁴ Раздувание статистики по долганам прослеживается в статье Долгих (1963). В ней применены три различные системы подсчета, которые связаны с тем, что автор объединял долган в 1926/27 гг. 1) с ясачными группами [3,728] (С. 93-94, 128); 2) с территориальной группой [4, 391] (С. 95-99); 3) с родом [4,082] (С. 107-28) – [в квадратных скобках мои подсчеты – Д.А.]. В зависимости от того, согласен ли читатель с тем, что эвенко-говорящие якуты или якутоговорящие эвенки и есть долгане, эти данные могут быть пересчитаны и дать минимальное значение 1313 "чистых" долган или среднее значение 3591 якутоговорящих жителей смешанного происхождения. Долгих же приводит наибольшие значения в каждом случае. В своих подсчетах я использовал цифры Долгих, поскольку не смог найти оригиналы счетных карточек переписи, которые он цитирует. Четвертую систему подсчетов можно найти в работе Долгих (1929) (ссылки на нее см. выше), от которой Долгих позже отказался.

Собственно архивные материалы, приведенные для объяснения этого демографического скачка, трудны для интерпретации и не рассматриваются в этом разделе. Достаточно сказать, что включение в группу долган каждого, кто либо произнес слово "долган", либо понимал по-якутски, показывает, насколько необъятной была территория, на которой установились долгано-гунгусские связи. Я вернусь к вопросу об экстенсивном землепользовании в разделе IV.2.

Один из известных приемов социальной антропологии заключается в использовании аналитических категорий идентичности, которые могут быть далеки от местной терминологии. В этом разделе я предпринял попытку найти в классических этнографических текстах свидетельства существования самоназваний, которые применялись бы по-разному в зависимости от того, что важно было подчеркнуть говорящему: характер его деятельности, язык или исконную территорию. Я также показал, что мастера официальной этнографии были заинтересованы не столько тем, как человек выражает свою сущность, сколько определением единой группы населения, к которой этот человек принадлежит. То, что официальные этнографы и оленеводы по-разному описывали принадлежность к этнической группе, не представляло бы острой проблемы, если бы не вопрос о власти. По мере того, как передвижения народов все более концентрировались вокруг поселков и управлений, призванных регулировать всякую деятельность и затем проводить перепись официально признанных этнических общностей, "причудливая мозаика" Таймыра начала переплываться определенными силами советского культурного "реактора". В следующем разделе будет показано, как эти сравнительно недавно намеченные границы между народами начинают использоваться в повседневной жизни.

III.3. Самоидентификации, имеющие хождение в Хантайском Озере

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

А.С.Пушкин

Тридцать лет назад в официальных зданиях Дудинки и Москвы государственные этнографы отобрали из богатого набора местных самоназваний те термины, под которыми народы Таймыра будут фигурировать в официальных документах, в средствах массовой информации и в литературе. Начиная с 1960 г., жители поселков, вроде Хантайского Озера, начали задумываться над тем, как приспособить эти узаконенные властью названия в жизни. Несмотря на уверения "сверху", что национальная принадлежность научно доказана, а, возможно, благодаря им, в 1993 г. вопрос о том, кто же, собственно, является тунгусом, хака или долганом все еще горячо обсуждался в поселке. Как и каноны советской этнографии, местные варианты официальных названий имеют свою историю. Я прибегну к метафоре "хождения", или "оборота" для обозначения, какие этнические названия используются среди различных групп поселка. Как будет показано, названия не имеют равного хождения как между поколениями, так и пространственно, между экстенсивными поселками и территориями, их окружающими. Будет документально показано уменьшение числа названий в пределах языковой общности Хантайского Озера. Хотя можно убедительно доказать, что именно деятельность государственных чиновников и этнографов привела к значительному обеднению словаря самоназваний, это не означает, что официальные этнические названия являются ошибочными или бессмысленными. Далее мы рассмотрим, как спущенные сверху слова не только вошли в оборот, вытесняя прежние названия, но приобрели ценность как оружие в борьбе за распределение государственных средств.

Местом, где происходит регистрация официальных национальностей, является управление поселковой администрации. Здесь в многотомных похозяйственных книгах национальности людей записывают в статистических целях и хранят для инспекции со стороны официальных лиц и для приезжих исследователей (Таблица 4). Те же самые данные можно получить у жителей, задав вопрос: "Кто вы по национальности?"

Как пояснила секретарь поселковой администрации, национальность ребенка называет его мать спустя несколько месяцев после рождения. В возрасте 16 лет ребенок сам имеет право выбрать национальность, которая будет записана в паспорте. Секретарь не смогла припомнить ни одного случая, чтобы подросток выбрал национальность, отличную от той, что записали ему во младенчестве родители⁶⁵.

На вопрос, можно ли записаться "саха", "тонгус" или каменский, она рассмеялась. Она также считала, что регистрация длинных названий вроде долгано-якут внесло бы путаницу. Однако, она все же сочла возможным и интересным просмотреть список собственных имен в книгах регистрации, чтобы объяснить мне, к какой коренной группе (например, каменские, хантайские или приезжие) относится тот или иной человек.

Неудивительно, что за пределами поселковой администрации имеет хождение гораздо более широкий набор названий, чем официально утвержденные. Список обыденных названий приведен в Таблице 11. Из большого числа названий в этой таблице сначала трудно заметить, что государство оказало какое-либо влияние на типы используемых названий. Однако, многие из приведенных в Таблице 11. названий столь редки, что знакомы лишь нескольким жителям. В отличие от официальных этнографов или некоторых местных информантов, я не рассматриваю эти архаические названия как связанные с самосознанием древних эвенков или долган. Однако их анализ важен с точки зрения того, как изменились за последние тридцать лет названия, имеющие хождение. Сравнительный анализ словарного запаса старшего и молодого поколений показывает, что набор самоназваний был в прошлом богаче и что до не-

⁶⁵ Должность секретаря поселковой администрации занимают по очереди несколько женщин среднего возраста, достаточно образованных для работы с документами. За время моего пребывания там сменилось три секретаря и два председателя. Разговоры с теми, кто когда-либо занимал эту должность, не выявили больших перемен в регистрации национальности людей (хотя хранящиеся в архивах похозяйственные книги обнаруживают интересные изменения национальности некоторых жителей. См. III.4). Ни председатель окружного ЗАГСа в Дудинке, ни его предшественник не смогли припомнить кого-либо, кто пожелал бы изменить свою национальность с долган на саха или наоборот. Более того, ни тот, ни другой не могли вспомнить, под каким предлогом произошло изначальное переименование. Говоря словами нынешнего регистратора, "это, должно быть, редкие образованные националы интересуются своим прошлым".

давнего времени к одному и тому же человеку могло свободно применяться более одного названия.

Группа с богатым словарем этнических названий – это поколение пятидесятилетних и старше, переселенных с Камня. В этой общине самые старшие "долганы" назовут себя только "хака/хакалар", но ожидают, что русскоязычные исследователи (вроде меня) будут называть их долганы. Те, кто осел на Камне в конце жизни, также используют названия типа "арга" ("из-за/с юга"), чтобы различить якутоговорящих жителей озера Ессей и живущих по Хантайскому тракту⁶⁶. Обыкновенно, те пожилые "эвенки", которые занимались оленеводством, называются тонгус/тонгустар, даже если они предпочитают говорить по-якутски. Большинство членов этой группы официально зарегистрировано как эвенки. Молодые якутоговорящие (25 лет и старше) употребят название "каменские" для указания места своего рождения. Однако, чтобы подчеркнуть свою образованность и то, что они осознают свой юридический статус, они предпочтут в качестве этнического самоназвания слова "долган" или "эвенк". Их дети, рожденные уже в Хантайском Озере, различают лишь два названия – эвенки и долганы.

Аналогичное обеднение терминологии наблюдается и внутри хантайской общины. Поколение 50-летних и старше склонно называть себя, используя слово "эвенки", которое они произносят по правилам эвенкийской фонетики (aev'пki) и в единственном числе (т.е. это не равноценно русскому слову "эвенк"). Старшее поколение может изредка употребить слово "хемпо" в отношении тех, кто теперь живет в окрестностях Потапово, но в прошлом кочевал за южной границей тундры, которая сейчас загрязнена Норильским комбинатом (Карта 4)⁶⁷ Люди старше 25 лет

⁶⁶ Местные жители отмечают некоторые лексические различия между якутоговорящими населением Волочанки и якутоговорящими арга: агаал! вместо эгэл! (говори!); чэркэ вместо тананг (белый); арга вместо кошэ (черный) (См. также Грачева 1983).

⁶⁷ Леонид Мелько из Первой оленеводческой бригады говорил, что хемпол – "они народ такой". Официально они зарегистрированы либо как эвенки, либо как энцы. В местной терминологии они представляют собой экзогамную группу, вступающую в браки с юраками и тунгусами. Работавший в Потапово этнограф Туголуков был вполне убежден в их независимом происхождении и называл их самостоятельной "этнографической группой" (1985: 211). Васильев (1963: 38) определяет "группу" хемпо, живущую в Потапово, как три семьи Сапожниковых и семью Мельковых.

предпочитают называть себя официальным русским словом “эвенки”. Молодое поколение испытывает гордость от осознания своей официальной национальности. Например, молодая эвенкийская женщина, работавшая начальником собеса в Дудинке, с гордостью показала мне свой паспорт, в котором по ее настоянию в графе “национальность” было вписано “эвенкийская” вместо типичного для Таймыра “эвенка”.

Из старинных названий два слова являются очевидно обобщающими и не соотносятся с определенной национальностью. Их все более редкое использование, возможно, вызвано растущим в поселке национализмом. Можно встретить здесь и космополитические названия типа “лесные люди” тиаа/тиаалаар (см. выше сноску 63) или “другие люди” – техол (Василевич 1970; 1972). По словам одного пожилого информанта, первое долганское название означает следующее: “Это все люди.., ну, все там.., в тундре эвенки и долганы.., все вместе.., я такого больше не слышу”. Молодой охотник-эвенк объяснил мне значение второго названия с иронической улыбкой: “Их теперь называют долган, но на самом деле они техол. Так старики говорят. Значит – иностранцы, люди, непонятные эвенкийскому языку.”

Оба этих названия, некогда широко употреблявшиеся, теперь почти не используются, но переосмысляются в свете сегодняшней неприязни между каменскими и хантайскими.

Неустойчивые сдвиги значений местных названий от одной группы к другой наиболее ярко можно продемонстрировать на примере слова “тонгус”. Пожилые оленеводы, переселившиеся с Камня, используют это название в качестве определителя и зачастую с чувством гордости. Так, однажды старик-олeneвод, широко улыбаясь, поприветствовал меня как “канадского тонгуса”, когда я шел по тропинкам поселка одетый в свои бакари из оленьей шкуры и в расшитой бисером лисьей шапке. В представлении старых пастухов тонгус сохраняет двусмысленность и означает как тех, кто пасет оленей, так и тех, кто придерживается эвенкийских культурных традиций. У каменной группы русское слово “тонгус” также используется как синоним для обозначения эвенкийского языка (“Я не понимаю по-тонгусски”). Пожилые хантайские эвенки используют это название редко и лишь в отношении поведения (с едва уловимым уничижительным оттенком):

(Контекст: чаепитие после двух дней поисков Третьей оленеводческой бригады и ее бригадира. Бахилий – пожилой эвенк-олeneвод, выросший на Камне)

"Бахилий? Да это настоящий дикий тунгус (скрытая ссылка на Пушкина – Д.А.). Посмотри на его след! Да это же медвежий след. Он идет от одной чащобы к другой. Где густой лес, там и Бахилий".

"Дикость" и "олeнность" в этих цитатах подтверждают высказанное выше предположение, что тунгус – это относительный термин, который указывает на род занятий, профессию, и, возможно, сохраняет ярлык "бродачести", некогда присвоенный царским правительством.

Однако слово "тонгус" часто встречается в разговорах между хантайской и каменской молодежью. Молодые эвенки, чьи семьи истари живут на озере Хантайское, с горькой обидой воспринимают это название:

И.А. Мне не нравится, когда эти (каменские) называют нас тунгус. Пусть называют нас эвенки.

Д.А. А что означает "тунгус"?

И.А. Не знаю, будто мы ниже или что-то в этом роде. Они хотят обидеть нас, так я думаю.

Это новое уничижительное значение термина прямо связано с жестокими конфликтами, которые характеризуют зарождение национализма в поселке; но об этом – в следующем разделе.

Эти изменения в словаре этнических названий каждого поколения показывают не только сокращение общего числа этнических названий, но и сокращение числа названий, которые могут относиться к одному человеку. Пожилые информанты и по сей день используют несколько названий. Например, пятидесятилетняя продавщица из Волочанки, у которой я жил в мой первый месяц в поселке, называла себя то саха, то долган, то арга или тиаа. Ее же дочь признавала лишь название долган. Всеми уважаемый старик-олeneвод, вышедший на пенсию, обычно употреблял названия тонгус, эвенк (по-русски), эвенки (по-эвенкийски) и тиаа, а его сын признавал лишь названия каменские и долганы. Среди людей, как и в похозяйственных книгах, которые хранила смешливая секретарь, существовал сужающийся набор возможностей, в пределах которых

одному человеку могли быть приписаны сложные этнические характеристики.

Хотя число имеющих хождение категорий сократилось, некоторые люди сохранили определенную изощренность в "настройке" на официальные названия национальностей. К наиболее искушенным знатокам национальных тонкостей относились члены "самой эвенкийской" Первой оленеводческой бригады, как объясняет Любовь Федоровна, старшая чумработница:

Контекст: весна, по таймырскому радио передают песню долганского шамана.

Л.Ф. (внезапно, не в ответ на вопрос): Он говорит "Люди не виноваты", повторяет снова и снова.

Д.А. (с удивлением) А Вы понимаете по-долгански?

Л.Ф. (после паузы) Конечно! Здесь всякие люди и все говорят на разных языках. Все понимают по-долгански и по-эвенкийски.

Д.А. А сестры рода X.?

Л.Ф. Эти сестры словно дикие (т.е. дикие олени). Всегда были далеко от поселка. Вот и не понимают. Другие тянутся к поселку, вот и говорят.

Д.А. А могут ли каменские говорить по-эвенкийски?

Л.Ф. Каменские такие наглые! Мая всем разболтала в пекарне, что Первая бригада потеряла всех оленей, а на самом деле другие бригады упустили своих оленей, и они попали в Первую! /.../ Все они одинаковые, что саха, что эвенки.

Д.А. Как же тогда Миша (он недавно пришел в Первую бригаду)? Он не говорит по-эвенкийски, но он же ваш родственник (троюродный брат, говорящий по-русски и по-долгански)?

Л.Ф. Ну, у этой семьи натура настроена на долган.

Мысль Любви Федоровны, что можно "настроиться" на национальность, как настраивают радиоприемник, очень удачна. Она говорит, основываясь на личном опыте. Она мне никогда не говорила, но я узнал от других, что ее собственное происхождение (Схема 5) было классически долганским для выходцев из района норильских озер. В ее роду были

родственники пяти, как бы мы теперь сказали, национальностей. Она сама была зарегистрирована как саха, пока в 1965 г. не стала долганкой. После переселения каменцев она изменила официальную запись в 1972 г. на "эвенка" (и, видимо, перестала афишировать свое знание долганского языка) (ГАТАО, 73-2-1 до 33). Похожую историю поведал мне вышедший на пенсию рыбак и охотник, с которым я чинил сети в январе-феврале 1993 г. Записанный эвенком, он свободно говорил по-эвенкийски и по-долгански. В то время, когда он был совхозным управленцем, ему доводилось ездить по разным городам Таймыра, Эвенкии, Якутии и бывать на застольях, и он любил переходить от столика к столику, выпивая сначала с эвенками, потом с якутами. Хотя оба эти примера отчасти игровые, они дают понять, что времена "чехарды" с национальностями прошли. Современная политическая ситуация в Хантайском Озере в условиях разваливающейся плановой экономики такова, что требует прямого присоединения к той или иной национальности.

Несколько расширяют терминологические рамки последнего времени два других русских названия, по значению близкие прежнему относительному названию тонгус. Категории "тундровики" и "пастухи" применяются вне зависимости от того, идет ли речь о долганах, эвенках, русских и даже о канадце. Противопоставление, заключенное в этих названиях (тундровик – поселковый; или пастух – рыбак) имеет непосредственное отношение к профессиональным различиям, рассматриваемым в разделе V.2. Важно то, что их значения связаны с наблюдаемой производственной деятельностью индивидов, а не со строгим порядком официальной этнографии⁶⁸. "Термины действия" (performative terms) распространялись зачастую среди молодежи и стариков, живущих в тундре. Хотя общепринятой манерой бытовых действий Первой оленеводческой

⁶⁸ Приписывание идентичности по производственным признакам хорошо описано Хеоником Квоном в разговоре с ульта (ороком) на Сахалине: "В Чайво жил один гиляк (них на языке улты). Его семья жила рядом с нами. У него было несколько оленей /.../ Он не хуже нас ездил на оленях. Он поехал в тайгу и привез соболей. Однажды он один поехал (на оленьих нартах) на материк. Он часто приходил к нам и подолгу разговаривал с нашими стариками. Я слышал, как наши старики называли его улты. Я думал, что он гиляк, но наши старики называли его улты". Вслед за этим отрывком Квон заключает: "Чтобы быть улты, человек должен уметь пользоваться ула (оленем) /.../ Это не обязательно идентичность, с которой рождаются, но скорее качество, которое можно приобрести" (1993: 5-6)

бригады является молчание, это не то молчание, которое исключает критический взгляд или насмешливую улыбку, если что-то делается "неправильно" {раздел IV.1}.

Живучесть слов действия в некоторых сферах иллюстрирует нынешние пределы хождения официальных терминов. В известной мере эти пределы были пространственными. По мере того, как аргиши Первой оленеводческой бригады уходили все дальше и дальше от поселка, обычным декларативным определением идентичности становилось "тундровик", а не эвенк или долган. Если в беседах за чаем разговор заходил об ушедших людях, мои расспросы об этнической принадлежности этих людей наталкивались либо на раздраженное молчание, либо на ответ, что тогда эвенки были "езде". Наверно, наименее успешным экспериментом, какой я провел, было чтение вслух моего эвенкийского словаря (Кочнева 1990) с тем, чтобы проверить, применяются ли выражения южного литературного диалекта в северной периферии расселения эвенков. Из двухсот выражений, включая сорок, которые, по моим наблюдениям, не применялись в обиходной речи, угодливый бригадир либо опознал, либо утверждал, что слышал от других все двести...

В отличие от немногочисленных ситуаций, в которых применялись официальные термины, возможности показать национальность в действии были не в пример богаче. Национальный определитель чаще употреблялся в качестве прилагательного или применительно к языку: "По-эвенкийски [эвэдэты] это будет хука [топор]"; "А в Канаде ты работаешь русским топором или эвенкийским?"; "Давайте приготовим эту рыбу в эвенкийских "салфетках" (рыбу заворачивают в газету и кладут в печь)". Помимо частого в первое время вопроса, живут ли эвенки в Канаде, мне неоднократно повторяли одну и ту же фразу, в которой неизменно присутствовало слово "эвенки": "Если ты будешь (вязать, плести, рубить) вот так, ты никогда не станешь "эвенки"!" По мере того, как я учился, моя этнологическая жажда приписать всему окончательное название ослабевала, уступая место более гибкому и уважительному отношению к "грамматике действия".

Опыт восьми месяцев работы в тундре и нескольких месяцев в архивах подсказывает мне, что последние тридцать лет глубоко отразились на категориях идентичности в окружающих Хантайское Озеро районах. Сокращение числа этнических терминов, которое сопровождалось изменениями в их употреблении по отношению к индивидам, изменениями значения этих терминов, а также уменьшение "терминов действия" сви-

детельствует о замене у людей своего активного бытия стесняющим чувством своей принадлежности. Однако, как будет показано в следующем разделе, идея принадлежности к национальности – это богатейшее понятие, которое с недавнего времени введено в широкий оборот.

III.4. Инфляция национальности

"Вчера посадили в тюрьму моего брата. Говорят, что он убил в драке Ч., она началась из-за разбирательства, кто есть тунгус. Д. (ее брат) защищал эвенков, ему не понравилось, что обозвали тунгусом. Самое интересное, что Д. в паспорте записан долганом, а Ч. – эвенком. Наверное, все же виновата водка!" (Письмо из пос. Хантайское Озеро, декабрь 1993 г.)

В предыдущем разделе разнообразие названий самоидентификации местных жителей сравнивалось с прямолинейной и узкой официальной терминологией, используемой в отношении людей этнографами и управленцами. Было показано, что их наиболее богатый запас скрыт в сознании старшего поколения или связан с деятельностью тундровиков. Подростки и молодежь (и шире – поселковые) описывают свой социальный мир небогатым запасом терминов, которые, если и имеют какое-либо местное значение, то с уничтожительным оттенком. В этом разделе будет показано, что вместе с выражением межнационального соперничества в этой общине официальные термины идентичности стали применяться к большему числу людей и в различных контекстах. Следствием применения официальных терминов является разжигание межнационального соперничества; этот процесс мы назовем инфляцией национальности (*national inflation*). Продуктом этой инфляции является чувство принадлежности к национальности.

Метафора "инфляция национальности" имеет то содержание, что некоторым понятиям придали большую ценность, чем они изначально имели. В условиях денежной гиперинфляции, которая подорвала уже и без того небольшую ценность денежных заработков в Хантайском Озере в 1992 и 1993 гг., это вполне подходящий образ для описания национализма, который переживает община. В предыдущих двух разделах приведены документальные и этнографические материалы, которые показывают, что различные местные самоназвания в этом районе не чеканились мелкими партиями, а сложным образом переплетались друг с другом в зависимости от поступков, образа жизни и статуса как говорящего, так и слушающего. С другой стороны, официальные названия, внедренные

государственным социализмом, были ограничены, официально санкционированы и потому значимы. С развалом системы люди обратились к категориям национальности, вдохновлявшим их на выдвижение громогласных политических и социальных требований, что само по себе не вписывалось в строгие рамки административного и этнографического регламента, породившего эти названия.

Инфляция национальности в Хантайском Озере по-разному затронула эвенков и долган. Подъем чувства принадлежности к эвенкийской национальности – гораздо более недавнее явление. Наиболее частыми случаями этой инфляции являются те, когда разные самоидентификации объединяются под наименованием "долган". Цитата в начале этого раздела – еще одно свидетельство драматичности и сложности этой ситуации. Ирония этого случая состоит в том, что посаженный в тюрьму участник драки был официально зарегистрирован долганом, но, весьма вероятно, националистические убеждения почерпнул у своей матери, властной женщины, хантайской эвенки. Хотя его отец был официально долганом (долган с озера Ессей, якутского происхождения), юноша считал необходимым ответить на оскорбительное для него имя тонгус. Но оскорбление было в данном случае обоюдоострым. С одной стороны, оно обесценивало его привязанность к народности своей матери и ее родне. С другой стороны, оно отрицало его принадлежность к долганской общине по отцовской линии. Но есть и второй уровень иронии. Юноша, назвавший его тонгусом, был официально зарегистрирован как эвенк; его корни уходят к тому поколению жителей озера Ессей, которые с гордостью называли бы себя тонгус. Этот случай является непростым примером обвинения, обесценивающего эвенкийское происхождение и одновременно раздувающего (inflating) ценность долганского происхождения. Трагизм письма учительницы не столько в иронии несоответствия официальных названий и чувства принадлежности каждого из мальчиков, сколько в коварной логике националистического противостояния, при котором принадлежность к одной национальности можно по-настоящему прочувствовать, лишь отрицая принадлежность к другой⁶⁹

⁶⁹ Сомневаюсь, чтобы мои хантайские знакомые согласились с моим трагическим видением этого инцидента. Эвенки в Хантайском Озере относятся к подобным смертям философски. Они уверены, что трагические судьбы "передаются". За несколько месяцев до этого инцидента двоюродный брат арестованного юно-

Забвение общих уз, связывающих эвенков и якутов – элемент, часто сопутствующий националистическому соперничеству (Repan 1990) – общая основа националистических выступлений в поселке.

Реакции на инфляцию национальности обычно выражаются не столь прямолинейно и в поселке, и в тундре. Тундровики и поселковые одинаково подчеркивают несовместимость чувств и официальных категорий. Однако и те, и другие выступают в защиту не увеличения, а уменьшения числа этнических названий.

Несмотря на то, что характерное для тундровиков немногословие едва ли подходит для националистических дискуссий, мне попадались и другие примеры обеспокоенности по поводу официальных названий, которые воспринимались как неуместные. Как и в случае моего обучения премудростям быта и оленеводства, некоторые из самых интересных разговоров возникали, когда я совершал нечаянную оплошность. А если мы и затрагивали эту тему с обычно молчаливым бригадиром Николаем Савельевичем, то во время разговоров в долгих скитаниях по тундре.

Контекст: весна, в поисках оленей на пьяной лайде (открытое пастбище)

Н.С. Вон там, на пригорке. Это старый чум. Там охотники были... (длинная пауза). А может это того шамана место... Куропатка.

Д.А. Его так зовут? (Н.С. подтверждает) А как это будет по-эвенкийски?

Н.С. (после долгой паузы, быстро) хулаки... По сей день его родственники говорят куропатка, потому что боятся.

Д.А. (после нескольких минут пути) Значит Куропатовы его родственники?

Н.С. (нетерпеливо) Не путай имен и фамилий! Потом, Куропатов – это придуманная фамилия. И Ульман тоже (фамилия каменных эвенков). Они должны быть Верещагины. Прошкины – на самом деле Тульские. И все так. Нет никаких долган. Все выдумки!

ши получил ножевое ранение в такой же "случайной" драке с сыном человека, который в молодости много лет назад ранил ножом отца пострадавшего.

Контекст: спустя два дня корчует мотыжкой деревья для изготовления полозьев для балка

Д.А. Знаешь, я читал ту книгу о долганах (Долгих 1963). И кажется, что на бумаге их название все время меняется с саха на долган.

Н.С. То же самое и с каменцами. Когда они пришли, то называли себя яко (якуты). Какие они якол! Никакие они не якол. Все перемешалось!

В ситуации, когда молчаливые действия являются наиболее убедительным аргументом, трудно установить, насколько сильно сопротивление изменениям в хождении этнических названий. Похоже, что в этом заявлении раздражение вызвано обеспокоенностью замещением категории действия на официально-бумажные категории. В других случаях Николай Савельевич отзывался на утверждения о долганах словами типа "болтовня" (ардя) или "вранье". Однако за этим раздражением просматривается сознательная попытка убедить, что в этой общине лишь названия "эвенки" и "якуты" имеют право хождения. В его речи название "долганы" не присутствует.

Владимир, мой сосед по балку, молодой человек из того же рода, что и бригадир, тоже проявлял такт, когда отрицал существование долган как национальности:

Контекст: обсуждение вопроса о долганской национальности за чаем,
* под удары шквального ветра, раскачивающие балок из стороны в сторону

В.: Ничего особенного в них нет. Это просто смесь. Якуты смешались с эвенками, которые перекочевали слишком далеко на Север... Мой отец говорил по-якутски и по-эвенкийски. И Филипп относился к якутам, только к настоящим, а не к этой помеси.

Смысл суждения Владимира приобретает оттенок избирательности для каждого, кто знаком с генеалогией Утукогир, которая обнаруживает хитросплетение эвенкийского и якутского брачного узора (Схема 3). Например, принадлежность Филиппа к якутам, как ее понимает его племянник, не может быть установлена исключительно по его происхождению. Филипп говорил по-якутски, как и многие из его братьев, сестер и двоюродных братьев. Считается, что именно его двоюродные братья (в приводимой генеалогии отнесенные к роду Хутукагирь) принадлежали к долганам, к той самой "помеси", о которой говорил Владимир. В своем

утверждении он, по-видимому, посчитал возможным отнести своего дядю к официальной национальности, к тому же престижной, словно хотел показать, что долганы – валюта не столь твердая, если не фальшивая.

В самом поселке инфляция принадлежности к долганам обычно выражается в небольших забавных инцидентах. Обычный тому пример – удивление, которое выказывают поселковые, узнав об официально засвидетельствованном эвенкийском происхождении некоторых каменцев. Историю про один брак мне рассказала сначала эвенкийская невеста, а спустя несколько месяцев ее отец:

Л.С. Когда я впервые пришла сюда из Потапово, я мало знала о каменцах. Потом вышла замуж. Мне нравилось быть замужем. Мы ладили. Однажды я нашла его паспорт, в котором было написано “эвенк”. Я показала это ему и спросила: “Ты эвенк?”. И он ответил: “Да”. Смешно, правда?

С.С. Никогда не знаешь, кто тут эвенк. Вот моя дочка вышла замуж за долгана, а он оказался эвенком! Может, ты и сейчас с долганом разговариваешь!⁷⁰

Сходная ситуация повторилась в компании пожилого каменского эвенка, который к своему удовольствию обнаружил, что двое двуязычных подростков, говорящих по-долгански и по-русски, зарегистрированы эвенками: “Молодцы, ребята. Не продавайте свой народ”.

Свидетелем обратного случая я стал в компании хантайских эвенков, которые обнаружили, и говорили об этом с издевкой, что некоторые каменские молодые люди “записались” в похозяйственной книге эвенками. Эти примеры то приятного удивления, то раздражения по поводу подобных фактов показывают, что границы национальности, к которой, как полагают, тот или иной человек принадлежит, ныне далеко не совпа-

⁷⁰ Ирония этого эпизода я понял лишь спустя несколько месяцев, после нескольких дней возлияний по поводу международного женского дня, когда я услышал, как пенсионер-“эвенк” поет якутскую песню. Он сказал мне, что узнал ее от матери. Хотя он и неохотно раскрывал передо мной подробности своей семейной истории, его отрывочные замечания дают основание считать, что его отцом был говорящий по-якутски энец из района Потапово, у которого было несколько жен. Мой старик, видимо, был воспитан якуто-говорящей женщиной (хотя, возможно, родной матерью его была какая-то другая женщина). Записан он эвенком.

дают с узкими категориями, некогда установленными волевым решением государства.

Более зловещими, чем эти ироничные замечания по поводу национальности того или иного человека, являются многочисленные пересуды по поводу распределения должностей в совхозе или предоставления жилья. Рабочие места в поселке, наиболее выгодные с точки зрения ресурсов или транспорта, все более стратифицируются по национальному принципу. В разделе V.2 будет показано, что административная иерархия в этом поселке была намеренно разделена по национальному принципу с тем, чтобы "передовые народы" Таймыра получили более выгодные места и могли поднимать культурный уровень в поселке. В переполненных людьми квартирах то эвенков, то долган, то русских обвиняют шепотом в том, что те помогают "только своим". Хотя разрушающаяся экономика может обострить эти конфликты, большинство в поселке полагает, что националистический уклон в распределении – явление недавнее. Это явление показательно с точки зрения инфляции национальности потому, что и хантайцы и каменцы ощущали близость своих интересов, стирающуюся при промежуточных названиях. Так, в борьбе за ресурсы каменских эвенков обвиняли в том, что они "наглые", как долганы, да и во всем такие же, как долганы. Точно так же некоторых хантайских долган называли "эвенками", словно эти названия синонимичны.

Призрак национализма "таился" и в глубине моего антропологического проекта. Хантайские эвенки очень гордились, что изучать их историю и их традиции приехал иностранный этнограф. Многие молодые эвенки признавались, что до моего приезда они и не думали, что у тунгусов есть своя история. Они считали себя "малым народом" во многих отношениях: слишком малым, чтобы эвенкийская страница могла появиться в районной газете; слишком малым, чтобы иметь национальный ансамбль; слишком малым для радиовещания на эвенкийском языке; слишком малым, чтобы иметь свою историю... Обычным выражением является: "Мы, эвенки, были простыми идолопоклонниками и охотниками". Срок моего пребывания в поселке увеличивался, и эвенки начали очень охотно обращаться ко мне с вопросами о том, какие узоры аппликации отличают их от долган (поскольку их шитье считалось "точь-в-точь как долганское"), или рассматривать мою топонимическую карту, на которой явно преобладали слова эвенкийского происхождения. Мой научный интерес к эвенкийской культуре совпал с возрождением всеобщего интереса к национальной истории. Много шума было вокруг избра-

нии в апреле 1993 г. двух делегатов из Хантайского Озера, членов Ассоциации Арун (Возрождение), на первый эвенкийский суглан (съезд) в Туре, административном центре Эвенкийского национального округа. Позже одна учительница эвенкийского языка рассказывала мне о том, с каким удивлением она обнаружила, что другие эвенки "такие же, как мы":

"Нас встречали как особых гостей. Каждому из нас по эвенкийскому обычаю преподнесли подарок. Сначала я очень стеснялась говорить. Я знала, что не умею говорить правильно (т.е. на литературном эвенкийском – Д.А.). Но когда прислушалась, то поняла, что они говорят так же, как мы! Я так волновалась перед своим выступлением на съезде. А потом две старые женщины подошли ко мне и поздравили меня: "Вы так хорошо говорите – прямо как мы". Я и не думала раньше, что у нас так много общего".

С не меньшим удивлением была воспринята передача окружного радио об истории оленеводства. И хотя сам я не слышал этой передачи, мне с изумлением рассказывали об археологических находках, свидетельствующих о том, что история эвенков уходит корнями в восьмой век. Один школьник изрек: "Я и не подозревал, что мы – такой древний народ".

Долганы тоже не оставили без внимания тему моих полевых исследований. И хотя большинство долганских семей оказались гостеприимными хозяевами, трижды я слышал упреки молодых националистов в том, что не говорю с людьми о культуре долган. Но обычно к моему увлечению эвенками они относились с улыбкой, ведь, как напомнили мне раз или два, "этнографы установили", что долганы – "аристократы тундры", и гораздо культурнее, чем какие-то эвенки ⁷¹.

В ноябре 1992 г. в Республике Саха (Якутия) состоялся Первый съезд долган. На повестке стоял вопрос о путях сохранения народа в новых условиях рынка. В статье в окружной газете, озаглавленной "Долганы на пути к национальному возрождению" (16 января 1993 г.), рассматривалась необходимость закрытых родовых общин, родовых уго-

⁷¹ Эвенкийские националисты на Таймыре будут рады узнать, что выражение "аристократы Сибири" принадлежит Кастрену (1860: 343): так он называл туруханских эвенков в противоположность самодийцам. Эти слова часто неправильно приписывают Миддендорфу, Попову или Долгих.

дий и возврата к самобытности. Попытки на местах осуществить эти лозунги на практике свелись к переселению двух семей из Хантайского Озера на Камень, где когда-то стояла фактория, для создания "родовой общины".

Я уверен, что и долганские, и эвенкийские националисты не одобрили бы меня за предположение, что национальное возрождение – это синоним национальной инфляции для западной антропологии, утверждающей, что коллективные идентичности "придуманы" или "воображаемы". В данной главе я придерживался этой традиции, чтобы проследить переход от относительных к официальным названиям, и показал "твердую руку" официальных этнографов, ковавших этнические названия. Каждое из этих явлений открыто противоречит идее возрождения. В этой и последующих главах показано, что долганы и эвенки осознают свои многочисленные общие корни, заметные в языке, в быту и даже в происхождении. Предположение о том, что раздуваемый на местах национализм не согласуется с первоначальной системой административных названий, не равноценно утверждению о том, что эта последняя обесценена. В этой главе я высказал предположение о существовании связи между инфляцией национальности и возникновением воинственного чувства принадлежности, которое мобилизует людей на борьбу за место. Это общее использование национальности будет специально рассмотрено в разделе IV.4 в отношении земли и V.2 в отношении занятости. Хотя идея национальности была выкована официальной этнографией, а ее стратегическое использование было разработано местными националистами, факт национальной инфляции не может использоваться как повод для обвинения тех или других в местных несчастьях. Как будет показано в главе V, явление национальной инфляции в Хантайском Озере, как и в других районах бывшего СССР, – это общая болезнь экономических, социальных и национальных категорий в ситуации развала административной и конституционной систем.

ГЛАВА IV. О СОБСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ

Подобающее отношение людей к земле всегда было в центре внимания эвенков – во время охоты, при перекочевках или в оседлом быту поселковых. До того, как советское государство стало регламентировать доступ к земле и продуктам питания, эвенки были тесно связаны с землей, которая кормила их, обогащала их технические и духовные знания. Государственные субсидии, поступавшие через многослойную и бюрократизированную систему распределения труда, оторвали большинство хантайских эвенков от ежедневного общения с землей. Но земля оставалась для них по-прежнему важной. Ведь поступающая зарплата в конечном счете зависела от деятельности конкретных людей на территории совхозов. В разговорах о своем будущем тема земли всегда стояла на первом месте, и особенно когда речь заходила о приватизации. С большей обеспокоенностью, хотя и с меньшей конкретностью, говорили они и о состоянии земель вследствие их загрязнения выбросами Норильского комбината.

В этой главе я сосредоточусь на том, как именно самосознание эвенков основывается на их отношении к земле. Я стремился показать, что идеи связи человека и земли трансформировались под воздействием реальных советского периода. Те, кто живет в тундре, сохраняют сложные отношения с землей, основанные как на взаимной благодарности, так и на знании. Наряду с этим, представления об индивидуальной и коллективной собственности на территорию претерпели значительные изменения. Я постараюсь связать эти соображения с понятием национальной самоидентификации.

IV.1. О тех, кто "тундру знает"

Разговор на эту тему следует начать с отношения оленеводов к земле. Это не означает, что я считаю, что оленеводы сохранили первобытное отношение к земле. Как показано в разделе V.2, оленеводы-пастухи – это созданная и насажденная государством профессиональная категория, которая не просто отражает способ ведения хозяйства эвенками, но еще более укрепила его подлинный характер. Однако было бы логично начать дискуссию именно с этого, поскольку и профессионалы, работающие на земле, и те, кто живет в поселках, уверены, что именно пастухи

"хорошо знают тундру". Смысл этой фразы, часто и с убеждением произносимой долганами, эвенками и даже русскими, состоит в том, что работающие в оленеводческих бригадах более других способны поделиться опытом в этом отношении. Как я уже писал, мне единодушно посоветовали поехать именно в Первую оленеводческую бригаду – "самую эвенкийскую бригаду". Понятие "отношения", предложенное мною, возникло именно в ходе моего общения и наблюдения за пастухами этой бригады.

С самого начала моего ученичества в Первой оленеводческой бригаде меня постоянно ставили в тупик отношения между людьми и окружающими их ресурсами, казавшиеся на первый взгляд хаотическими. Выбор деревьев на дрова или места, где брать снег или воду, казался мне случайным. В совершенное замешательство меня приводил ежедневный отлов упряжных оленей. В первые месяцы я демонстрировал повышенный интерес к тому, какое дерево срубить или какого оленя поймать. На мой вопрос "какое дерево нужно рубить?" или "где лучше набрать воды?" следовал один и тот же ответ: "ты разве не знаешь, где дрова?" или "тогда лучше не надо". И хотя я скоро привык к этим нелогичным ответам и даже научился не спрашивать, теперь, по размышлении, мне кажется, что вопрос об отношении пастуха к земле лучше всего представить категорией "знание" ⁷¹.

"Знать" (хадэ-ми) – это понятие, которое не описывает действие, но демонстрируется в нем. Если бы слово умение (competence) не было так стилистически далеко от местного говора, оно бы лучше других подошло для перевода ⁷².

⁷¹ Прим. ред.: В оригинале англ. knowing. Тундровики сами чаще употребляют глагол ("знать что-то") и очень редко используют русское существительное "знание". Здесь слово "знание" (англ. knowledge) использовано в процессуальном, а не номинативном значении: "знать тундру" (англ. "knowing the land") (ср. Vitebsky 1993: 111).

⁷² Прим. ред.: "competence" – один из терминов генеративной грамматики, предложенный в 50-60-х гг. Н.Хомским. В отличие от "performance" "использования языка в речевой деятельности" competence означает "владение языком, знание языка", ту врожденную грамматику языка, которую и призвана, по мысли Хомского, описать языковая теория. Этот термин заимствован и широко используется смежными с лингвистикой областями.

Другим синонимом могло бы быть слово "сообразительность" (awareness, sharpness) – черта, как мне говорили, необходимая тундровику. Иногда пожилые люди рассказывали мне об одном старике, который "мог летать как куропатка" или о старухе, которая "знала гром". Эти примеры шаманов (хаманил) далеки и по времени, и по сути от сегодняшней жизни бригады. Однако понятие о "знании" остается в рассказах людей, способных выбраться из самых невероятных ситуаций, созданных ненастьем, невезением или случаем.

Контекст: солнечный весенний день; жена бригадира зашивает брезентовую палатку.

Л.Ф. Швы на этих палатках должны быть прочными. Когда ребята уходят летом на камни, там часто бывают штормы. В непогоду палатки срывает... А гром такой сильный... Молодая Наташа (жена одного из пастухов) просто не выносит его. Иногда кажется, что молния вот-вот ударит прямо в палатку. Так гремит!... Однажды гроза была очень сильная, а мужчин не было. Наташа испугалась. Нас было только двое. Я развесила все резиновые сапоги на кольях – но это не помогло (считается, что развешанные таким образом сапоги защищают от молнии). И тогда я сообразила. И сказала – делай вот что. Я легла на спину (на земле) и помахала ногами в воздухе вот так (с надетыми на ноги сапогами) и закричала: гороло! гороло! (далеко, далеко)". Мы обе так сделали. Стало тихо, и Наташа перестала бояться... А вообще-то я не люблю этот брезент – иголка плохо проходит."

Этот рассказ, который может вызвать улыбку на губах бывшего тундровика, живо рисует, как практически знание становится действием. История эта поражает не только описанием мимических жестов, но и тем, насколько непохожа находчивая пожилая женщина на неопытную испуганную невестку. Трудно не залюбоваться синкретичностью сочетания старых поверий о злых духах и новых идей об электродинамических свойствах молнии ⁷³. Конечно, можно спорить о том, могут ли резиновые

⁷³ Это примечательная аналогия старому поверью о злых духах, которое, видимо, ограничено долиной нижнего Енисея. "Давным-давно" люди шили надувные пузыри из кожи сушеного налимца. Услышав зловещие звуки в тайге (наподобие тех, что издают крылатые или одноногие людоеды), они развешивали налимовые шары над стойбищем на шестах, чтобы отпугнуть эти создания.

сапоги хоть как-то воздействовать на молнию, но проявленные убежденность и самообладание имело желаемое воздействие и успокоили напуганную молодую женщину.

Контекст: Лето. Дневная жара уступила место ярко-оранжевому ночному солнцу. Пять молодых пастухов сидят у костра высоко на возвышенности на горном болоте (икон) и пасут оленей.

М.Я. Меня тоже призывали в армию. Даже три раза! (Смех). Это было в Дудинке. Раз я оказался в больнице, тогда меня избили. Было здорово. В военкомате меня бы избитого не забрали. Когда я попал в больницу, там было спокойно. Я никого не знал. Только на второй день я разговорился со стариком, который лежал рядом. Оказалось, что он из Потاپово и знает мою сестру. Земляк! У него под простыней была маленькая бутылка водки, и он попивал из нее, когда сестра не видела. Вот так! (Показывает). Он предложил мне глоток, и я почувствовал, как водка побежала по жилам. А потом понеслось! Через коридор были друзья из Хантайского. Ты их знаешь, Иван и Кеша. Они меня послали за выпивкой – отдали мне свои деньги за страховку. Я пошел в магазин... знаешь... с окнами.

В.Н. В "третий" (магазин номер 3), наверное?

М.Я. Нет, я думаю, это был "шестой". Рядом с кино "Арктика". Да, шестой. Ну, я стоял там и пытался держаться. Прямо стоял. Вот так. (Смех). Мне пришлось перешагнуть через пьяного ненца, который отключился на полу в малице и бормотал что-то по-своему. Я был осторожен. Я не хотел, чтобы он прицепился ко мне. Когда подошла моя очередь, я схватил три бутылки и выбежал. Мигом! Видишь ли, у меня не хватало 20 рублей! (Смех). Я побежал назад в больницу – но пока я добирался туда, увидел Сашу. Он позвал меня в подвал. Ну, и эта водка быстро кончилась. Потом, помню, иду по полу в чьей-то квартире. Я стал смеяться над моими друзьями: у них у всех под глазами были синяки. Вот такие синяки! А они говорят: "Посмотри на себя!" Я посмотрелся в зеркало и вижу, что я тоже весь в синяках! (Смех). Тогда я украл темные очки у своего приятеля и ушел..."

Трудности как естественные, так и социальные представляют возможность для человека продемонстрировать свое знание. В данном случае неизведанная территория большого города дает сюжет для захватывающего повествования, манящего молодых пастухов, которые не поки-



дали пределов совхоза, и весьма знакомая тем, кто бывал в городе. История показывает, что рассказчик знает не только оленей и пастбища, на которых они пасутся, но и планировку города.

Я ощутил, что такое "знать" лишь несколько раз за все время своего ученичества. Я очень горжусь одним из своих достижений во время 200-километрового перехода на оленьих нартах, когда, сойдя со своих нарт во второй раз для того, чтобы выгащить запутавшиеся в ногах оленей поводья, я решительно встал и хлестнул поводьями (нговун) по упряжи переднего оленя. Тут же все три оленя встрепенулись и понеслись по тропе, а я спокойно сидел на нартах, которые скользили по хрустящему снегу. При виде моего столь редкого триумфа наш бригадир легко вздохнул и сказал с улыбкой: "Он знает ехать". И только после этого случая мне стали давать небольшие поручения и разрешать одному с оленями покидать основную тропу.

Умелые действия человека, свидетельствующие о его знании, делают ему честь, определяют его статус, но также и дают ему право на собственные, самостоятельные отношения с землей. Это чем-то напоминает идею "права" (в данном случае "права на землю"), которое дается конкретному человеку (individual), когда он становится "совершеннолетним". Я не считаю, что какой-либо из этих трех терминов подходит для определения того отношения к земле, которому я был свидетель, по двум причинам. Во-первых, ни один из этих терминов не использовался моими эвенкийскими наставниками в разговорах о земле или о чем-либо умении пользоваться ею. Во-вторых, каждый из этих терминов подразумевает определенное отношение власти и полномочий (power and sovereignty) людей, которое лучше разработано в либерально-демократических и марксистских теориях общества, нежели в местными представлениях. Отношения власти и полномочий которые присутствуют здесь, – это не только взаимоотношения между людьми, но и взаимоотношения между людьми и тундрой. Хотя то, что я называю "посвящением" (англ. entitlement) в подобные отношения, достигается благодаря людям (чаще – родственникам, которые учат), у этих людей нет права исключать других из своей среды и власти наказывать: все это может сделать только тундра.

В разделе IV.4 я вернусь к тому, как самостоятельный выход в тундру в качестве ее "знатока" приобретает исключительный и собственнический характер, близкий по смыслу к "праву". В этом разделе я хотел бы показать, что идея "посвящения" рождается как из "знания" в техниче-

ском смысле, так и в смысле понимания пригодности опыта человека в его столкновениях с изменчивым миром природы. В течение моего ученичества мне давали понять, что, хотя может и не быть правильного способа что-то делать, существует много неправильных действий, показывающих, что ты "не знаешь". Как показано в разделе I.7, незнание технических аспектов делает человека предметом насмешек – не только в случае с завязыванием узлов, но и в более серьезных делах. Одним из ярких эпизодов был случай, когда бурный смех вызвал молодой оленевод из соседней бригады, который бродил два дня, заблудившись по дороге в поселок. Он и его жена (которая находилась на последних месяцах беременности) были вынуждены дважды ночевать в наскоро сооруженных куропачьих чумах – случай, который для других мог стать причиной беспокойства и сочувствия. В Первой оленеводческой бригаде были слышны следующие комментарии:

Контекст: в балке за чаем в компании молодых оленеводов. Весна.

В.Е. Как он мог заблудиться? Он же знает дорогу. Он проехал между Ровда лайда и поселком по крайней мере дважды!

К.Н. Никогда не слышал о пастухе, который не может найти поселок! [Имеется в виду, что в поселке продают спиртное].

М.Я. Он, должно быть, мечтал о бутылке!

В.Е. Поделом ему! Что эти люди делают в тундре, если не знают дороги!

Неумение может также привести к тому, что за тебя начнут все делать. В начале моего ученичества мои неуклюжие попытки наколоть дров часто заканчивались тем, что мой топор оказывался в руках другого, и поленица быстро росла. Соответствующими комментариями тогда были "ногу поранишь", "это мой топор, а не твой", "ты неправильно работаешь топором", или "мне придется точить топор после тебя". Однажды, возвращаясь оленьим аргишем в деревню, мы нашли привязанным к дереву окровавленного изможденного оленя из стада Третьей оленеводческой бригады. Наш бригадир остановил нарты и освободил оленя. Хотя ни слова не было сказано, было ясно, что все считают неправильным оставлять такого жалкого оленя в тундре. Молодой пастух, услышав, что его оленя отпустил более опытный пастух, был рассержен и унижен, но, что характерно, ничего не сказал более старшему пастуху. Стыдно, когда что-то делают, вместо тебя и вдобавок лишают возможности продемонст-

ривать свое знание, а значит, не дают показать, что ты дельный человек, с которым имеет смысл работать.

В трех приведенных выше примерах существует прямая связь между "знанием" и уважением к поступкам человека. Потеря уважения может рассматриваться как вид санкций, которые ослабляют, а то и лишают чувства причастности к "посвященным". Дисциплинирующее воздействие насмешек в небольшой социальной единице очевидно. В случае "отстранения" (когда за тебя что-то делают) важно иметь в виду, что в распределительной экономике изъятие орудий, например топора, ножа или оленьей упряжки влечет за собой отчаянную ситуацию: их нельзя купить или получить иначе, как по доброй воле окружающих тебя. Таким образом, насмешка и отстранение от работы являются двумя довольно эффективными, социально выработанными способами, регулирующими связь человека с землей, не прекращая к ней доступ.

Вступление в отношения с землей не ограничено техническими навыками, оно предполагает, что некоторые объекты и обязанности подходят только определенным людям. Персонализированное присвоение и потребление обыкновенно реализуется в производстве товаров специально на определенный вкус. Добыча ресурсов тундры также в высшей степени избирательна, но в более глубоком смысле зависит от умения, биографии или стремлений человека. Я склонен считать, что то, что на первый взгляд показалось мне необоснованным предпочтением определенных мест, или пород деревьев, или оленьей упряжки, управляется стихией предопределенности. Два примера иллюстрирую эту идею.

Выбирая древесину для костра или для вырезания, следует учитывать несколько технических факторов. Зимой дрова должны быть абсолютно сухими, чтобы загорелись от первой же спички. Желательно, чтобы дрова были неподалеку от стойбища и их не нужно было бы возить на лыжах или нартах. Далее, дрова не должны быть сучковатыми, чтобы их было легко колоть. Однако помимо этих критериев разные люди рассматривают разные породы дерева как более подходящие. В качестве дров старший сын бригадира, Виктор, быстро собирал тонкие сухие стволы лиственницы и складывал их на нарты. Головной моего балка, Владимир, предпочитал толстые стволы лиственницы, которые он колот топориком как теслом. Ветеринара-украинца терпели не без иронии за его любовь точить ручную пилу для распилки более толстых бревен. Все молодые звенки полагали, что лучше колоть целые бревна быстрыми сильными ударами звенкийского топора. Мои первые попытки срубить

сосну (как это делают на Севере Канады) были восприняты как верх некомпетентности. С тем, чтобы научить, как добывать дрова, меня прикрепили к пожилому опытному пастуху, который заставлял меня пробовать на язык ледяные щепки лиственницы и учил отличать ледяной сладкий вкус сока от аромата сухого дерева. Осевшие в тундре русские, например, работники метеорологической станции, были в центре насмешек из-за своей любви к березе, которую надо рубить сырой и высушивать в поленищах у русской печки. Пастухи считали березу хорошим материалом только для поперечин нарт или топорищ. Если ночью костер из лиственницы давал много тепла, Виктор, глубоко и спокойно вдыхая воздух, часто замечал, что приятно, когда есть хорошие дрова и теплая печка. Шумный постреливающий костер из сырых дров члены Первой бригады называют "плохим" и в смысле эффективности, и в смысле того, что такое неровное пламя "приносит плохие вести".

Выбор дерева для поделок – дело еще более деликатное. Лиственница для полозьев должна быть гладкой, а кроме того, должна расти в небольшом углублении, что придает ей некоторый изгиб по отношению к земле. Виктор предпочитал для полозьев деревья потоньше, Владимир склонялся к широким полозьям. Обычно, когда я предлагал дерево для поделок, первый осматривал его и говорил "это не полозья" или "это Воино, а не мое"⁷⁴.

Короче говоря, за месяцы моего ученичества местность вокруг каждого стойбища оказывалась не только источником пополнения запасов, но и местностью с различными деревьями, лощинами и открытыми пространствами, которые были бы более или менее пригодны для каждого из членов бригады.

Если оставить область моего прямого опыта – мир деревьев и воды – вопрос персонализированного "посвящения" станет яснее. Охота на дикого оленя, по рассказам моих спутников, является прекрасным примером чрезвычайно сложного пересечения судьбы и знания (awareness) в "получении" ресурсов земли. Эти рассказы дают перечень методов, а также и поэтический образ молодых людей, отправляющихся на возвращенных их собственными руками оленях в продуваемые ветрами плато для того, чтобы охотиться на диких братьев этих же самых оленей.

⁷⁴ На "идентичность" готового предмета исходному материалу также указывает Широкогоров (Shirokogoroff 1935: 50).

Обобщая эти рассказы, я хотел бы показать, как добыча дикого оленя допустима тогда, когда человек обладает соответствующими техническими навыками и знанием и состоит в должном отношении к земле и обитающим на ней животным.

Как и в случае со сбором дров, существует несколько технических навыков, необходимых для успешной охоты на дикого оленя. Помимо умения точно стрелять, нужна большая выносливость: приходится передвигаться в течение почти двадцати часов без пищи и воды и твердо править упряжкой оленей. Далее, охотники обычно путешествуют лишь с топором, винтовкой и ножом, демонстрируя совершенное владение наукой выживания в краю, где погода способна к неожиданным и резким изменениям. В качестве иллюстрации этих трудностей сошлось на одну услышанную мной захватывающую историю о спасении охотника, который, ища убежища от пурги под нартами, оказался погребенным в саркофаге из отвердевшего снега.

Хотя навыки выживания и необходимы, охотник также должен понимать основные повадки дикого оленя и знать места, где его можно обнаружить. Существует несколько приемов, которые могут в этом помочь. Вороны, как полагают, летают от стойбища в направлении диких оленей, чем и обнаруживают их нахождение, "поскольку им тоже хочется есть" (ср. Shirokogofov 1933: 44; Василевич 1969: 188, 218). Подобные наблюдения сочетаются с глубоким знанием микроклимата тех мест, где дикие олени могут найти небольшой снежный покров, доступные в течение всего года источники воды или солончаки. У старых эвенков, видимо, были "свои места", такие как склоны спящих вулканов в верхнем течении реки Техок или болотистые берега озера Конан. Тот же знаток деревьев, Моми Федорович, объяснял, что эти специальные места (типа озера Техок) "должны иметь шайтана, потому что там всегда есть олени". С другой стороны, есть понятие "плохая земля", где невезение и смерть преследуют любого, кто вторгается в ее пределы. Это детальное знание земли и ее многовариантного отношения к живым существам географы и антропологи часто называют знанием ландшафта (Basso 1984; Kwon 1993; Hirsh & O'Hanlon 1995).

Обладание навыками выживания и чувством ландшафта недостаточно характеризует центральную роль "знания" у "посвященных" тундры. В то время как знание определенных мест есть один из факторов, присущих охоте, правильное межличностное отношение с животными не следует недооценивать. Считается, что дикие олени обладают повышен-

ной, если не сверхъестественной, чувствительностью к людям (ср. Василевич 1969: 220). Они, подобно медведям, могут слышать хвастливые слова охотника, и это предупредит их об опасности. Комичный ветеринар-украинец имел несчастье пожелать Володе доброй охоты однажды утром, когда во всеуслышание заявил, что он "отправляется на Камень". Володя резко ответил: "Да засохнет твой язык!" Во время охоты оставшиеся в стойбище не должны обсуждать ее успех или готовиться к пиршеству. Охотник даже не должен точить свой нож, отправляясь на охоту. Этнографы придерживаются мнения, что уважение к восприятию оленей настойчиво требует использовать параллельный язык, в котором избегается упоминание животного под его названием (Суслов 1927; Shirokogo 1933: 81, 90). Пастухи Первой оленеводческой бригады говорят о диких оленях как о "диких" по-русски и по-эвенкийски (баюр).

Повышенное восприятие оленя обусловлено его обонянием и слухом⁷⁵. "Дикие" могут учуять охотника с большого расстояния, поэтому, чтобы подобраться к ним, выбирают сырой и ветреный день. Прежде чем отправиться на охоту, охотник снимает все металлические крепления с оленьей упряжки, чтобы единственным звуком было "стаккато" копыт по снегу, напоминающее звук игральных костей. Олени чувствуют также самого охотника и его характер. Жадный, скупой человек может найти только лишь небольшую группу диких оленей, пугливых, готовых убежать при малейшем звуке. Эта идея хорошо проявляется в высказываниях о неудачах другого: "земля его не возьмет" или в более зловещем тоне "плохих людей в тундре не бывает". Молодым ученикам советуют не сожалеть по поводу утраченной или сломанной вещи. Чуткий, хороший человек видит удачную охоту во сне: ему снится женщина (иногда дарящая подарки) (ср. Василевич 1969: 232).

Контекст: вечером в Витином балке после неожиданного визита русских с ближайшей метеорологической станции.

В.Е. Вот что я скажу тебе... Слушай... Я знаю, это нескромно, но, если это правдивая история, то к чему скромность, правда? Тогда на Тенгкале ночью я видел это во сне. Я знал, что это будет в этот день.

⁷⁵ Хеоник Квон (1993: 71) приводит в другом контексте слова старшего пастуха А.Н.Макарова из Бригады 1 из Вала на Сахалине, сказанные о диких: "Дикие не видят. Они нюхают. Чтобы стать пастухом, надо слышать ветер и чувствовать запах оленя".

Мы поднимались между гор. Только поднимаемся на хребет, а они там стоят. Два диких. Я знал, что они для меня. Я выстрелил из ружья. БАХ!!! Они оба упали один за другим.

Применение "собственнической" конструкции в этом фрагменте, как и в дискуссии о "собственных местах" (см. выше), довольно часто встречается в эвенкийских охотничьих рассказах. Действие присвоения в них подчеркивается общей интонацией неизбежности – как если бы все говорило о том, что "это судьба". Знак "судьбы" или предначертанности в других подобных рассказах передается выражением "грех [одэ] не брать".

Было бы заманчиво более подробно рассмотреть этот аспект присвоения в качестве примитивного присвоения, но это значило бы выхватить лишь один момент охоты из контекста установленных обязанностей и подобающего отношения к добыче. Существуют ограничения в добыче животных, даже если они не записаны явно, как того бы хотелось охотнадзору. Владимир, старший в нашем балке, любил поговорить о "законе тундры", по которому охотник никогда не убивал столько, чтобы какой-нибудь зверь остался один ("все должны иметь пару"). Добывание также регулируется определенной ответственностью. Наиболее ярко это отражается в уважении к мясу добытых животных. Самой высокой наградой для человека, который знает повадки оленя и потаенные места тундры, являются определенные части добытой туши. Считается, что жир дикого оленя придает охотнику силы, необходимые для управления оленьей упряжкой. Содержимое разных отделов оленьего желудка [куибги, хилукта] высоко ценится не только за питательность, но и за таинственную силу, благодаря которой охотники не сбиваются с пути. В благодарность за добытое мясо охотники всегда "кормили" огонь или приносили подарки самой земле. Костный мозг часто приносили в дар домашнему очагу, который порой предсказывает будущее охотника ⁷⁶. На месте, где добыто

⁷⁶ Василевич (1969: 220-2) пишет, что дух родового стойбища – это бабушка, которая живет в очаге. Чтобы охота была удачной, ее нужно кормить и нельзя бросать в очаг мусор и острые предметы, например, кости рыбы. Василевич также пишет, что "дух огня" может предсказывать будущее. Пастухи Первой оленеводческой бригады щедро угощали свой очаг водкой, мясом и остерегались сжигать в нем остатки рыбной пищи. Но они не говорили о том, что огонь может проявлять какие-то другие человеческие свойства, кроме голода или способности говорить.

животное, особенно если неподалеку есть гора-шайтан или идол-шайтан, оставляют, разбрасывают вокруг гильзы, монеты или пуговицы.

Подношения земле делались и в других случаях, не связанных с охотой на дикого оленя. Например, собирая ягоды на болоте, пожилые женщины обычно вешают нитку [дылбилтик] с тонкими лентами цветной материи и кусочками белого оленьего меха между двумя стоящими деревьями. Алексеев (1993: 35-41) видит в этой особенной конструкции "ворота в небо". В Хантайском Озере это объясняли просто, без приукрашивания, как "подарки". Таким же образом, если у важеньки (дикой или домашней) вынимали неродившийся плод, его обычно вешали на отдельно стоящем дереве как подарок. Любой треснувший или надломанный предмет подвешивали на дереве как подарок земле, так как полагали, что, поскольку он сломался, его требует земля.

Образы "дарящей земли" или "животных, которые дарят себя людям" обычно приводят для того, чтобы показать особую "моральную экономику" циркумполярных и охотничьих обществ.⁷⁷ Однако здесь важно, что хантайские эвенки скорее "берут" из тундры животных, чем говорят, что животные "дарят" им себя. Хотя взаимообмен с землей был важным элементом для охотников-оленоводоов Первой бригады, собственные аспекты в их рассказах часто подчеркивали "знание" как "взятие", а не как дарение.

Хотя информанты никогда не выделяют различные типы "взятия", было бы полезно рассмотреть два контекста, в которых это присутствовало, что иллюстрирует широкое употребление термина. Первый контекст – это "добывание" знания. Среди многих вещей, которым безжалостно учил меня старик Сергей Сергеевич, была шутливая поговорка "дают – бери, бьют – беги". Я долго недоумевал, почему он произносил эту поговорку именно тогда, когда я стонал в отчаянии, видя, как мои нарты распаковывают и вновь упаковывают, потому что "все не так"; в

⁷⁷ Nurit Bird-Davis (1990) предложил метафору "дарящей земли" как центральную философскую идею собирателей и охотников. Образы взаимности в охоте в циркумполярных обществах можно найти в (Feit 1994), (Tanner 1979) и (Henriksen 1973), писавших о кри, и в (Ridington 1990), (Sharp 1988), (Nelson 1983) и (Osgood 1936: 155, 161) для атапасков. Образы этих и других народов, например австралийских, были глубоко сопоставлены в работе Ingold (1994) для того, чтобы выработать относительное понимание личности, которое выходит за рамки западноевропейского онтологического дуализма.

конец концов я понял, что на самом деле меня не "били", мне – "давали" знание. Если бы я попросил научить меня запрягать оленей, мне с быстротой молнии показали бы, как это делается, без каких-либо объяснений. Не раз старший сын бригадира Виктор бурчал, что в моем возрасте ему достаточно было бы один раз увидеть, как что-то делается, и он сразу запомнил бы.

Другой аспект "взятия" – воспользоваться теми возможностями, которые предоставляет тундра. Это может случиться, когда животное, виденное во сне, встречается охотнику на земле, или когда попадает большая и желанная рыба, например, кумжа ⁷⁸. Возможность "взять" может возникнуть и в случаях, которые, как полагают, контролируются человеком. Меня громко высмеяли, когда мой мавут не долетел до верткого самца-оленя, который пробежал спокойно и вальяжно между мной и небольшой рощей. ("Как же ты не поймал его – он же бежал на тебя!"). Когда директор совхоза открывал совхозный склад для оленеводов, бригадир настаивал, чтобы каждый брал все, что нужно. Мне кажется, что идея возможности наглядно видна в увлечении охотников карточными играми, например "тысячей" или "подкидным дураком". Подробности игры помнят и обсуждают, доказывая, что кто-то "не так пошел" или "не взял, когда нужно было". Во всех этих ситуациях, которые можно рассматривать как "случайные", пастухи Первой оленеводческой бригады видят возможность, которая может быть реализована только теми, кто знает, когда и что "брать".

Два контекста "взятия" представляют не только моралистические истории о том, как следует себя вести, но и подчеркивают, как бережливость земли пересекается со знанием способов и навыков, которые охотник почерпнул у других. Пересечение биографии, знаний и щедрой природы объясняет драму охоты, как в приводимом ниже сюжете, напоминающем профессионального актера за минуту до выхода на сцену:

Контекст: февральская метель. Меня просят прочитать что-нибудь из моего полевого дневника об охоте на дикого оленя.

⁷⁸ На рыбалке эвенки могут сказать, что хорошая рыба "пришла ко мне". О самых удачливых рыбаках говорят, что "они любят рыбу", или "они хорошие люди". Считается правильным после того, как рыба съедена, разломать кости на части, "чтобы рыба вернулась".

Д.А. Сегодня работа по стойбищу была отложена ради охоты на оленей. Утром Виктор сказал, что он добудет особенного оленя. Я спросил Витю, что он имеет в виду под особенным оленем. Он ответил, что нужен особый "горный" олень, коротконогий, чтобы высоко лазал [смех – оказывается, это была шутка]. Мы провели несколько часов, преследуя очень сильных хоров [самцов] и запрягая их. На каждые санки было по четыре оленя, но у Вовы были только самки...

К.Н. Нет, нет, слишком много болтовни. Надо не так. Напиши что-нибудь вроде вот этого: "Ты сидишь и пьешь свой чай. Ты ешь кусок лепешки. [Длинная пауза]. Ты не думаешь о предстоящей дороге. Наливаешь еще чаю. Не спешишь. [Пауза] Сидишь и медленно пьешь. Потом встаешь. Надеваешь свой пояс с ножом [пурта] и выглядываешь в дверь. Поднимаешься не спеша и... выходишь. Понял. Вот и все, что нужно сказать.

В.Е. Ты вот это запиши. Это здорово.

Хотя рассказы эвенков об охоте не столь многословны, как мои описания, эти рассказы лучше рассматривать, как претензии на "посвящение". Пожалование права понимается здесь как более утонченное и личностное отношение к земле, чем то, что обычно называется "правом общего доступа" или "правом не быть исключенным", не говоря уже об "индивидуальном или частном праве пользования" (MacPherson 1978).

Вместо того, чтобы пользоваться языком прав, идею права через знание земли следует скорее понимать как элемент чувствующей экологии. Для тундровика значимый социальный мир – это не далекий и иерархичный институт государства, а еще более жесткое сообщество родственников и животных. Помещая животных в социальный контекст, я не имею в виду, что для эвенкийского охотника они то же, что люди. Однако опытный охотник знает, что, пока он пытается узнать животных и землю, животные и земля тоже узнают охотника. Если язык права означает установившееся отношение между индивидом и узко понимаемым человеческим институтом, аспект причастности к чувствующей экологии относится к взаимным действиям человеческой личности и "личностью животного"⁷⁹

⁷⁹ Ингольд (Ingold 1994) приводит широкий этнографический материал, касающийся всего пространства от циркумполярной зоны до Австралии для иллюстрации того, что охотничьи рассказы не следует оценивать ни как наивно-

Со времен становления советского государства и его недавнего распада, чувствующая экология долины Нижнего Енисея опосредуется многочисленным слоем государственных чиновников и новым, не до конца понятным, институтом частной собственности на землю. В этой новой политической ситуации пастухи Первой оленеводческой бригады познают землю во все более собственническом смысле. Хотя охота на дикого оленя или заготовка дров без сомнения и впредь будут осуществляться как личная причастность, в иных случаях аспект принадлежности к земле становится созвучным идее права. В следующем разделе мы вернемся к идее "знания земли" и покажем, что она дала экстенсивной системе природопользования эвенков. В разделах IV.3 и IV.4 прослеживается, как идея причастности стала частью нового убеждения, что территория принадлежит национальности.

IV.2. "Старики ездили везде"

Лучше всех в деревне помнит те времена, когда не было поселков и вертолетной авиации, Аграфена Христофоровна Хутукагирь. Она наверняка самая старая в поселке, хотя никто не знает точно, сколько ей лет. Старые женщины полагают, что ей между 95 и 110 годами. Вторая по старшинству женщина помнит, что когда первый муж Аграфены умер в 1915 г., та осталась одна с детьми-подростками. Я разговаривал с ней через трехязычного переводчика: она не знает русского языка, и перемежает эвенкийские и долганские слова, часто в одном предложении. Из-за того, что она плохо слышала и, видимо, с трудом понимала, что мы от нее хотим, мы задавали простые вопросы о том, какова нынешняя жизнь в сравнении с прошлыми временами. Во время моего последнего визита я попросил ее рассказать о тех местах, где она побывала в детстве. Она долго говорила об аргишах и коварных горных перевалах. Походя она

естественные, ни как абстрактно-культурные. Он вводит термин "интерагентность" для обозначения сложной социальной системы, в которой животные и люди "заботятся" друг о друге. Я рассматриваю термины Ингольда в связи с аргументом Бэйтсона (1972: 454-472) в пользу "экологии сознания", которая побуждает будущих деятелей к пониманию коммуникационных связей, которые соединяют их со "окружающей средой иных социальных единиц, иных рас, иных зверей и иных растений" (с. 468). Термин "чувствующая экология" связан с историями об охоте на дикого оленя в той же мере, что и работа Ингольда о восприятии и определении экологии Бэйтсона.

упомянула торговые фактории в Туре и Туруханске, а также базар в Волочанке. При этом моя переводчица, смущенно улыбаясь, извинялась: "Вы уж простите старуху, она, должно быть, не в своем уме, не могла она там бывать". По прямой расстояние между этими тремя точками составляет тысячи километров через глубокие ущелья Путоранского высокогорья. И хотя в самом деле сообщение между этими точками могло казаться невозможным в глазах поселковой, привыкшей к неэффективной монополии местной гражданской авиации, истории старой женщины все же согласуются с рассказами и опытом нынешних тундровиков и совпадают с архивными материалами⁸⁰. В этом разделе будет рассмотрен тот аспект "знания земли", который сохраняется в экстенсивном землепользовании.

Советская литература по эвенкам пытается найти ответ на вопрос о том, как малочисленная народность смогла заселить половину азиатского континента без централизованной власти, без армии и даже без иерархической социальной организации. При описании территории расселения эвенков официальные этнографы используют прилагательные вроде "огромная", "экстенсивная" или "колоссальная", и все же относят эвенков теоретически к формирующемуся обществу. В этих описаниях эвенкийская практика природопользования "не имеет региональных или межнациональных границ", "открыта... или размыта" или является примером эволюции от "соседской общины к территориальной группе"⁸¹

Хотя официальные этнографы скрупулезно описали примеры очень сложной стратификации эвенкийской "первобытнообщинной формации",

⁸⁰ На рубеже века П.Островский (1903: 31) повстречал "богатых" эвенкийских купцов, "проходя" через Чиринду. Он выделил десять "родов", включая Укачар, Елогир и Хутукагир, которые отличались "чрезвычайно широким радиусом кочевания от рек Эконда и Туру до водораздела Котоя и Курейки и далее до берегов Нижней Тунгуски". С современной точки зрения это составляет практически всю территорию таежной зоны Таймыра, Эвенкии и части Якутии. Островский замечает, что об их богатстве свидетельствуют не только их путешествия, но и серебряные бляды, китайский чай и запасы зерна в дорогу.

⁸¹ Цитаты взяты из работ Патканова (1905: 34), Карлова (1982: 81), Долгих и Левина (1951: 108). Интересно, что Василевич (1969) избегает говорить о территориальности, однако порой применяет к эвенкам слово "бродячие" в своей монографии (1969: 7, 109), а также в качестве основного тезиса в известной статье (1972).

они допускали, что эвенки не вписываются в "классическую модель" с точки зрения природопользования и изменчивости их "территориальных связей" (Карлов 1982: 5, 42-52, 77), Никульшин 1939: 135-6, Долгих и Левин 1951: 99, 104). Насколько сложно втиснуть эвенков в рамки ортодоксальных марксистских моделей, можно судить по парадоксальному языку приводимого ниже в сокращении отрывка:

"Какие же территориальные связи оформляли и скрепляли единство каждой территориальной группировки, состоящей из номинально обособленных экзогамных родов и их частей-патронимий? Касаясь экономических основ эвенкийской общины, мы выяснили, что их определяют связи по совместному освоению одного хозяйственного района и коллективная собственность на входящие в него угодья. Однако условия жизни препятствовали обособлению в узких границах своего района /.../ Однако даже столь огромными очертаниями территориальных группировок не ограничивались районы кочевания входивших в них родов или их частей /.../ традиционные территориальные образования эвенков были не замкнутыми, а "открытыми" группами, допускавшими перемещения и взаимные включения отдельных частей. /.../ Из-за постоянных перемещений отдельных групп эвенкийского населения точные и четкие границы между территориальными образованиями вообще отсутствовали. Они охватывали лишь приблизительные пределы обитания генетически близких экзогамных родов и патронимических объединений /.../ Таким образом, все эвенкийские территориальные группировки как бы незаметно и постепенно переходили одна в другую" (Карлов 1982: 76-79).

Несмотря на то, что Карлов объединяет свои собственные этнографические наблюдения с архивными материалами, подводя базу под единую упрощенную схему, его описание все же акцентирует внимание на неопределенности и даже неупорядоченности эвенкийского природопользования. По-видимому, официальные определения от "бродячих тунгусов" Сперанского до "смешанных территориальных групп" Карлова исходят из предпосылки, что все общества должны иметь некую основную территорию – предпосылки, которая, как показано в разделе IV.3, переключается с административными императивами.

В оправдание советских этнографов следует отметить, что некоторая расплывчатость, неопределенность отношений эвенков к земле присутствует и в сообщениях информантов. Бригадир Первой оленеводческой бригады отвечал на мои вопросы о "родовых угодьях" равнодушно, что

"раньше было не так, как теперь – тогда ездили везде". Я наседаю на него с расспросами о конкретных долинах, транспортных путях и местах ежегодных ярмарок (сугланил), но ответ неуклонно был один и тот же: что эвенкийская земля была "везде". Более того, хотя современное кочевание Первой бригады определено административными границами, считается "трехом" устраивать стоянку на одном и том же месте или идти второй раз одним и тем же маршрутом ⁸².

Продолжая тему раздела IV.1, не могу согласиться с буквальным пониманием слов бригадира. Хотя многосторонние занятия тундровика позволяют и способствуют кочеванию эвенков, как они говорят "везде", это не исключает обычного возвращения в известные места для того, чтобы продолжить и укрепить свои отношения с тундрой. Чтобы согласовать сообщения о безграничности эвенкийской территории с той системой использования земли, которую я наблюдал в Первой оленеводческой бригаде, я приведу историю того, как эвенки использовали территорию долины Нижнего Енисея, – историю применения обширных знаний о природе.

Территория эвенков и в самом деле невероятна и простирается от Таймыра до Камчатки, включая обширные районы Маньчжурии и Монголии. Один лишь перечень мест рождения и генеалогий жителей Хантайского Озера дает не менее грандиозную картину широких миграций до начала великой централизации шестидесятых годов. Поколение людей, родившихся в 1960-1969 в таких местах, как, скажем, Ирикта, Махин, Кононды Амут (топонимы, не имеющие русских аналогов), называется просто "хантайские". Другие, родившиеся в Бох Амут или Аяткли, будут "современскими" или "каменскими" – пример точного перевода топонимов в соответствии с административной географией современных поселков. Если расширить эту классификационную систему, то можно

⁸² По мнению Василевич (1972: 166), "бродячие" эвенкийские охотники отличаются от других кочевых народов тем, что они всегда путешествуют по новым местам. Она приводит эвенкийскую пословицу о том, что нельзя дважды ездить по той же дороге. Хеоник Квон (1993: 14-15, 75-77) отмечает, что охотники-орочены представляют природу как время, а не как пространство, в котором дуку ("где мы сейчас живем") связано с дуял ("где мы жили в прошлом"). Квон приходит к выводу, что "по этому определению на "Сахалине тысячи дуял" и потому "вся тайга – наш дом" (С. 14).

проследить, как эвенкийское население Хантайского Озера образовалось из восьми "мест рождения":

- 1) "тутошные" – местные
- 2) каменные – из заброшенной фактории Камень
- 3) норильские – из заброшенных факторий Часовня, Валек и Курья
- 4) потаповские – из поселка Потапово
- 5) чириндинские – из поселка Чиринда (Эвенкия)
- 6) курейские – с реки Курейка (район Игарки и Эвенкия)
- 7) из Эвенкии (огатадук) – из заброшенной фактории Огата (Эвенкия)
- 8) совреченские – из поселка Советская Речка (Туруханский район)

Если найти эти районы на карте 3, станет очевидно, что по крайней мере западный Таймыр и большая часть северной Эвенкии и Туруханского района представлены одним поколением, ныне живущим в одном поселке ⁸³.

Эти малые "родины", предлагаемые современной политической географией, создают обманчивое представление об использовании этих земель. Эта схема мест рождения была выстроена на основе жизненного опыта родителей, которые трудились на земле, не ограниченной территориями совхозов и поселковых советов. Сообщения информантов, как и архивные источники, указывают на несколько традиционных видов деятельности, сохранившихся в памяти живущих поколений: торговля, охота на животных с целью пропитания и бегство от административного вмешательства.

Изучая письменные источники с целью выявления такого рода стратегий, я ни в коем случае не считаю их архаичными (хотя их широкое бытование прекратилось после 1968 года). Вполне вероятно, что с крушением централизованной системы государственного надзора, запрещения и перераспределения бытование этих способов может возродиться в Хантайском Озере или в других крупных поселках.

⁸³ Если же включить те места, которые называются в рассказах старшего поколения, круг кочевания становится еще шире. Трудно поверить, но эсеецкие долганы и эвенки говорят о своих корнях на реке Вишлой в Якутии. Один старик из рода давиндук рассказывал о своем "чисто эвенкийском" происхождении с озера Байкал (АМАЭ К1-2-1165). Прозвище одного ушедшего на пенсию бригадира из рода Хутукагирь было "монгол" – старинное родовое имя, происходящее с реки Ангары и из Забайкалья (Василевич 1969: 274).

Стратегия "торговли" понимается широко, поскольку даже в этом столетии ее значение дополнилось такими терминами как "перевозка", "спекуляция" и "контрабанда". Торговлю на Таймыре лучше всего рассматривать через призму опыта профессиональных каюров ("перевозчиков товаров"). Возвращаясь к недавнему прошлому (до 1965 г.), когда аргиши запряженных оленей были основным транспортным средством, каюры много путешествовали по ряду "трактов" (хокотол), связывая разрозненные населенные пункты. Одним из самых известных трактов был Хатангский тракт (тот самый "котел", в котором, якобы, растворились долганы), описанный в 1932 г. одним из проводивших коллективизацию чиновников следующим образом:

"Говоря о хатангском тракте, необходимо отметить, что этот путь не является трактом в строгом смысле слова, так как не представляет из себя благоустроенной дороги, где имелась бы определенная колея, возведены были бы те или иные искусственные сооружения и т.д. Это не более как довольно широкая, в несколько километров, полоса, имеющая ежегодно относительно постоянное направление. Здесь в зимнее время концентрируется население, располагаясь группами в несколько чумов и образуя цепь стыков, между которыми происходит перевозка пассажиров и движение "аргишей" (обозов) для затундровых торгово-кооперативных организаций. Передвижение по этому тракту характеризуется исключительно тяжелыми условиями, которые губительно сказываются на состоянии оленьего стада. Особенно трудным считается участок между озером Пясино и станцией Заостровской, где путь пролегает по открытым и каменистым пространствам чистой тундры. К условиям, затрудняющим передвижение, надо отнести сильные морозы и обычные в зимнее время частые и продолжительные пурги, в связи с чем путники сбиваются с дороги и вынуждены "кружить" иногда по несколько суток. Нередки при этом и потери части транспортного стада, так как олени стремятся во время пурги разбежаться, держась против ветра, и разобщенностью и беззащитностью оленей пользуются волки и смело расхищают их в эту пору". (ЦГАРФ А310-18-21: 83).

Каюры перевозили разнообразный товар и обслуживали различных заказчиков. В пятидесятые годы караваны до двухсот оленей перевозили продукты и снаряжение для совхозов, геологических экспедиций, картографов и разных государственных учреждений, от почтового ведомства до Министерства образования. В тридцатые годы промышленная техни-

ка и строительные материалы перевозились из портов на Енисее в промышленные исправительно-трудовые лагеря в Игарке и Норильске. Каюры также перевозили первых ветеринаров, врачей, этнографов и экономистов – тех, кто приезжал сюда устанавливать новый социальный строй. В начале века каюры перевозили продовольствие и людей по указанию менее организованных учреждений, как то: компаний, торговавших монопольным товаром, казачьих сборщиков налогов или миссионеров. Неофициально эти перевозчики, по-видимому, столь же активно занимались торговлей пушниной и окаменелыми бивнями мамонтов.

Маршруты каюров расходились, подобно кровеносным сосудам, далеко от Хатангского тракта. Большие семьи с обширными стадами оленей занимались охотой и торговлей к югу, западу и востоку от Дудинки (Норильск [Валек] – Озеро Хета – Фактория Плахино [220 км]; Дудинка – Волочанка [400 км]; Дудинка – Игарка [190 км] или западнее Игарки (Игарка – оз. Хантайское [180 км]; Игарка – Фактория Курейка [160 км] {Карта 3}). Хотя каждый маршрут имел свои особенности и таил свои опасности, для темы нашего рассуждения наиболее иллюстративен маршрут Игарка – оз. Хантайское, который в 1930-х – 1950-х гг. отличался широкими торговыми отношениями. Движение по этому маршруту было организовано Игарским рыбокооперативом, который закупал копченую и соленую рыбу у колхозов в обмен на промышленные товары по сниженным ценам. Каюры-эвенки, такие как старик Еремин из Первой оленеводческой бригады, использовали свои собственные стада для перевозки грузов по контракту с кооперативом ⁸⁴.

Мобильность давала каюрам много преимуществ. Перевозя грузы, они не колеблясь обменивали провизию и промышленные товары на меха у оседлых эвенков. Невысказанное подозрение в подобном источнике богатства все еще присутствует по отношению к женам и отпрыскам

⁸⁴ Одна интересная деталь в истории коллективизации состоит в том, что многие эвенки потеряли в ходе национализации свои торговые пути, но не оленей. По сей день в Потапово и Советской Речке живут семьи, чьи олени никогда не были конфискованы. Косвенные свидетельства в хранящихся в совхозном архиве хозяйственных книгах показывают, что те люди, чьи большие стада были конфискованы, продолжали работать в совхозе со своими оленями в качестве каюров. Этот любопытный факт следует понимать не как свидетельство неэффективной конфискации, а как пример востребования людей, способных управлять оленьими обозами и знающих наиболее удобные транспортные маршруты.

знаменитых каюров с Курейки и Хатанги – Чемпогиров, западных Яроцких и Ереминых. Возможно, не менее важным для каюров было то, что, постоянно кочуя по определенным маршрутам, они приумножали свое богатство новыми родственными и дружескими связями. Генеалогии родов Чемпогиров и Сапожниковых (Схемы 6 и 7) показывают хитросплетение брачных связей с родами хемпо, энцев, селькупов и якутов, кроме родственных и торговых связей с другими эвенкийскими родами из этих восьми малых "родин". Институт "пособников" иллюстрирует, как пересекались родственные, кочевые и партнерские связи. Первый управляющий Территориальным отделом Нижнего Енисея писал следующее о "пособке":

"Наиболее широко распространенной и трудно выявляемой, но в то же время и самой кабальной формой надо считать раздачу оленей во временное пользование ("кортом") за отработки или плату продуктами промысла". Это – "форма эксплуатации, известная под именем "пособки", и практикующаяся под знаком родовой взаимопомощи /.../ Обычно кулаки снабжают нуждающихся молодыми необъезженными оленями, причем последние обучаются взявшими "пособку" и после нескольких месяцев использования возвращаются вполне объезженными и пригодными для запряжки. За предоставленную "пособку" беднота охраняет и пасет оленей кулака, осматривает его пасты, ведет "аргиш", словом, силами всей своей семьи полностью работает на кулака" (ЦГАРФ А310-18-21: 56).

⁹ Это свидетельство отличается от воспоминаний Ульяны Чемпогир, которая с нежностью вспоминает каждого пособника, приехавшего к ее отцу и, будучи сиротой или подростком, просившего о помощи. Ее отец давал им одежду и оленей для работы. Ульяна жаловалась, что некоторые из них отправлялись домой, и "мы потом ничего о них не слышали – умерли, наверно" ⁸⁵.

В отрывочных повествованиях Ульяны, как и в случае с отчетом землеустроителя, трудно найти указание на то, какими в самом деле бы-

⁸⁵ В район Хантайского Озера приходили, по-видимому, пособники из труднопроходимых внутренних районов реки Курейки, в особенности с озера Нямканда. Впечатляющий рассказ о бедности и болезнях в тайге вокруг озера Нямканда можно найти в дневнике экспедиции Красного Креста 1927 г. (ЦГАРФ Р3977-1-214).

ли отношения между ее семьей и их обедневшими подопечными. Другие истории, услышанные мною в Хантайском Озере, говорят о разнообразии интерпретаций "пособок". Бригадир Первой оленеводческой бригады рассказывал как он был "учеником" в богатой семье Елогир после смерти своих родителей. Говорили, что ушедшая на пенсию бухгалтер – внучка женщины из рода Панкагир, которую отдали замуж одному старику, потому что у семьи не было средств дожидаться калыма от молодого жениха. Советская литература тридцатых годов настойчиво выделяла "пособку" как основное орудие эксплуатации бедных богатыми. Порочность этого ярлыка ощущается и теперь: пожилые люди неуютно чувствуют себя, рассказывая о своем воспитании, из-за неловкости предстать эксплуататором или, напротив, нуждающимся. Существенный недостаток официальной этнографической литературы состоит в том, что сейчас невозможно провести грань между родственными связями и деловыми отношениями разных родов эвенков.

Из рассказов об Игарском тракте следуют два вывода. Во-первых, независимо от того, заключали ли люди брачные союзы или вступали в деловые отношения с целью найма, эксплуатации или взаимопомощи, ясно, что любые из этих отношений возможны были при существовании широкого круга знакомых. Во-вторых, не существует ясной границы между оседлыми хозяйствами со своей территорией и "бродячими" хозяйствами, поскольку как отдельные жители, так и целые стойбища могли оказаться втянутыми в совместную деятельность или в интенсивные торговые контакты. Один экономист писал на заре коллективизации, что хозяйство нижнего Енисея в этот период состояло в "смешанном производстве, в котором сочетались охота, рыболовство, оленеводство и земледелие... (и в котором) нет принципиальных различий между кочевыми и оседлыми хозяйствами" (Скачко 1930: 40).

Стратегия "охоты на зверя" оказала большое влияние на передвижения людей. Хотя болотные "древоеды" (лоси, мооти) были богатой и желанной добавкой к мясному рациону, а также пополняли запасы прочной кожи для изготовления упряжи, основной пищей жителей Нижнего Енисея было мясо дикого оленя. Сложные пути миграции диких оленей по такой огромной территории как долина Нижнего Енисея еще труднее учесть, чем маршруты каюров. Обычно в течение своей жизни дикие олени находят удобные убежища то в одной, то в другой экологической нише. Как показано в разделе I.3, долина Нижнего Енисея экологически разнообразна, в зависимости от географической широты и высоты над

уровнем моря. Местный словарь различает два вида дикого оленя по области обитания: выносливый, постоянно мигрирующий "морской" олень ("арктический олень") и "оседлый" местный олень. Различие между этими двумя видами состоит в том, что, если "морские" олени якобы способны преодолевать до полутора тысяч километров в поисках новой природной среды, то для "местных" характерны миграции вверх и вниз по альпийским долинам. Тундровики также предпочитали гористую или таежную местность, с ее благоприятным климатом и богатыми пастбищами; их перекочевки зависели от передвижений диких оленей. До промышленного освоения этих районов, повлекшего строительство поселков и искусственных водохранилищ, передвижения людей, домашних и диких оленей напоминали танец, в котором партнеры, следя за движениями друг друга, меняются местами. Хотя торговые маршруты связывали поселки приблизительно по линии "восток – запад" в междуречье Енисея и Лены (и "север – юг" вдоль Енисея), каждый маршрут либо пересекался обычными миграционными путями популяций тундрового оленя, проходившими с севера на юг, либо пролегал через зимние пастбища местных диких оленей. На карте 3 показаны места пересечения миграционных маршрутов дикого оленя и кочевых путей пастухов-эвенков. Так, на фоне развития торговли и установления новых связей, большинство путешественников-эвенков поддерживало и отношения с дикими оленями.

Трудно с достаточной уверенностью писать о взаимоотношениях охотников и отдельных популяций дикого оленя, поскольку этот вопрос столь же противоречив в научной литературе, сколь очевиден для тундровиков⁸⁶. Хотя мои сведения по этому вопросу неполны, я склонен счи-

⁸⁶ Биологи отдают предпочтение моделям миграций оленей, в которых кормовой запас земли определяется тем, как голодные олени находят новые пастбища. Такие модели весьма напоминают те, которые приписывают инстинкт "бродяжничества" охотникам на дикого оленя. Аляскинские биологи, используя снабженные передатчиком ошейники для установления "привязанности" оленей к определенной "местности", пришли к выводу, что определенные земли действительно привлекают оленей, но в то же время большие олени стада необъяснимо меняют свою привязанность к пастбищам (Cameron et al. 1986; Valkenburg et al. 1983). Один из ведущих советских биологов сумел даже определить меняющиеся миграционные маршруты оленей как "механизм маятника", помогающий в поисках новых пастбищ (Сыроечковский 1990). Оба эти исследования были проведены в районах, где поголовье диких оленей значительно пострадало либо от промышленного освоения, либо от государственных природоохранных мероприятий, либо от того и другого. Те несколько работ, в которых рассматри-

тать, что охотники не только хорошо знали передвижения оленей в целом, но и что группы хозяйств жили в расчете на постоянно возвращавшиеся определенные стада оленей. Рассказы пожилых тундровиков указывают на то, что до появления Хантайского водохранилища в 1976 и строительства металлургического комбината "Надежда" в 1979 г. здесь обитали популяции "морских" и "местных" оленей, которые обычно зимовали на лишайниках по берегам Енисея. Значимым тому подтверждением являются "оленьи дороги" (баюндыл хоктол), протоптанные по берегам или в водоразделах, которые и спустя двадцать лет все еще напоминают проходы, как бы проложенные мощными механизмами. Периодическое возвращение перезимовавших оленей описывали как "олени пришли", а порой как "олени пришли домой". По расположению эти места "прихода домой" совпадают с многолетними зимовьями определенной родовой группы. Таким образом, горы над озером Хета (эдындыпки), где кочевали Елогеры и Утукогеры, были и остаются домом для популяций морских и местных оленей. Затопленные земли по берегам озера Эрпучу и реки Сухарихи, бывшие угодья Чемпогиров и Ереминых, были когда-то домом для мигрирующих морских оленей. У одного из Елогиров, Бахилия, есть "свое место" для "местных" оленей в горах над поселком на озере Неркека.

Этнографическое описание, представленное в предыдущем разделе, показывает, что связь определенных родовых групп с оленьими стадами и их "домом" следует понимать как подкрепление идеи "посвящения", нежели идеи "территории". И, хотя теперь невозможно доказать, что отдельные олени каждый год возвращались в одни и те же места, очевидно, что старые пастухи по крайней мере хорошо знали, где находятся наиболее привлекательные для оленей пастбища. Однако я бы хотел высказать также идею о том, что по-особому организованные коллективы хозяйств несомненно имели свои отношения с определенными популяциями дикого оленя. Именно это "знание оленей" позволило людям ос-

вался конкретный вопрос органической связи оленей и пастбищ в тех местах, где не была разрушена "чувствительная экология", пытаются выделить конкретные "местные" стада (Мичурин и Мироненко 1964; 1966; Simard 1979; Pulliainen et al. 1983; Brown et al. 1986). Весьма вероятно, что "неприкаянное бродяжничество" дикого оленя связано с качеством тех районов, где отношения между оленями, хищниками и человеком были нарушены. Напрашивается вывод, что по мере того как люди становятся оседлыми, цивилизованными, олени все более дичают.

воить огромные пространства: они умели "брать оленей" и не были обременены постоянной заботой о поставке продуктов питания. Говоря словами Василевич, для эвенкийского охотника "земельная собственность была пустой тратой сил" (1972: 167). На фоне закономерности миграций дикого оленя и его предсказуемого появления вблизи стойбища память о "доме", "родных местах" и, следовательно, "территории" была лишь тенью более сложных чувственных отношений между людьми и животными.

Представление о том, что опытные охотники могут свободно обходиться без постоянных стойбищ в течение года, решительно противоречит большинству взглядов на природопользование у эвенков. Василевич допускает существование некоего пространственного раздвоения в землепользовании, при котором различают удаленные охотничьи угодья и "домашние" территории, где находятся семья и имущество (1969: 52-3, 68, 68 сноски, 154; 1972: 169-70)⁸⁷. Карлов, обнаружив недостаточную компактность в землепользовании, переходит затем к рассмотрению экономической зависимости ("большая зависимость", "хозяйственная нужда") эвенкийских охотников от размера добычи: неудачная охота заставляет их промысливать далеко за границами обычных угодий (1982: 41, 45, 52). В работах указанного автора говорится, что голод вынуждает эвенков выйти за пределы своих обычных территорий. В пыльных архивных делах трудно найти доказательство того, что голод действительно активизировал несомненно многочисленные "исходы" эвенкийских охотников⁸⁸. Хотя голод является настоящей трагедией для живущих в тундре, остается неизвестным, является ли он следствием вторжения в легко ранимую природу этого региона или причиной, объясняющей поведение как охотника, так и дикого оленя.

⁸⁷ По Василевич, самым сильным скрытым механизмом такого раздвоения является желание охотников: они предпочитают осваивать знакомые им территории или желают погостить или обменяться подарками; это и приводит к дальним путешествиям (1969: 52, 154, 154 сноски; 1972: 170 сноски).

⁸⁸ Карлов (1982: 114) приводит несколько примеров голодания в период до учреждения хлебных магазинов в 1823. Помимо установления взаимосвязи между удачной охотой и миграциями, он также выдвигает гипотезу (С. 100, 115), что возросшее значение пушной охоты привело к сокращению времени для охоты с целью добычи мяса.)

Со времени прихода русских казачьих отрядов и купцов охота на пушных зверей также подтолкнула охотников к дальним странствиям. Важно то, что пушная охота, требующая глубоких знаний повадок животных, едва ли является символическим подтверждением связи охотника-эвенка с землей. Василевич (1969: 69, 221, 235) приводит свои наблюдения, совпадающие с моими полевыми заметками, что охота на пушного зверя никогда не становится темой забавного рассказа или просьбы у "огня" (см. сноску 75). В отличие от охоты на копытных, пушная охота менее связана с идеей взаимозависимости с миром животных, а скорее направлена на удовлетворение "голода" государственных чиновников, постоянно требовавших налога, дани или выполнения нормы. Как будет показано, эта совершенно иная экономика играет важную роль в современных концепциях территории (раздел IV.4).

"Знание земли" дало эвенкийским хозяйствам выгодную в материальном и социальном плане возможность постоянно перемещаться по лиственничной тайге Восточной Сибири. Оно же помогало ослабить пути зависимости от Российского государства. Я не стану рисовать романтический образ кочевника – свободного духом искателя приключений азиатских степей; сошлось, тем не менее, на письменные свидетельства и сообщения информантов, говорящие об уклонении эвенков от государственного учета, импульс к которому исходил из интенсивных русских поселений. Один из простейших способов избежать неэквивалентного обмена с государством и вообще государственного регулирования – это создать неопределенность относительно количества продукции, числа людей и времени, проводимого в установленном месте.

Экстенсивные перемещения как способ сопротивления встречается и сегодня в пределах совхозов. В совхозе "Хантайский" за пастухами Третьей оленеводческой бригады закрепилась слава "партизан". "Партизаны"-олeneводы вечно отказывались перезаряжать аккумуляторы своей радиостанции, срывая планы директора по организации рейсов вертолетов за продукцией или для определения поголовья оленей. К тому же они обычно устраивали стоянку в густом лесу так, что их нельзя было заметить с воздуха. Благодаря этому они получили еще одно прозвище: "дикие тунгусы". Говорили, что члены бригады тайком приезжали в поселок на оленях, продолжая получать зарплату, как если бы они в этот день были в тундре.

"Партизанщиной" занимались все бригады. Члены Первой оленеводческой бригады обычно отправлялись в горы охотиться на оленей,

или даже на метеорологическую станцию или в поселок Снежногорск за выпивкой. Популярной темой фольклора тундры является практика ненцев выпасать крупные стада оленей подальше от ока государства, чтобы избежать подсчетов поголовья оленей, проводящихся каждые полгода. Хотя оленеводы поселка Хантайский предпочитали рассказывать небылицы о проделках ненцев, словно сами они были абсолютно невинны, были порой и косвенные намеки на то, что и у них есть частные олени. Бригадир Первой оленеводческой бригады как-то рассказал мне о том, как мальчишкой испытал трепет, наблюдая, как треснул лед на озере под тяжестью личного стада (ок. 1945 г.). И длительные перекочевки, и частное владение оленями было возможно при условии, что система подвижного производства использовалась людьми для сокрытия действий и имущества в "слепом пятне" перераспределяющего государства.

Есть данные, что пассивное сопротивление возрастающему давлению со стороны русской администрации на Таймыре имеет длинную историю. С современным поселком Хантайское Озеро тесно связаны две группы населения Нижнего Енисея, в тридцатые годы бывшие из самых независимых: "дикая артель" и каменские якуты.

О "дикой артели" упоминается лишь в предисловии и сносках первой и единственной монографии по грамматике долганского языка (Убрятова, 1985), и в нескольких архивных документах⁸⁹. В период ме-

⁸⁹ Прямое упоминание "дикой артели" в архивных материалах встречается крайне редко (ГАТАО 2-1-3: 2-11; 2-1-4: 1-52; 2-1-12: 44; КЦХИДНИ 28-1-26; АМАЭ К2-1-129: 17; К2-1-128: 77; 14-1-134). Однако косвенные данные интересны. Когда в 1937 г. был ликвидирован Лантокайско-эвенкийский родовой совет недалеко от пос. Потапово, фамилии некоторых его членов вновь появились в отчетах хозяйств Норильска и Потапово; возможно, часть людей перешла в артель им. Буденного. Ликвидация в 1931 г. Пясино-долганского родового совета (к северу от Норильского колхоза), привела к тому, что часть членов совета перешла в артель им. Буденного (ЦГАРФ А310-18-37: 361-394). Некоторые фамилии из книги записей этой артели совпадают с фамилиями участников восстания в Волочанке в 1932 г. Если принять современную официальную точку зрения на названия национальностей тогда фамилии этих людей наводят на соблазнительную мысль об "интра-национальной" группе, в которую входили представители энцев, эвенков и якутов. Я вижу этих людей похожими на старика Еремина из Первой оленеводческой бригады, с его богатством языка и традиций, не поддающихся классификации. Промежуточный характер этой группы, живущей между пространственными и этническими категориями, по-видимому, обусловил то, что для исторических документов они стали практически "невидимы".

жду образованием административных территорий (1932) и силовым определением совхозных границ (1937-39) эта группа эвенкийского и якутскоязычного населения называла себя артелью Буденного. Неясно, была ли артель официально признана, или в начале коллективизации чиновники просто терпели ее существование. Судя по скудным сведениям, порядка 20-40 семей кочевали вдоль границ колхозов по дуге Норильск, Потапово, Хантайское и Волочанка (гора Баерак, озеро Кета, озеро Лама, река Микчанда, река Аякли), торгуя на различных факториях, ухаживая за своим отдельным кладбищем и говоря на местном креольском языке. Подвижное хозяйство "дикой артели" позволяло ей существовать между административными территориями вокруг колхоза "РККА" (Часовня), колхоза "Труженник" (Потапово) и хозяйства "Красный охотник" (Хантайское Озеро). В 1932 г. землеустроитель Копылов выражал недовольство тем, что ресурсы колхоза "РККА" истощаются неколхозными эвенками и долганами, которые бесцеремонно используют для своего обогащения колхозные пастбища и ловчие ямы (ЦГАРФ А310-18-37: 333-8). В 1938 г. в Дудинке состоялось специальное собрание председателей страдающих колхозов для "определения точных границ". Очевидно, что установление незыблемых границ глава "дикой артели" Константин Наумович Суслов воспринимал как угрозу:

"Наша артель организовалась в 1937 г. и все мы члены артели выросли в этом районе и на этой территории, которая теперь отходит к РККА. На этой территории (угодьях) век промышляли. Спрашивается, где наши члены артели будут промышлять? По рыбному промыслу у нас остается только озеро Кета. Да и то только часть его: пастники все расположены на той территории, которая отходит к РККА и данный колхоз предложит нам убрать пастники, и прекратить вылов рыбы. Нашей артели некуда итти" (АМАЭ К2-1-128: 77)

Судьба членов "дикой артели" была предопределена становлением все более сложных учреждений, контролирующих производство и распределение. После собрания 1938 г. эвенки, долганы и энцы дикой артели были включены в Норильское хозяйство. А еще через два года вся территория колхоза РККА была поглощена Норильским заводом, находившимся тогда в ведении НКВД. Колхоз РККА был в полном составе переведен восточнее Левинских песков, южнее Хантайского озера и к северу от Курьи, а в пятидесятые годы снова ликвидирован.

Каменские якуты, по-видимому, не представляли собой отдельной группы в тридцатые годы, однако материалы свидетельствуют, что и они

использовали возможности подвижного хозяйства для передвижения между границами, установленными советской властью. Как было показано в разделе 1.6, администрация достаточно поздно узнала о существовании оленьих стад с поголовьем более тысячи голов, появляющихся в верховьях реки Аякли. И хотя возможно, что государство просто не заметило живущих в далекой горной местности богатых хозяев, интересно совпадение, что годом раньше на озере Ессей людей с теми же фамилиями призывали платить рублевый "культсбор" (ГАКК 2275-1-83: 4-6). Несмотря на то, что к 1930 г. некоторые обедневшие якуты и породнившиеся с ними эвенки согласились работать под началом "Аянского кочевого совета", десятью годами позже государственные чиновники обнаружили, что три богатые семьи из внутренних районов Путоранского высокогорья владеют стадом в четыре тысячи голов (АМАЭ К2-1-118: 3 [1939]; К2-1-128: 43, 100, 261 [1938]). В эти годы район Камня постоянно упоминали в государственных документах как убежище неплательщиков, якутских националистов и всяких контрреволюционных банд (см. сноску 100). Голоса этих "бродячих" тунгусов слышны лишь в документах, рассматривающих причины Волочанского восстания. Мятежники прямо обращались к партийным руководителям с вопросом о том, почему они должны платить такие высокие налоги и доносить на своих родственников? И вообще, кто такие кулаки? (Трошев 1993).

Хотя письменные источники подтверждают, что каменские якуты и эвенки были включены в колхозную систему к 1935 г., рядовой тундровик в Хантайском Озере рассказывает о "дороге на Ессей" так подробно, что очевидно он пользовался ею не так давно. На одной из фотографий в альбоме пожилой женщины запечатлен сход ессейских и каменных якутов, состоявшийся в тундре на реке Аякли в 1968 г. Как видно из приведенных примеров, подвижность этой группы свободных охотников поколениями была связана с сопротивлением государству.

Единичные архивные документы свидетельствуют, что якуты и эвенки, кочующие в Путоранских горах, использовали свою мобильность для того, чтобы улизнуть от сборщиков ясака – казаков. В XVII в. расстояния между ясачными постами в долине нижнего Енисея достигали 400-700 км, и для опытного тундровика не составляло большого труда избежать внимания властей (см. сноску 50). Для иллюстрации последовавшей административной путаницы Карлов (1982: 55) упоминает о столкновениях между эвенками и казаками в XVIII в., когда последние, не разобравшись, попытались получить ясак с одних и тех же данников в

различных местах. Предвосхищая административные методы советского времени, были выпущены так называемые отписи, которые должны были внести ясность, кто и где уплатил ясак, а кто скрывается от уплаты.

Повторю, что нелегко было оценить численность производителей-эвенков, передвигавшихся в нижнем течении Енисея и, возможно, в других районах Восточной Сибири, и прекрасно умевших ускользнуть от недремлющего ока государства. В исторических источниках также содержатся упоминания о семьях оседлых эвенкийских рыбаков, попавших в полную зависимость от царской ясачной администрации из-за неуплаты долгов как торговым предприятиям, так и государственным хлебным магазинам (Тугаринов 1919; Исаченко 1913; ГАКК 1845-1-210: 26). Очевидно, что только самые богатые семьи оленеводов, владевшие стадами от 200 до 2000 оленей, были и заинтересованы, и способны ухаживать от чиновников, ответственных за сбор ясака и налогов.

Умелый тундровик, который мог установить надлежащие взаимоотношения с природой Нижнего Енисея, обладал навыками и способностью путешествовать по обширным пространствам. Как показано в разделе IV.1, охоту на диких оленей, а также использование возможностей торговли и автономии, следует рассматривать скорее как необходимость. Экстенсивное передвижение эвенков следует понимать в неразрывной связи с многообразием стратегий, а не как следствие голода или бедности. Сообщения информантов и исторические источники показывают, что прежде люди действительно ездили везде, но важно понимать это движение как не хаотическое. Знание земли и ее обитателей давало и средства, и потребность передвижения, что делало недвижимое имущество и территорию несущественными. И хотя введенная царским правительством система налогообложения могла привести к обеднению одних семей и к увеличению подвижности других, признание советским правительством права кочевать привело к более специфическому пониманию территории. В настоящее время идея принадлежности одновременно к своей территории и к своей национальности является питательной средой националистического чувства в поселке Хантайское Озеро, как, вероятно, и в других поселках.

IV.3. Землеустроительные мероприятия Советской власти

Характеризуя Советскую власть на Таймыре, часто делают акцент на важности коллективизации. Действительно, вторая, удачная, попытка коллективизации народов Таймыра в 1938 г. принудила эти народы жить в условиях ограниченной возможности передвигаться и обмениваться продуктами производства на землях, которые были поделены между колхозами. Четкое разграничение на советы, округа и республики, устроенные по национальному признаку, восходит к ранее предпринятым землеустроительным кампаниям по определению их границ. Если внутренняя динамика коллективных институтов важна для понимания постсоветского общества, "территории", в которые были вписаны колхозы, были необходимы как первый шаг в установлении нового порядка и оказались еще более устойчивыми, чем сами эти институты. В данном разделе будет рассмотрено, каким образом для установления границ использовался иной вид знания (*knowing*) – назовем его "сведения" (*intelligence*), – который был использован руководителями и исполнителями для установления границ национальных территорий.

В данном случае под термином "территория" подразумевается не только некое ограниченное пространство, но и санкционирование правительственным или гражданским институтом всех предпринимаемых на нем действий. "Землеустройство" я буду употреблять для обозначения двух довольно ранних кампаний по строительству советского государства в Сибири: собственно землеустройства и районирования. Обе происходили в 1927 – 1932 гг. и были направлены на распределение земель между туземными советами или государственными учреждениями. Опыт землеустройства, проведенного Советской властью, был во многом сходен с аналогичным процессом, осуществленным на территориях индейцев Канады и США в 1970-е годы⁹⁰.

⁹⁰ *Прим. ред.*: Автор использует в оригинале ряд терминов, которые нуждаются в пояснении. *Land reservation*: процесс создания так называемых резерваций – специальных территорий, отводившихся американским и канадским индейцам в конце XIX – начале XX вв. *Land claim* – процесс юридического решения земельных претензий, идущий на Аляске и в Канаде; на Аляске привел к принятию в 1971 году Конгрессом США соответствующего закона (*Alaska Native Claims Settlement Act*); в Канаде тот же процесс зашел еще дальше: в 1993 году Парла-

Кампания по землеустройству была разработана с участием бывших народников и воплощена государственным органом, известным как Комитет Севера – межведомственным федеральным институтом, который был образован для "оказания содействия" малочисленным народам Крайнего Севера⁹¹. Вопрос о территориальности возник в 1924 г. в связи с первой резолюцией этого Комитета, призывающей к "резервации территории, необходимой для малых народов Севера" (Скачко 1930: 21).

Выбор слова "резервация" сознателен: многие из основателей Комитета были изначально увлечены идеей земельных резерваций в Северной Америке и видели в них способ сохранить и развить культуры северных народов (Богораз 1923; Slezkine 1994: 148-49), а некоторые намеревались точно определить, какие земли следует оставить для русских поселений (Скачко 1923). Патерналистская тема защиты малочисленных народов была ключевой в десятилетней истории Комитета. Несмотря на то, что современные исследователи рисуют руководителей Комитета консерваторами и протекционистами, желавшими сохранить культурное своеобразие коренных обществ (Вахтин 1993: 21-24; Slezkine 1994: гл. 5), их уважение к традициям сибирских обществ несло с собой и модель социального обновления. Изоляционистская концепция защиты легко может превратиться в инструмент вмешательства, если тот или иной народ рассматривается как требующий защиты своей территории от пришлого населения, от экономической эксплуатации своими же родственниками, от капризов природы с помощью строительства современного жилья. Все эти три элемента можно найти в принятой в 1928 г. Комитетом Севера на Пятом пленарном заседании резолюции "О первых этапах земле-

мент ратифицировал соглашение (Final Land Claims Agreement) между инуитами и правительством, в соответствии с которым был принят закон о создании территории Нунавут с четко очерченными правами собственности на землю и недра. *Land enclosure* ("огораживание"): так называют происходивший в XVII веке в Англии достаточно болезненный процесс превращения общинных крестьянских земель в частные владения

⁹¹ Полное название комитета было "Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК". Недавние публикации дают хорошее представление о том, что происходило в московских кабинетах этого разветвленного органа (Slezkine 1994; Вахтин 1993; Forsyth 1992; Grant 1993).

водоустройства" (Скачко 1929: 22-3)⁹². Подобно тому, как официальные этнографы усиливали чувство национального самосознания малочисленного народа, давая ему национальность, предоставление территории рассматривалось как удовлетворение потребности этого народа в родине.

Риторически и политически, защита исконных земель рассматривалась как главная цель, лежащая в основе названной резолюции. В ее поддержку первый председатель Комитета Севера говорил о первостепенной важности закрепления земель для достижения любых других задач:

"Только такое закрепление создаст почву для рационализации и всестороннего развития хозяйства туземцев, для обеспечения их дальнейшего существования, для более полного использования естественных богатств северных окраин в интересах как туземного населения, так и всего СССР". (П.Д.Смидович, ГАКК Р2275-1-144: 257)

Официально закрепить исконные земли, по-видимому, было насущной необходимостью. По иронии, аннулирование царских законов о земле под лозунгом "Земля принадлежит народу!" привело к "земельной лихорадке", когда русские крестьяне и охотники за пушниной стремились доказать, что они заслуживают больших прав на землю, чем теснимые ими народности (Скачко 1930: 15-17; Березовский 1930: 74, 77)⁹³

⁹² До 1926 г. управление на Севере определялось "Уставом об управлении инородцев" М.М.Сперанского (принятым в 1822 г. и дополненным в 1892 г.). В 1926 г. на смену царскому указу пришло "Временное положение об управлении туземных народов и племен северных окраин РСФСР". Положение предусматривало "родовые советы" и "районные туземные съезды" – собрания представителей рода (Всероссийский 1928; Вахтин 1993). В 1928 г. резолюция об устройстве земли и воды определила территории для закрепления за официально признанными родовыми советами. Вопрос об определении "рода" и его соотношения с системой родства в эвенкийском обществе будет рассмотрен в разделе V.1.)

⁹³И Скачко, и Березовский интерпретируют рост числа русских охотников за пушниной как еще одно свидетельство "вымирания" коренного населения. Последовавший за революцией 1917 г. приток переселенцев хорошо документирован в архивных источниках по Подкаменной Тунгуске и Ангаре (ГАНО Р47-5-8: 187-210 [1925-1926]). Березовский настаивает, что до 1920 г. в Туруханском районе не было русских охотников на соболя (1930: 70-79). Этому прямо возражает Павлов (1964). Эти противоположные точки зрения свидетельствуют, что

Задачи территориального закрепления вскоре стали шире, чем простой контроль потока русских переселенцев. В широко распространенном учебнике для землеустроителей А. Скачко (1930) дал четкое определение трем основным признакам территории. Первым было убеждение, что недостаточно "юридически" определить границы: государство должно также установить

"систему социально-экономических и технических мероприятий, направленных к переустройству сельского хозяйства..., которое обеспечивало бы развитие производительных сил" (С. 25).

Во-вторых, землеустройство должно проводиться быстро и проводиться так, чтобы защитить как природу, так и малочисленные народы от эксплуатации русским пришлым населением и местными кулаками (С. 15-17). Третьей составляющей, часто упоминаемой, было то, что

"кроме организации хозяйства – землеустройство малых народов Севера преследует еще и цель организации самих этих народов, собирания их в одно целое на определенных территориях, объединенных в одно целое единым национальным самоуправлением" (С. 20)⁹⁴.

Во всех трех предложениях обычным оправданием действий государства служит мнимая "нужда" малых народов, удовлетворение которой государство рассматривает как свою обязанность.

тезис о "вымирании" народов был, возможно, преувеличен с тем, чтобы придать больший вес планам территориального устройства.

⁹⁴ Доказательству необходимости для каждой национальности иметь свою территорию (она, по Скачко, является неотъемлемой частью "социалистического строительства"), предшествует любопытный очерк официальной этнографической литературы о землевладении у малочисленных народов, населяющих территорию от Кольского полуострова до острова Сахалин (С. 10-14). Впечатляющий по масштабности материал (двумя годами раньше его приводил Смидович, ГАКК Р2275-1-144: 259-260) был, по-видимому, представлен для того, чтобы раз и навсегда опровергнуть бытовавшую в Москве точку зрения, что северная земля, место "бродяжничества" малочисленных народов, "ничья" (С. 8, 10). В этой тщательно документированной пропагандистской работе о землеустройстве можно найти начатки рассмотренного в предыдущем разделе жанра официальной этнографии, который пытается, используя этнографические источники, отыскать в прошлом формы земельной собственности.

Как легко соскользнуть с "защиты" территории к перечислению "нужд", видно на примере окружных руководителей Программы землеустройства. Инструкции местным органам управления обязывали осуществлять водо- и землеустройство, но "в то же время" рассматривать вопросы "административного районирования". Этот рассчитанный на будущее список предписывал местным руководителям собирать разнообразные демографические и экономические сведения и вносить предложения о районах, наиболее благоприятных для снабжения товарами местного населения, и о способах их перевода на оседлый образ жизни (ГАНО Р354-1-238: 12-14). В период с 1928 по 1934 г. многочисленные научные экспедиции Народного комиссариата по землепользованию были отправлены для изучения традиционных способов использования водных и земельных ресурсов определенными родовыми советами⁹⁵ Результатом их работы стали карты с четко нанесенными границами кочевий каждой семьи, введение первых похозяйственных книг и закрепление каждого родового совета за определенным местным органом власти, ведавшим торговлей, транспортом, образованием и здравоохранением.

Характерно, что местные руководители считали свою задачу чисто технической, поскольку родовая организация, традиционное хозяйство и кочевой образ жизни рассматривались как вещи очевидные, легко документируемые профессиональными картографами и экономистами. Отчеты районных комитетов по землеустройству дают удивительно стандартные сведения о численности, распределении имущества и хозяйственных показателях для каждого родового совета, заполняя пробелы сведениями о занятиях местного населения. Эти данные будут позже использованы для составления районных бюджетов, образования колхозов и выбора семей для экспроприации. Этот тип собранных сведений удивителен при сравнении с принципом "знания", рассмотренным в разделе IV.1. Если последний был направлен на целостное отношение человека к земле и ее

⁹⁵ Программу землеустройства начали выполнять в 1928 г. в Красноярском и Томском округах (ГАНО Р354-1-238: 12). В 1932 г. она достигла Дудинжского района на Нижнем Енисее и в 1934 г. Авамского района (ЦГАРФ А310-18-21; АМАЭ К2-1-125 – 133 и 14-1-42). Ненецкие хозяйства на границе Усть-Енисейского района так и не были охвачены этими мероприятиями. Землеустройство было едва завершено в Авамском районе (ЦГАРФ А310-18-20), когда в 1937 г. к южным границам долины Нижнего Енисея подступила коллективизация.

обитателям, то первый явно сосредотачивался на том, что могло пригодиться для управления и интенсификации деятельности людей в пределах искусственно очерченного района.

Основным критерием определения границ был принцип доступности к центрам экономической и политической власти, называемый в литературе "экономическим тяготением". Административное переустройство Сибири происходило не в социальном вакууме. На протяжении столетий коренные производители торговали на ярмарках, на факториях и с хлебозапасными магазинами, а также с кочующими каюрами и охотниками на пушного зверя. Поскольку хозяйственная деятельность коренных народов считалась хаотичной и нерегулярной, "тяготение" определялось их регулярным возвращением на одни и те же пункты, где расход промышленных товаров поддавался подсчету⁹⁶

При таком узком понимании экономики задача определения границ сводилась к тому, чтобы решить, какие пункты наиболее удобны для передвижения и контроля со стороны управленцев. Примечательно, что на картах землеустроителей отсутствуют указания на то, где, собственно, охотились эвенкийские охотники, а временные тропы осенней охоты и рыболовные угодья выделены жирными линиями "тяготения", показывающими их близость к сборным пунктам. Определение центров тяготения было важным в построении иного принципа общественного порядка,

⁹⁶ Как организационные документы землеустроительной кампании, так и реальные полевые отчеты слабо отражают традиционные формы производства. Например, в классической работе Березовского (1930: 76) охота на дикого оленя у эвенков пренебрежительно названа "спортом". В отчете о землеустройстве Хантайско-эвенкийского туземного совета рыболовство отнесено к "основному занятию", несмотря на сообщения информантов и анализ валового дохода, подчеркивающих основное хозяйственное значение охоты на дикого оленя (АМАЭ К2-1-127: 7-8). Фактории были в то время немногочисленны, и находились на значительно удалении одна от другой; поэтому повышенное внимание землеустроителей к торговле должно было казаться местным жителям довольно странным. На всем Таймыре в 1931 году было лишь 18 факторий, принадлежавших двум торговым монополиям (ЦГАРФ А310-18-21:73). Доброва-Ядринцева выступала в начале землеустроительной кампании против привязки территорий к факториям, поскольку они "обслуживают слишком обширные районы, земли которых используются не только разными родами, но и разными племенными группами" (ГАНО Р354-1-118:22).

как об этом свидетельствует один из ранних документов о районировании:

"Прежние волости были слишком маломощные и по территории, и по населению, что особенно почувствовалось с момента создания волостного бюджета, как основы культурной и хозяйственной деятельности советских органов в толще крестьянских масс... [Советское районирование] усиливает их мощности, увеличивая их средства и обуславливая возможности большой экономики при удовлетворении культурно-хозяйственных потребностей" (Болдырев и Гуринович, 1926)

Хотя очевидно, что "инженеры" "экономического тяготения" тщательно отбирали сведения, которые не совпадали с истинной жизнью тундровиков, важно помнить, что подобные границы неизбежно превратят эти якобы существующие связи в единственные коридоры торговли товарами, снабжения и сбора административных данных о характере производственной деятельности.

Принципы, по которым были определены границы "экономического тяготения", легко привели к проблемам "национального тяготения". Инструкции, данные работающим на местах, четко указывали, что наспех проводимые границы не должны разрушать существующие связи между родственными этнографическими группами и народностями (ГАНО 354-1-118: 24 [ок. 1928 г.]; ГАКК P2275-1-144: 2256 [1928 г.]). В полевых отчетах то же самое чувствуется в осторожности, с которой народы классифицируются по их официальным названиям, в определении кочевых советов, к которым тяготели производители и в отборе соответствующего, пишущегося через дефис, официального названия для совета, которое отражало бы и территорию, и проживающую на ней национальность⁹⁷

Хотя районирование было воспринято как объективная и техническая задача, отчеты относительно Дудинского и Авамского районов сообщали о проблемах соотношения экономических границ с "тяготением национальным", поскольку непоседливые эвенки, долганы и ненцы имели склонность вторгаться на территорию другой национальности. Встречая

⁹⁷ Родовые советы Дудинского района назывались Хантайско-эвенкийский, Лантокайско-эвенкийский, Норильско-долганский, Хантайско-ненецкий, Карасино-ненецкий, Плахино-эвенкийский, Лузинско-юракский, Долгано-заречный, Лаптосальянско-юракский, Малохетско-юракский.

подобные примеры, Доброва-Ядринцева, возглавлявшая Сибирское отделение Комитета Севера, стремилась к тому, чтобы работающие на местах при помощи границ краев и областей могли углубить чувство принадлежности у кочевого населения. Она направляла свое внимание на то, как "групповая сплоченность и самобытность" отражаются в "экономических и территориальных моментах" (ГАНО Р354-1-118: 18-19). Если условие национальной однородности не подтверждалось общими экономическими интересами на данной территории, она предписывала привлекать силовые средства государства для установления "национально-туземных районов" для более слабых групп, в которых "административные, хозяйственные, территориальные и национальные элементы тесно переплетаются друг с другом", или настаивала на слиянии более мелких компактных групп с "культурой более сильных народностей" (с. 25). Она считала, что эта ситуация особенно характерна для северных районов Туруханского края, где проживали долганы, якуты и тунгусы. При публикации своей работы (ок. 1928) Доброва-Ядринцева оставила проблему выбора между этими двумя вариантами открытой. Однако предложенные ею альтернативы свидетельствовали о намерении и способности государства использовать все имеющиеся административные рычаги для эволюции национальных групп.

Лучшей иллюстрацией трудности налаживания оптимального распределения национальностей по территориям является районирование смежных районов между Якутской автономной республикой (образована в 1922 г.) и Сибирским краем, из которых позже выйдет в Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский национальные округа. В высшей степени подвижное охотничье и оленеводческое население, жившее в районе водораздела Лены и Енисея, проверяло на прочность административные "инструменты", призванные точно определить "национальное тяготение". В то время как классические примеры районирования и "тяготения" изобретались применительно к компактным полуоседлым общинам (Березовский 1930), и якуто-, и эвенко-говорящие тундровики занимались охотой экстенсивного типа и торговлей на факториях, обеспечиваемых как из Туруханска, так и из Якутска. Для решения проблемы определения "тяготения" там, где центробежные экономические силы, казалось, преобладали, были созданы специальные территориальные землеустроительные комиссии для изучения вопроса о национальной "принадлежности" коренных народов бассейна реки Анабар и района вокруг озера Ессей. В итоге Москва подарила район к западу от Анабара Туруханскому краю в июле 1930 г. и подтвердила права Туруханска на

район озера Ессей (с безразличием отнесясь к итогам работы Комиссии)⁹⁸.

За этим шагом, ущемляющим территориальные притязания Якутска, последовала легализация в декабре 1930 г. создаваемых Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского национальных округов. В главе III я показал, каким образом группа, определенная как долганы, стала официальной народностью нового округа. Здесь же я ограничусь демонстрацией того, что, проводя границы, государство ввело принцип территории, который превратился в неотъемлемую и значимую часть повседневной жизни, и который стал определяющим при выборе той или иной национальности в качестве "передового народа" на данной территории.

В основе ситуации с закреплением Анабарского и Ессейского районов за Туруханском лежала доказанная способность Туруханска обеспечить эти удаленные районы товарами, медицинской помощью и школами. Документы, собранные Новосибирскими управленцами в 1928 г., показывали московским руководителям, что цены на отопление, сахар и свинину [!] будут на 120 – 252% выше, если снабжение будет поступать из Вилуйского отделения Якнаркомторга (ГАКК Р1845-1-210: 13). Туруханск также постарался показать меры, которые предпринимались для открытия медпункта, школы и хлебного склада на озере Чиринда (ГАКК Р1845-1-5: 46). В возвышенном стиле Туруханск обвинял Якутск не только в отказе обеспечивать спорные территории товарами, но и в вывозе "вина, карт и русских священников", чтобы завоевать симпатии населения. Еще более поразительными были попытки Якутска арестовать официальных лиц из Туруханска, когда те пытались наладить дело (ГАНУ

⁹⁸ В ноябре 1929 г. из Красноярска была отправлена экспедиция, которая вернулась в Новосибирск в августе 1930 г., спустя два месяца после разделения Сибирского края на Восточно-Сибирский с центром в Иркутске и Западно-Сибирский с центром в Новосибирске, и через месяц после решения Административного Комитета ЦИК в Москве. Некоторые документы указывают, что, в ожидании результатов работы комитета, Москва "условно" передала Анабарский район Туруханскому 12 августа 1929 г. (ГАИО Р538-1-196: 22; ГАНУ Р47-1-1089: 352). Материалы этой экспедиции теперь находятся в госархивах Новосибирска, Красноярска и Иркутска. Предварительные результаты экспедиции в отношении экономического тяготения и этнонимов хранятся в ГАКК (Р2275-1-143). Официальный отчет о границах между Якутией и Таймыром (о котором я знаю из вторых рук) также находится в ГАИО (Р538-1-196).

Р47-1-1089: 352 [1930]). Правдивы или нет были эти обвинения, но основная мысль в этих документах была следующей: изолированное население нельзя обеспечивать из разных торговых организаций и культурных ведомств. На невозможность работать в условиях "двоевластия" особенно часто ссылались торговые организации (ГАКК Р1845-1-210: 13). После решения спора в пользу Туруханска коренные жители в каждом ограниченном районе снабжались одной торговой организацией, национализация факторий в 1936 г. закрепила плановое снабжение людей из одного пункта (ГАТАО 85-1-2: 1-3). Для самостоятельного тундровика наличие или отсутствие товаров не всегда было препятствием к экстенсивным передвижениям. Однако эти административные изменения должны были привести к концентрации передвижений вокруг одного официального пункта, из которого поступали потребительские товары. Что беспокоило государственных чиновников больше, чем неопределенность торговли, так это то, что район Анабара – Ессей будут раздирать острые различия в имущественном положении, экспансионистские амбиции, исходящие с якутской стороны границы. Утверждали, что в районе вокруг озера Ессей сильные якуты "вытесняют" тунгусов:

"В настоящее время на озеро Ессей приезжают якутские купцы, беззастенчиво ведущие там торговлю, скупая пушнину и эксплуатируя беднейшее население, к которому принадлежат тунгусы. Если озеро Ессей войдет в границы Якутской АССР, вести борьбу с означенным явлением окажется чрезвычайно затруднительным, и нездоровое влияние этой торговли отразится на прилегающем районе обитания Илимпейских тунгусов Туруханского края" (ГАКК Р1845-1-5: 46).

В этом отрывке легко заметить дисциплинарное значение, придаваемое районированию, которое позволит в дальнейшем властям осуществлять контроль за незаконной торговлей и практикой накопления. В связи с содержанием предыдущего раздела интересно понимание того, что расстояния и экстенсивное передвижение укрепляют независимость оленеводов от государства. Помимо стремления государства защищать слабые народы, в других отчетах упоминается необходимость разумной обоснованности районирования, которое не приведет к ломке родовых объединений, что важно для подъема национального самосознания (ГАКК Р1845-1-5: 5,7).

Наибольшее беспокойство московских руководителей вызывали, по-видимому, угрозы и политическое давление со стороны якутских "банд" В 1925 г. Затундро-долганскому родовому совету дали недвусмысленно

понять, что к 1926 г. вся территория до Дудинки будет под контролем Якутска, и что те, кто не присоединился, пожалеют об этом (ГАКК Р1845-1-5: 10). Отчет комиссии по определению границ спорных территорий, написанный стилем политического детектива, сообщал о том, как их встречи срывались "контрреволюционными бандами", настраивавшими людей против "агентов русских диктаторов" (ГАКК Р2275-1-144: 223). Эти инциденты гражданских волнений показывают, что государство и в самом деле могло быть обеспокоено якутским национализмом, когда оно исключило этноним численно превосходящей группы сахалар из официального названия нового Таймырского национального округа⁹⁹

Хотя создание национально однородных районов привело бы в итоге к усилению националистических настроений, с точки зрения организации экстенсивного передвижения, торговли и родственных связей между людьми новые границы рассматривались чуть ли не как основополагающее условие существования Советской власти.

В этом разделе я обрисовал намерения ранних архитекторов советской земельной реформы с тем, чтобы противопоставить его более гибкой модели "знания" земли тундровика. Тот аргумент, что территория появилась вместе с советским государством, не оставляет места моделям русской официальной этнографии, которая полагает, что примитивная территориальность присуща всем обществам. Я показал, что закономерности природопользования, которые следуют из того, как тундровик "берет" зверя в чувствующей экологии, методически заменялись государственными чиновниками административной экономики, нацеленной на развитие социальных связей между охотниками и государством. Если рассмотреть советские реформы сельского хозяйства в более глубоком историческом контексте, то становится понятно, почему при коллективи-

⁹⁹ Последовавшие на Таймыре события по данным различных источников, по-видимому, подтвердили опасность восстания на водоразделе Лены и Енисея. В 1929 г. агенты ОГПУ гонялись за "бандой" националистов по всей анабарской тундре; в стычках было убито двадцать человек и ранено двадцать один. Уцелевшие бандиты, как говорили, ушли к "бродячим тунгусам" в верховьях реки Котуй (район фактории Камень) (ГАКК Р2275-1-144: 245). В 1932 г. государство подавило восстание в Волочанке, которое, по сообщениям информантов из Хантайского Озера, было организовано якутским провокатором. [О восстании в Волочанке см. подробно в недавно опубликованной книге А.В.Головнева (Головнев 1996) – прим ред.]

зации столь важное значение придавалось границам, старательно проложенным на обширных пространствах Восточной Сибири. С начала коллективизации в 1938 г. до ее завершения с образованием совхозов в 1968 г. коренные народы нижнего Енисея будут испытывать давление, направленное на приобщение к новому типу экстенсивного отношения к природе. Члены современных совхозов хорошо помнят те районы и хозяйства, из которых они были насильственно переселены во время ряда кампаний по реорганизации. Тяготение хозяйств понимается как необходимая и все же непостоянная сила, что придает оттенок беспокойности мыслям о судьбе территории. Понимая это, государственные руководители стали обдумывать новый проект приватизации земли. Старшее поколение производителей совхоза Хантайский помнит попеременную консолидацию и раскол "дикой артели" и колхоза РККА так же, как молодое поколение помнит неожиданную ликвидацию поселка Камень. Эффект введения понятия "территория" не столько отрицал эвенкийскую способность передвигаться, сколько сделал производственную жизнь в тундре зависимой от основной базы на ограниченной территории, контролируемой заслуживающими доверия родственниками, знакомыми и земляками.

IV.4. Земля исключительно для нас

Осенью 1992 года Управление сельского хозяйства Таймырского автономного округа, следуя предписаниям республиканского и краевого законодательства, сложило с себя полномочия по руководству совхозами Таймыра. Несмотря на столь неожиданную перемену, площади и структуры всех хозяйств в округе остались неизменными, словно ничего не произошло. Ослабление государственного контроля над сельскохозяйственным производством в этом регионе Сибири проходило с не меньшим треском, чем вскрытие скованных льдом рек. Подобно весенним паводковым водам Енисея, административный разлом советских хозяйств в Красноярском крае начался, набирая силу, но без заметных поначалу последствий, в русских сельскохозяйственных районах к югу от Полярного круга. По республиканским законам, все государственные хозяйства должны были перейти в частное владение к январю 1993 г. Летом этого года почти все хозяйства соседнего Эвенкийского автономного округа распались на "родовые общины" (Попков 1994). На Таймыре к концу 1993 г. все дотационные закупочные цены и выплаты были приостановлены (их заменили займы под высокие проценты), и все же на безграничных угодьях государственных хозяйств появилась лишь ничтожно малая часть частных хозяйств¹⁰⁰.

Итак, в одно прекрасное утро коллективные институты Таймыра должны были разлететься с треском, подобным раскату весеннего северного грома. Однако по письмам из Хантайского озера, полученным с 1993 по апрель 1995 г., можно судить, что совхоз "Хантайский" по-прежнему существует как самостоятельная территориальная единица, хотя едва ли он существовал как эффективная экономическая сила. Среди многих факторов, оказавших свое влияние на запоздалый расцвет

¹⁰⁰ В августе 1993 г. насчитывалось примерно двадцать фермерских и родовых хозяйств, зарегистрированных в окружном отделе по землеустройству. Большинство новых фермеров были русскими, живущими рядом с Дудинкой. Были и два важных долганских предприятия: одно на озере Собачьем, другое на месте бывшего поселка Камень. Как ни странно, были зарегистрированы и три "родовые общины", две русские и одна долганская, на территории совхоза "Хантайский", хотя нет никаких признаков того, что эти земли как-либо ими использовались.

приватизации на Таймыре, по-видимому, наиболее сильным было националистическое тяготение к определенным территориям.

В разделе I.6 было показано, как государственное хозяйство могло продолжать финансовое существование, благодаря алхимическому превращению его основных средств в услуги. Однако успех такого способа не объясняет, почему те же самые средства не были использованы частным предпринимательством. Обычно неудачи деколлективизации объясняются среди русского пришлого населения Хантайского Озера природным консерватизмом чиновников Таймыра. Молодой русский промысловик-рыбак из Томска заявил, что "Таймыр – это заповедник для коммунистов", чем и объяснил свою неудачную попытку в феврале 1992 г. приватизировать "точку" на территории совхоза. Эти утверждения лишь отчасти подтверждаются фактами. Как показывает история, все спущенные сверху инициативы, начиная с землеустройства и коллективизации, приживаются на этих северных землях годами, если не десятилетиями. Хотя управленцы, как, например, директор совхоза "Хантайский", несомненно имеют свои экономические интересы оставаться в роли хозяев обширных капитальных ресурсов, я уверен, что этот молодой промысловик-рыбак не принимает во внимание еще один важный фактор, а именно: глубокое убеждение местных производителей в том, что объединенная территория необходима для их будущего как народа.

Если и можно обвинять в консерватизме часть государственных служащих, их консерватизм определяется боязнью нарушить хрупкий общественный порядок. Помимо того, что большинство "первых лиц" округа были долганями или ненцами, во время моих бесед обнаружилось, что многие придерживаются старых убеждений относительно того, что их обязанность – "защищать" своих собратьев от спекуляции землей со стороны русских. Не меньшее беспокойство у них вызывало и то, что, дай пришлым русским особое право пользования определенными землями, тундра вновь стала бы аренной перестрелок, как в 1932 г. Хотя эта кажущаяся поддержка незыблемости границ и институтов, "тяготевших" друг к другу в советское время, может казаться консервативной, она представляет, как будет показано ниже, неприятие частного землевладения, к которому стремятся пришлые охотники и рыбаки на территории совхоза. Однако, если коренные жители Таймыра находятся под защитой своих влиятельных сородичей, почему процесс образования родовых общин не пошел здесь с такой же интенсивностью, как в Эвенкийском автономном округе? Ответ, по-видимому, состоит в привлекательности

инного типа собственности. Опыт нескольких поколений, живших при советской власти, показывает, что закрепление определенной территории за определенным народом имело явные политические и социальные преимущества. В 1993 г. для многих эвенков, живущих в национально разделенном поселке, это было идеалом, к которому они стремились.

Прежде чем перейти к рассмотрению того, как эвенки мыслят будущее совхозных территорий, необходимо сначала описать различные варианты владения землей, существовавших к началу приватизации. По советским законам вся земля принадлежала государству; в окрестностях Хантайского Озера совхоз был единственным государственным институтом, который имел право контроля за добычей зверя и рыбы на своей территории¹⁰¹. Тем не менее, люди, принадлежавшие к одной из 43 официально признанных профессиональных категорий, эксплуатировали определенные участки земли на протяжении долгого времени, что было сродни частному землевладению. Именно этот опыт служит моделью как для пришлых, стремящихся стать фермерами, так и для эвенков, которые стремятся воссоздать на своей земле национальную общину.

Наиболее ярким примером ограниченного доступа к земле в условиях государственного хозяйства были охотничьи и рыболовные "точки". Это были в буквальном смысле точки на карте, с построенными собственными силами избушками и номерной радиостанцией, где один или два работника имели право ловить рыбу и добывать пушнину на определенной ограниченной территории вокруг этой "точки". Ограниченный доступ к охотничьим угодьям, широко распространенный в Сибири, был средством, позволявшим собирать сведения о поголовье животных и не допустить добычи зверя без санкции государства. Нетрудно догадаться, что на территории в два миллиона гектаров при свирепых пургах на про-

¹⁰¹ Другие государственные учреждения также имели права, которые пересекались с правами совхоза. Гослесфонд облагал совхоз ежегодным налогом за использование лесных угодий на нужды совхозного населения. Пилоты военных вертолетов нередко садились на совхозных землях и, по-видимому, охотились на дальней оконечности озера Хантайское. Рабочие Снежногорской ГЭС и связанные с ними метеорологи и гидрологи получали право охотиться и рыбачить на территории совхоза в качестве дополнения к своим контрактам. Различные геологические экспедиции Норильского комбината в 1992 г. имели право становиться лагерем на территории совхоза для исследования залежей минералов. В 1992 и 1993 гг. две экспедиции из Игарки работали на территории хозяйства.

тяжении всей зимы, можно было отыскать множество лазеек, которые позволяли свободно добывать пушнину и торговать ею за товары или деньги. Поэтому для промысловика "точка" с избушкой и баней из бросовой древесины была тайной "отдушиной", где можно было наслаждаться независимостью и охотиться с выгодой ввиду неспособности государства контролировать свою территорию (Shmelev, Popov 1990).

Подавляющее большинство из шестнадцати "точек" Хантайского совхоза принадлежали исключительно русским или украинским охотникам¹⁰². Такое национальное разделение труда определяется многими факторами. Наименее явными являются "любовь к оленям", "бесхозяйственность" или пьянство, часто приписываемые русскими "националам". Наиболее важными среди факторов, определяющих такое распределение "точек", являются личные отношения между охотниками и рыбаками и приезжим директором, а также то, что пришлые часто охотятся и ловят рыбу с такой "страстью", что не только вырабатывают план, но и добывают достаточно пушнины для себя, так что их труд оказывается доходным.

Прикрепление пришлого охотника к официальной "точке" является, пожалуй, высшей формой территориальности, изобретенной советским государством. Пришлый промысловик безразличен к проблемам экологии; по советским нормам, его не слишком сурово наказывают за неуважение к букве природоохранного закона, поскольку реальных мер принуждения не существует. Идеология рыбака с "точки" хорошо показана в хлестких фразах декларации 1992 г. Союза охотников Хантайского Озера, в статье которой восхваляется частная собственность; неофициальная деятельность других членов Союза должна быть скрыта завесой молчания.

Если рыбаки как коллектив выражают твердую веру в частную собственность, у других производителей принадлежность к территории отражается более тонко. Более традиционные коллективные формы орга-

¹⁰² С 1992 года, с отъездом многих русских на материк, некоторые долганы и каменские эвенки получили возможность испытать на себе достоинства свободного предпринимательства на "точках". В 1993 году четыре "точки" принадлежали нерусским. И хотя один эвенкийский рыбак, Иван Елогир, жил на "точке" Деламакит еще в конце 1970-х гг., в 1980-е годы эти высокодоходные промысловые "точки" принадлежали исключительно приезжим.

низации труда связывают промысловиков, охотников-любителей и оленеводов со своими территориями. Летом промысловики и любители собираются вместе ловить рыбу в тех самых местах, где в 1960-ые – 1970-ые годы были организованы рыболовецкие бригады. Как будет показано в разделе V.2, у этих коллективов места стоянок возбуждают довольно сильное чувство символической близости. Эти чувства принадлежности передались и поселковым, для которых место летней рыбалки является одним из немногих способов приобщения к обширной территории вокруг. Когда разговор заходит о частном землевладении, промысловики и любители обычно прибегают к притяжательным оборотам из языка тундровиков – в отличие от собственнических выражений промысловиков из "точек". Пожилые эвенки, живущие в Амбаре или Каланге в своих крытых шкурами чумах (*дьюл*), – радушные хозяева, которые подчеркивают свое великодушие, говоря, что им было бы "не жалко" поделиться своими местами с долганами или приезжими. Но, несмотря на эти радушные слова, отсутствие и русских, и долганских рыбаков в этом самом месте привлекает к себе внимание ¹⁰³.

Возможно, такое национальное разделение лучше рассматривать в связи с персонализированным "посвящением", которое отстаивают тундровики. Производственные возможности эвенкийской стоянки ничтожны в сравнении с доходными точками на водохранилище или на Хантайских Порогах. Совхозный рыбак или будущий фермер едва ли заинтересуются этими местами, поскольку они смогли бы получить весьма скромную прибыль, да к тому же очень скоро истощили бы запасы хариуса и кумжи. Поэтому, если рыбаки-эвенки не защищают свои места с должным упорством и твердостью, эти уголья рассматриваются совхозным руководством и рыбаками на "точках" как производственные участки исключительно "для националов", выделенные для малопродуктивной добычи. Не трудно представить, что, случись введенному в заблуждение пришлому рыбаку попытаться применить на практике высокопроизводительную

¹⁰³ Единственными русскими в каждом месте являются нанимаемые на работу приемщики Норильского рыбзавода, которые взвешивают, чистят и солят рыбу. На национальную однородность летних стоянок рыбаков указал мне капитан совхозного буксира, азербайджанец, он знал галечные косы и течения у каждой "точки", но не старые рыбные уголья вроде каланга или амбара. И на каланге, и на амбаре едва ли встретишь долганских промысловиков. Им не запрещено ловить здесь рыбу, но они предпочитают ставить палатки в стороне от хантайских и проводят время отдельно.

технологии на угодьях, предназначенных для совершенно иных взаимоотношений человека и природы, это привело бы к более агрессивной форме выражения принадлежности. Рыбачьи "точки" и стоянки показаны на карте 5.

Территории ограниченного доступа можно обнаружить и в пределах угодий четырех оленеводческих бригад совхоза "Хантайский". В сравнении с тем, как охотник понимает свою "точку", пастбища оленеводческой бригады кажутся неопределенными и огромными. Один охотник признался мне во время лицензионного отстрела волков на угодьях Первой оленеводческой бригады: "Я не слушаю пастухов, когда они дают мне указания. Для них "недалеко" значит четыре часа пути на "Буране". Без преувеличения можно сказать, что, если охотник знает территорию в сто квадратных километров вокруг своей "точки" и несколько дорог до поселка и обратно, пожилой бригадир хантайских оленеводов знаком с совхозной территорией почти в две тысячи квадратных километров и, возможно, знает несколько дорог до других экстенсивных поселков. Однако эти обширные знания, несомненно, гораздо более ограничены, чем знания стариков, которые "ездили везде". В отличие от тундровиков 1950-х – 1960-х гг., которые могли побывать за сезон в нескольких районах, современные пастухи содержат свои крупные стада на официально утвержденных зимних и летних пастбищах (раздел I.7). Среди этих пастбищ разбросаны лабазы [нэкул], корали для подсчета поголовья и база, на которой в летние месяцы ремонтируют зимние балки, а женщины пекут хлеб [омо] для кочующих со стадом молодых пастухов (карта 5).

Определение угодий и постоянных мест уже давно является оленеводческой стратегией в этом районе¹⁰⁴. Однако значение закрепленных

¹⁰⁴ Менедерил "сидящие" – так называют тех эвенков, которые предпочитают жить оседло, а не кочевать (Василевич 1969). Традиционно их считали бедными оленеводами. Однако на Таймыре очень богатые оленеводы тоже оставались в своих чумах, пока их работники пасли за них оленей. За время моей полевой работы некоторые молодые пастухи не без гордости говорили мне, что в этом году бригадир "остался с женщинами" (и со мной – Д.А.). Как я понимаю, это означало его уверенность в их способностях, а также определенный порядок вещей, при котором он мог позволить себе роскошь заняться починкой утвари, ставить сети. Практика использования постоянных загонов (коралей) для учета совхозных оленей была начата в Ненецком автономном округе в 1933 г. (Ленартович 1936). К середине 1930-х годов это постепенно стало обычной практикой и на Таймыре.

угодий в быту возросло из-за того, что продукцию издавна сдавали через центральные заготовительные пункты (вроде счетных коралей), а промышленные товары оленеводам доставляли то в одно, то в другое место вертолетами или вездеходами. В течение трех месяцев, проведенных на плоскогорье вдоль реки Горбиачин, нам было нужно побывать в шести лабазах, двух коралях и на двух "старых" базах, разбросанных на расстоянии 360 км друг от друга, для того, чтобы запастись то мукой или шкурами, то швейными принадлежностями, запасными частями для радиостанций или ловушками, которые грудой лежали в местах приземления вертолета. То, что товары разбросаны по тундре, вызвало раздражение одного молодого эвенка, который не мог вспомнить, где оставил свои резиновые сапоги. Пожилые пастухи с некоторым смущением говорили об этом "беспорядке", но подчеркивали, что сами ничего с этим поделать не могут, так как работают в рамках "безумных" совхозных планов.

Если в былые времена эвенки знали определенные места, куда возвращались дикие олени, нынешние пастухи, видимо, привыкли к необходимости кочевать за многие километры туда, где оказываются продукты, отпущенные с меткостью близорукого лучника совхозными горедминистраторами. В этом широком смысле плоскогорье реки Горбиачин, как и район озера Кулумбэ в недалеком прошлом, является территорией Первой оленеводческой бригады¹⁰⁵ Это – территория, с которой оленеводы "кормят поселок". С приходом весеннего аргиша в базовый лагерь и стар, и млад говорят с облегчением о возвращении "домой".

Хотя связь охотника на точке, промысловика или оленеводческой бригады с их территориями была различной, все три профессиональные категории были подчинены одним и тем же административным ограни-

¹⁰⁵ Устройство территорий для оленеводов было гораздо более четким в конце 1970-х и начале 1980-х гг. В это время большие средства тратились на постройку изгородей для различных бригад с тем, чтобы уголья бригад и их летние и зимние пастбища можно было четко разграничить. Остатки этих изгородей по сей день можно найти в окрестностях озера Кулумбе и в крутых впадинах на восточном берегу озера Хантайское. То ли из-за недостатка средств на их поддержание, то ли из-за суровой погоды в здешних краях, эти изгороди быстро пришли в негодность. Начиная с 1985 г. совхоз вернулся к прежнему методу открытых оленьих пастбищ, удаленных друг от друга ввиду обширности бригадных территорий. Число бригад уменьшилось с шести до четырех.

чениям права землепользования. Во всех случаях работник мог быть уволен или переведен со своего официального места работы по указу директора совхоза. Такое случалось редко, поскольку работники и руководители совхоза находили нелегкие пути примирить желание одних иметь личные привилегии и озабоченностью других недостатком лояльных и трудолюбивых работников. И все же неустойчивость структуры административно организованного охотничьего хозяйства раздражала эвенков, которых разом исключили из числа оленеводов в начале 1970-х гг. (раздел I.6), и пришлых охотников, недовольных ущемлением их частных интересов:

Контекст: пьем водку на "точке" Кутермакан с русским охотником из совхоза, его приятелем (уволенным совхозным охотником) и русской телевизионной группой.

Т.К. Я – человек без прав. Я полностью завишу от государства. Смотри, я своими собственными руками построил эту избушку, но меня могут выселить по прихоти директора. Они мне не платят. Но если я продам шкуры "налево", меня здесь не будет, а будет сидеть национал.

Д.А. Может, это из-за Р. Он все время торговал.

С.Л. Ну, с Р. дело особое. Он не сдал государству ни одной шкуры. Он продавал слишком много. И Т. тоже. [Оба ушли из совхоза по собственному желанию в конце 1993 г.].

Т.К. Они бы этого не сделали, если бы у нас были права собственности. А теперь и нас подозревают.

Хотя и эвенки, и русские, и, в меньшей степени, долганы были недовольны административным контролем производства и землевладения, как только эта система юридически прекратила существование в 1992 г., общины заняли очень разные позиции относительно того, как следует использовать территорию. Хантайские эвенки стремились сохранить территорию "своего совхоза" как нераздельное целое. Приезжие отстаивали свое право частной собственности на "точки". Некоторые из долган и каменские эвенки пытались претворить в жизнь идею "передачи земли семьям в бессрочное пользование". Среди всех этих предложений отсутствовало одно – открытое и неограниченное использование всех тундровых земель. Виделось ли светлое будущее в частном землепользовании или в поделенном по национальному признаку общинном владении, все

предложения имели одну общую черту: понятие о территории, нужное, чтобы исключить посторонних. Это понятие было удачно насаждено советским государством начиная с 1932 г.

В начале этого раздела мы коротко рассмотрели требования приезжих на право частной собственности на землю; обратимся теперь к требованиям исключительных территорий для национальных общин.

В течение 1992 и 1993 г. среди эвенков и долган совхоза "Хантайский" было немного тех, кто ратовал за исключительные территории. Два долганских хозяйства покинули поселок и совхоз для того, чтобы устроить "родовые общины" в Норильском индустриальном районе и на территории совхоза Волочанка. Еще одно долганское хозяйство и один каменский эвенк предъявили права на рыбные озера (озеро Горбичин и озеро Сиговое) на территории государственных оленьих угодий, предназначенных для восстановления ягеля. К августу 1993 г. еще три долганских семьи хвастались планами востребовать родовые территории, но дальше слов дело не пошло. На вопрос, зачем они затеяли эти тяжбы, каменские эвенки в каждой из трех семей ссылались на хозяйственность родившихся на Камне или на леность тунгусов. Реакции хантайских семей были также полярными:

Контекст: весенний день на базе Первой оленеводческой бригады, помогаю бригадиру корчевать деревья, чтобы изготовить полозья для балка.

Н.С. Все эти разговоры о приватизации – просто жадность. Я вот слышал по радио, что эти украинцы устроили перестрелку на озере Деламакит. Стрелять друг в друга в тундре!... Но неправильно и то, что каменские просят землю. Это наша земля. Я ее всю объездил. Если они попытаются отобрать ее у нас, я буду за нее бороться.

К счастью, эти слова остались словами. Однако, подобные слова, несомненно, заставили два каменских хозяйства воздержаться от предъявления прав на землю.

Молчаливые запреты на разговоры о частной собственности усилились в результате действий директора, который поклялся не давать предпринимателям снаряжения, керосина для ламп, наземного транспорта и не помогать заказами вертолета. Директор выступал в двойной политической роли: он одновременно проводил популярную в народе политику

и укреплял свои позиции единственного защитника от неведомых ры-
ночных сил, бушевавших за пределами совхоза.

Словесное сопротивление попыткам каменных хозяйств приватизи-
ровать земли – не просто проявление ревности. Возможно, что старшее
поколение с тревогой вспоминало почти забытую нищету, когда они це-
ликом зависели от богатых якутских семей. Однако, на мой взгляд, заяв-
ления подобного рода указывают скорее на осознание того, что принад-
лежать к территории выгодно. Во-первых, в общине, где вообще говорят
мало, подобные угрозы звучат громче, чем просто ропот недовольства.
Во-вторых, в рассуждениях, подобных приведенным выше словам бри-
гадира, впервые появляется робкая идея, которую можно назвать требо-
ванием "прав аборигена": право на территорию, идущее не от индивиду-
ального права, а от того, что человек прожил здесь всю жизнь¹⁰⁶. В-
третьих, в защите "нашего совхоза" присутствует и гражданское чувство
принадлежности (раздел V.2), существующее лишь в рамках коллектив-
ных институтов и рассыпающееся за пределами их границ.

К этим трем элементам можно добавить практические и техниче-
ские соображения, которые определяют необходимость защиты общей
территории, хотя ни одно из них не высказывалось напрямик. В случае с
предложенной приватизацией озера Горбачин, гнев оленеводов, без
сомнения, был вызван тем обстоятельством, что прежде они перегоняли
свои стада по перешейку между поселком и притоками Курейки и, веро-
ятно, не желали терять этот маршрут. Вопросы о праве передвижения по
закрепленным территориям легко решались в совхозе, который, несмот-
ря на перегибы в администрировании, все же представлял общие интере-
сы общины. Договориться по этому поводу со свободными фермерами,
ревностно оберегающими свои владения, было бы значительно труднее.
Далее, все действующие лица в совхозе "Хантайский" хорошо знали,
сколько земель оказалось безнадежно загрязнено тяжелыми металлами
Норильска. Из-за этого не таким уж невероятным звучало предположе-
ние, что в совхозе с угодьями в два миллиона гектаров не хватит земли
для кочевых оленеводов, оседлых каменных, не говоря уже о русских
рыбаках. Прямым следствием загрязнения явилось то, что Первая олене-

¹⁰⁶ Эта идея "права по рождению" еще ярче проявлялась в других беседах, когда
указывали на то, что большинство названий мест на картах были эвенкийского
происхождения, или подчеркнуто принижали "родословную" долган (раздел
III.4).

водческая бригада уже перенесла зимние маршруты за пределы своей территории, и даже кочевала на территории Игарского промышленного района, на землях, которые, строго говоря, не могли им принадлежать. Угроза нехватки земли нависла над каменскими эвенками, которые могли очутиться в том же положении, что и их предшественники из "дикой артели", изгнанные со своих обычных мест в результате проводимого тогда государством землеустройства.

Хотя большинство работников совхоза "Хантайский" имели много причин для недовольства административным контролем своей деятельности и передвижения, было бы резонно предположить, что перспектива ликвидации совхоза с его юридически определенными границами воспринималась как большая опасность. В более общих терминах эта вялая поддержка коллективных территорий может рассматриваться как одна из форм консерватизма. Похоже, что страсти вокруг существующих четко очерченных территорий лучше интерпретировать как проявление патриотизма, питаемого вполне обоснованными опасениями, что разделить пока еще не загрязненную территорию будет не так просто. В этой главе было показано, как у эвенков от отношения к земле как к достоянию "знания" произошел переход к растущему сознанию территории и неперемennomу в этом случае чувству собственности. Последнее появилось благодаря нескольким кампаниям по земельному переустройству, проведенным советским и российским государствами.

В следующей главе будет показано, как коллективы, связанные с определенной территорией, используя особенности своего хозяйства и расселения, предъявляют требования к состоянию гражданского права, созданного Советским государством. Рассматривая территорию с этой точки зрения, понимаешь, что это – полезное политическое орудие в диалоге с обезличенным руководством в Дудинке и выше, вплоть до центральных властей.

ГЛАВА V. ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К КОЛЛЕКТИВУ

М.Ф. Елогир, бывший бригадир и недавно избранный член Президиума Первого Все-эвенкийского суглана, вернувшись в Дудинку, отвечал на вопросы корреспондента районной газеты о прошлом и будущем эвенков на Таймыре ("Советский Таймыр", 25.04.93). "Правда ли, что в Хантайском Озере по-прежнему живут старые эвенкийские рода? Будете ли вы восстанавливать родовые общины?" – спросил с любопытством журналист. Как настоящий тундровик, Моми Федорович не тратил лишних слов:

"Конечно, рода есть! Елогиры, Укочеры, Утукогиры, Килмагиры, Панкагиры. Родовые общины? Есть задумка..."

В статье на полстраницы журналист трижды ссылался на немногословный ответ своего гостя, явно пытаясь создать у читателя образ мудрого и простого человека. Однако главное в статье, по логике журналистских вопросов, была тема существования рода в досоветское время и возрождения этих родов в постсоветском будущем. Молодой журналист не мог знать, что двадцатью годами раньше Моми Федорович давал интервью о том, как он получал орден Трудового Красного Знамени за двадцатилетний труд в коллективном оленеводстве. Тогда этот уважаемый коммунист, сын богатого пастуха, который передал свое стадо колхозу "Красный промышленник", отвечал так же сдержанно на похожие наводящие вопросы, но совершенно о другом будущем. Человеку, прожившему жизнь на бескрайних просторах тундры вместе с родственниками и оленями, ограниченные идеи "родовой общины" и "коллективного хозяйства", которые ему предлагали на разных этапах, казались, наверное, одинаково абстрактными.

В этой главе я покажу, как прежде и теперь понимают "род" в Хантайском Озере и на Нижнем Енисее; я полагаю, что надежд на его будущее возрождение немного. Напротив, будет показано, что "коллектив", сплоченный общим опытом и занимающий конкретное место в культурной иерархии, является основной точкой приложения взаимопомощи и основой национальной стратегии. Это не означает, что советская власть раздробила до конца все родственные объединения (и не допустила образования новых): родственные связи по-прежнему являются наиболее предпочтительным механизмом расширения и воспроизводства знания о

тундре. Однако следует обратить внимание на то, что, пока государство пропагандировало преимущества совхозов, братство народов, эвенки выбрали национальность, территорию и особое понятие "коллектива" в качестве важнейших. Как будет показано далее, и понятие родства, и понятие коллектива соответствовали разным сторонам национальности. Стратегия "национальной эндогамии" имела, заметим, кисло-сладкий привкус. Развитие родственных связей по линии отца и матери охватывало разные ступеньки социальной лестницы культуры, но в пределах своей национальности это давало эвенкам ощущение относительной безопасности в условиях непредсказуемой административной экономики. Тем не менее права и обязанности, связанные с отдельными должностями, также разводили жизни молодых людей по разным дорогам – настолько, что можно говорить о "кризисе родства", который изнутри разрушает эвенкийский "народ".

У.1. Экстенсивное родство и национальная эндогамия

Хотя большинство официальных этнографов исходили из предположения, что эвенкийское землепользование было аморфным, характерно, что они находили в эвенкийском обществе четко выраженную родовую структуру. В XVII в. казаки – сборщики ясака старались разобраться в общественных отношениях коренных народов, чтобы, взяв заложников (так называемых добрых аманатов), рассчитывать на щедрый выкуп мехами (Карлов 1982: гл. 2). Реорганизация управления империей, принятая графом Сперанским в XIX в., основывалась на предполагаемом существовании родов и родовых князей, соответствующим образом внесенных в переписи. В конце XIX в. Лев Штернберг (1933) оказал влияние на тогдашнюю европейскую дискуссию о социальной эволюции своей перепиской с Фридрихом Энгельсом о "групповом браке" у нивхов и ороков (Grant 1995). В начале советского времени вышла одна из первых работ по эвенкам Анисимова "Родовое общество эвенков" (1936), подкрепляющая точку зрения Энгельса о переходе от группового брака к патриархальной семье и в конечном счете к социалистической семье. Такое понимание родовой организации дало возможность Б.О. Долгих осуществить свой амбициозный проект (1963) и официально установить происхождение долган. В конце 20-го столетия политические реформы в Сибири направлены на образование независимых "родовых общин" (Vitebsky 1992; Попков 1994) – тенденция, которая заново пробуждает интерес к прежним этнографическим исследованиям: в них стараются

найти ответы на вопрос об изначальных, первородных связях родовых групп с конкретными территориями.

Несмотря на трехсотлетнее изучение эвенкийских родов, очень мало написано о родстве как о стратегии или, конкретнее, о том, как с помощью родства эвенки строят свои взаимоотношения. Отчасти это вызвано терминологической путаницей в языке государственных документов¹⁰⁷. Отчасти это вызвано теоретическим убеждением многих поколений этнографов, что все родовые проявления суть пережитки прошлого, постоянно находящиеся на грани полного исчезновения¹⁰⁸. Оба аспекта, в

¹⁰⁷ Со времени прихода казацких сборщиков ясака в Сибирь и в особенности после реформ Сперанского малочисленные народы Сибири были организованы в несколько административных единиц, называемых "рода". В российской этнографической литературе стало принято называть такую единицу "административный род". Этот термин впервые применили Рычков (1917: 2-3) и Широкогоров (Shirokogoroff 1933: 123-5) (ср. Карлов 1982: 139-40). Сомнительно, чтобы эти единицы, образованные для сбора ясака, имели прямое отношение к местным родам какого-либо сибирского народа, хотя многие российские этнографы не согласились бы со мной. Существует три основных аргумента в пользу идентичности "кровного родства" и "административного рода". Патканов (1906) ссылается на простое совпадение единиц в переписи 1897 г. с кровными родами. Долгих (1960) признает наличие бухгалтерских ошибок, но при дальнейшем анализе приходит к выводу о соответствии административных кланов территориальной группе или "племеню". Он также считает, что в далеком прошлом административные единицы полностью совпадали с местными родами. Афанасьева (1990) в своем, возможно, наиболее полном исследовании архивных документов нижнего Енисея 1628 – 1978 г. утверждает, что ранние источники точно фиксируют "большие семьи", а более поздние – патриархальные роды.

¹⁰⁸ Убеждение, что родовая практика исчезает, возникло под влиянием модели социальной эволюции, предложенной Rivers (1914) и Morgan (1878). Многие поколения российских этнографов признают этих исследователей авторитетами в вопросах родства (Штернберг 1933; Shirokogoroff 1933; Долгих 1960; Симченко 1976; Афанасьева 1990). Исчезновение рода у эвенков было впервые зафиксировано Рычковым (1923: 134), который отметил, что в 1906 г. эвенки "родства не знали и пользовались полной свободой в половых отношениях и не имели общения, будто бы, только с матерью, а с остальными поступали как олени". Анисимов (1936: 22) пишет в прошедшем времени о родовой организации, замечая при этом, что "в настоящее время [1929] институт взаимного брачного обмена серьезно подорван; теперь эвенкийские мужчины могут брать жен из любого рода". Даже в наиболее полной работе Широкогорова о родовых и свадебных обрядах говорится о неминуемом исчезновении родового принципа (1933: 124-5,

сущности, связаны с официальной этнографической деятельностью по определению четких и непересекающихся социальных единиц и размещению их на шкале эволюции.

Единодушие в вопросе об упадке родовой организации было бы трагично, если бы не столь мелодраматически затянувшееся "умирание". Хотя с различных позиций и кажется, что за последнее столетие родовая организация исчезла, все же звенки по-прежнему сохранили способ воспроизводства благодаря одной из многих возможных брачных стратегий. Представляется, что родовая организация не исчезла, но местная идеология родства долины нижнего Енисея была приспособлена к системе обязательного присвоения фамилий. В советское время эта система была связана с распределением квартир, пособий и т.д. Одним из проявлений новой стратегии является отказ от брачных союзов в пределах значительной территории и переход к эксперименту с национальной эндогамией.

Таким образом, изменения в родовой структуре звенков, фиксируемые на протяжении полутора столетий, следует понимать не как коррозию некогда чистой системы, а как доказательство стремления людей к эксперименту с различными родовыми стратегиями. Этот творческий аспект хорошо подмечен Широкогоровым:

"Когда спрашивают тунгуса по-русски о его роде, он отвечает без промедления нечто похожее на это: "...До прихода русских мы жили как дикие люди и ничего не знали о родовой организации". Но если его спрашивать, используя тунгусские "омок" и "кала" [соответственно, якутское и тунгусо-манчжурское слово – Д.А.], он отвечает совершенно по-другому, приблизительно так: "У нас всегда были наши рода, и мы жили по ним, но сегодня родовая организация уходит" (Shirokogoroff 1933: 124).

В этом отрывке Широкогоров подчеркивает искусственность русских построений рода; отчетливо слышна ностальгия ученого по прежним подходам. Однако этот же отрывок можно прочесть и как точное

188, 357). На этом же настаивают современные исследователи, работающие на нижнем Енисее (Афанасьева 1990: 359; Карлов 1982: 145-7; Туголуков 1963: 27-28). Василевич (1969: 151; 1970) – единственное (и весьма решительное) исключение: в противовес всем остальным, она утверждает, что родовая организация оставалась неизменной на протяжении ряда веков.)

описание расцвета и упадка родовых идеологий, как если бы якутскую родовую организацию (омок), когда-то бывшую "в моде", сменил затем новый предмет всеобщего увлечения – род. Историю систем родства в долине нижнего Енисея можно рассматривать как серию стратегий, призванных работать в рамках все более четких официальных категорий, начиная с категории "племя", затем "административный род" и кончая "фамилией" ¹⁰⁹

Говорить о родстве в Хантайском Озере непросто. Каждый конкретный человек может иметь множество причин избегать разговоров о своих предках. Если оставить в стороне проблему доверия к незнакомцу, внешне похожему на русского, остается вопрос, как побудить людей говорить о том, что обычно не выражают в словах. Недавно умерших родственников вспоминают, но редко называют по имени. Это, видимо, общая проблема для этнографов в долине нижнего Енисея. По словам Афанасьевой:

"Необходимо отметить несколько особенностей в представлении нганасан об их предках и родственных связях предков. Как правило, информаторы называли весьма далеких предков, хотя часто путали степень их удаления, путали степень родства разных предков и не могли назвать дат рождений. Имелись варианты, когда предков помнили анонимами – т.е. не могли назвать их имен, хотя могли точно передать ситуацию – степень расхождения отдельных линий, количество sibсов у того или иного предка и т.п., хорошо представляя их соотношение между собой и с самим информатором" (1990: 259).

Очевидно, не слабая память информантов, а уважение к умершим является причиной повсеместного молчания. Информант, который протестует: "Что ты все спрашивает, как его звали? Он умер!" может иметь в виду, что, называя умерших по имени, можно невзначай вызвать их (Shirokogoroff 1935: 139-42, 203, 209; Humphrey 1993). В районах с тра-

¹⁰⁹ Это верно и в отношении Монголии. Булаг (1993) приводит примеры попыток советских плановиков заменить монгольское родовое понятие обог русским понятием фамилия (с. 61 и сл.). Были также попытки перевести на монгольский язык русские понятия "род", "племя" и "народность" (с. 31). Булаг утверждает, что при централизованной административной системе подобные способы классификации народов привели к эндогамному местничеству" – явлению, напоминающему национализм (с. 75 сл.)

гической историей, как, например, долина нижнего Енисея, некоторых родственников, возможно, было желательно забыть. Всецело сочувствуя Афанасьевой, отмечу, что интерпретировать высказывания, насыщенные местной относительной терминологией – занятие очень неблагодарное.

Контекст: разрозненные записи из моего полевого дневника.

"Старшая тетка Неру (это Аграфена?) рассказывала ему, что Утукогиры – родственники ее отца в Чиринде [общий предок – брат ее отца или дядя ее отца?]"

"Дэвгончэ – русское имя, Павел Панкагар – баэкон аминин [отец Баэкона]. Употреблено ли "аминин" в буквальном или переносном смысле?"

"Куропатовы то же, что Сапожниковы. [Но Васильев пишет, что Куропатовы из рода Панкагиров!] Прокопий – самый старший [Он Сапожников или Куропатов? Или и тот, и другой?!]"

Помимо сдержанности в отношении названия людей, релятивистская картина родства дополняется множественностью "эвенкийских имен" [эвэндыл гэрбил] тех, кто жил на рубеже столетий и раньше ¹¹⁰ Относительные названия часто имеют переносный смысл ¹¹¹ Наконец,

¹¹⁰ Два имени [дюдгэрбин] практикуются повсеместно. Это не только сбивало с толку чужих; повседневное имя не давало своим ровным духам понять, кто перед ними (Гурвич 1977: 117). Многие в районе Хантайского озера имели по крайней мере одно русское имя и хотя бы одну "кличку". У тех, кто кочевал, было обычно и эвенкийское имя. Филиппа Григорьевича, одного из прародителей Утукогиров, называли то Укокон, то Малому, то Тылитан. Мой молодой сосед по балку Владимир тоже имел нелестное имя Орокта [олений помет]. Как объяснила его сестра: "Я знаю, что это имя ему не нравится, ну что поделаешь? Так его зовут".

¹¹¹ Все эвенкийские термины родства даются с притяжательными суффиксами на -н. Эвенкийское слово амин "отец" часто означает любого старшего по возрасту прямого родственника: отца, дядю и старшего двоюродного брата по отцовской линии. Русское слово брат часто двусмысленно: так называют как двоюродного, так и троюродного брата, как по отцовской, так и по материнской линии (Ср. Василевич 1969: 145). Двусмысленность в использовании эвенками русских терминов я заметил по тому, как рассердился один из моих соседей в поселке, настаивавший, чтобы я называл его или амин или эба [дедушка], но не "дядя": "Терпеть не могу, когда дети называют меня дядей". Ту же двойственность заметил в начале века в Прибайкалье Широкогоров (Shirokogoroff 1933:

из-за высокой смертности мужчин можно встретить многочисленных приемных детей и повторные браки, которые помогают объединить одиноких людей с различными родовыми корнями ¹¹².

Как и в обучении знанию земли, свидетельством того, что я правильно понимаю родство, было либо молчание, либо просто отсутствие интереса к моим замечаниям относительно родственных связей. Малейшая неточность в моих высказываниях тут же вызывала откровенный смех, но почти никогда не побуждала эвенков к разъяснениям. Чтобы выйти из подобного комического положения, в которое я попадал во время нескольких застолий в молодых семьях и в общении с четырьмя пожилыми женщинами, я восстановил с помощью похозяйственных книг из архива шестнадцать сложных генеалогий, которые последовательно воспроизводят восходящие группы поколений и столь же последовательно не регистрируют родственные связи между этими группами. Хотя в моем распоряжении оказались генеалогии каменных якутов, долган и эвенков, я выбрал пять эвенкийских схем (как хантайских, так и каменных), поскольку растущее отчуждение между потомками различных линиджей ¹¹³ наилучшим образом иллюстрирует переход от экстенсивного

174), который расценивает ее как свидетельство того, что не было никакой необходимости различать членов рода, кроме членов своей семьи. Современное употребление терминов родства в Хантайском Озере, распространение этой двойственности на родственников по материнской линии означает, возможно, увеличение экзогамии.

¹¹² И вновь, как отмечает Широкогоров, приемные дети приобретают связи и со своим кровным родом и с тем, кто принял их (Shirokogoroff 1933: 248). Подобным же образом, женщины сохраняют свое место, обязательства и запреты того рода, из которого происходят (стр. 203-4, 214, 223). Память о роде женщины Широкогоров интерпретирует как пережиток первобытного матриархата (181, 242-245).

¹¹³ *Прим. ред.:* Термин линидж (lineage), встречающийся и в русскоязычной этнографической литературе, обозначает здесь группу родственников, кровно связанных через отцовскую (patrilineal) или материнскую (matrilineal) линии родства. Линидж – понятие более узкое, чем род: несколько линиджей могут составлять один род. Обычно в пределах линиджа осуществляется передача имущества от поколения к поколению и воспитание детей. Понятие линиджа в современной англоязычной этнографической литературе является не менее спорным, чем понятие "род" в русскоязычной литературе.

родства к использованию официальных фамилий, выделенных по национальному признаку (Схемы 3-7).

Я подробно рассмотрю две "разные" пары линиджей: хантайских Утукогиров и Елогиров и каменских Хутукагирь и Елогирь. Они отличаются по национальности; имеются незначительные отличия в написании родовых названий¹¹⁴. Эти формальные схемы едва ли отражают интуитивное чувство родства, которое люди испытывают к своим соседям, однако могут показать изменения в системе экстенсивных связей, пользовании землей и идеологии родства за последние семьдесят лет.

Каждая из шестнадцати генеалогий демонстрирует патрилинейный подход. В наиболее полных из них (Схемы 3 и 5) прослеживается происхождение трех поколений от одного мужского предка. Многие генеалогии оказались не столь глубокими¹¹⁵. Иногда называли и женщин в

¹¹⁴ Различное написание Хутукагирь/Утукогир и Елогирь/Елогир досталось в наследство от безымянного чиновника, который в конце 1950-х гг. записывал эти каменские фамилии по старинке, а не так, как это было принято в Хантайско-Эвенкийском кочевом совете. Эти различия в правописании сегодня переносятся на реально существующих людей.

¹¹⁵ Широкогоров (Shirokogoroff 1933) приводит эвенкийские термины родства для двух восходящих поколений (стр. 171-3, 183-4) и при этом отмечает, что термины для обозначения более отдаленных степеней родства либо заимствованы из других языков, либо являются составными (стр. 176, 182, 185). В Хантайском Озере составные формы типа "отец отца" или "брат отца" использовались чаще, чем русские или эвенкийские слова для обозначения деда или дяди. Попов (1934: 131) прослеживает экзогамные связи до четвертого поколения у долган, живших в районе Норильских озер (или до третьего поколения, если учесть матрилиатеральные браки между двумя родами). Карлов (1982: 133) во время полевой работы в районе Подкаменной Тунгуски в 1968 г. зарегистрировал распад рода Хорболь на три линиджа в четвертом поколении (и тем не менее эти эвенки помнили своих более ранних предков). Афанасьева (1990) сообщает о традиционном запрете браков между родственниками до третьего поколения у нганасан и энцев Таймыра. Среди соседних народов свою родословную выше четырех поколений знали только якуты-оленьеводы (семь) (Гурвич 1977: 123), центральные якуты (девять) (Серошевский 1993: 419-20), буряты (четыре-пять) (Humphrey 1983: 340) и монголы (девять) (Bulag 1993). Используя материалы своих многолетних полевых исследований, Василевич (1969: 152-3) пишет о запрете на брак до седьмого и даже десятого поколения у эвенков. По-видимому, это заявление несколько идеализировано, хотя оно может оказаться верным для эвенкийских групп, соседствовавших с центральными якутами или монголами.

третьем или четвертом поколениях, но их христианских имен или родовой принадлежности обычно не помнили. Термин "род" понимают лишь люди поколения сорокалетних и младше. Более пожилые давали генеалогические сведения только в ответ на вопросы типа "Кто Ваши?" или "Кто были Ваши родители (родители родителей)?" Однако и те, и другие настаивали, что "знают своих родственников" и что "никогда не вступали в брак с родственниками". Напротив, некоторые эвенки намекали, что долганы (включая каменных эвенков) "женятся неправильно". Хотя люди старшего поколения отчетливо сознавали, каково их родство с соседями, никто не смог привести пример того, что значит "жениться неправильно" или объяснить, "как надо жениться". Единственным ключом к пониманию взаимосвязи происхождения и "правильных браков" были сбивчивые разъяснения молодых, что "все тут их родственники" или – про одну молодую женщину – "ей не за кого выйти замуж". Подробнее об этом мы расскажем в разделе V.3.

Судя по этнографической литературе, члены экзогамных эвенкийских родов осуществляли ограниченный обмен брачными партнерами между парами или двумя парами родов (Анисимов 1936: 22-3; Shirokogoroff 1933: 182, 188, 213, 367; Василевич 1969: 154, 156-157; 1970: 464-466)¹¹⁶ Считается, что у некоторых изолированных групп эвенков существовал кросс-кузенный брак в пределах одной локальной группы (Shirokogoroff 1933: 367; Суслов 1928). Судя по литературе, браки заключались на компактной территории. Среди хантайских генеалогий можно найти многочисленные примеры браков в третьем и четвертом поколении между двумя родами/фамилиями. Примером тому служат роды Елогир и Утукогир (Схема 4)¹¹⁷ Таким образом, начиная с четвер-

¹¹⁶ Согласно этим источникам, обмен брачными партнерами помогал упорядочить другие формы связи – такие, как совместное кочевание, взаимообмен приданым и отработка (выкуп) за невесту. К этому перечню можно добавить совместный выпас оленей. В прилегающем районе низовьев Тунгуски парные рода называют друг друга да (дал) "напи" (Василевич 1969: 159; Карлов 1982: 80-81) Это слово может считаться антонимом к *техо*, которое один из жителей Хантайского Озера перевел как "иностранец", но которое может, видимо, означать группу по ту сторону эндогамной границы.

¹¹⁷ Из 42 зарегистрированных браков Утукогиров и Елогиров (примерно между 1910 и 1990 г.) в пяти случаях браки были заключены между представителями этих двух родов. В двух случаях в брак вступили дочь брата матери и сын сестры отца. Нет ни одного случая, когда бы невеста была дочерью брата отца. Воз-

того поколения и ранее, система родства хантайских эвенков может быть полностью отнесена к классическому типу патрилинейного счета родства и кросс-кузенного брака между парными родами, однако, как будет показано ниже, не может быть отнесена к компактным брачным союзам.

Сегодня в Хантайском Озере родственники по отцу имеют одну официальную фамилию, идущую от мужчины, женатого на биологической матери того или иного человека¹¹⁸. Большинство фамилий и хантайских, и каменных эвенков оканчиваются на -гир, что в эвенкийском языке, возможно, является наиболее близким приближением к понятию "род"¹¹⁹. Как в местной, так и в русской традиции, фамилия дается по мужу или мужскому родителю, вне зависимости от того, кто биологический отец. И в том, и в другом случае, дети, воспитанные матерью в новом замужестве, обычно получают фамилию (но не отчество) ее нового мужа¹²⁰. Несмотря на формальную схожесть, полного совпадения между

можно, что можно было бы доказать еще три кросс-кузенных брака, если бы было возможно проследить генеалогии этих родов дальше четвертого поколения. При этом была бы установлена генетическая связь между каменскими и хантайскими эвенками, что противоречило бы политике национальной эндогамии.

¹¹⁸ Русские христианские имена и фамилии начинают доминировать с начала нашего столетия. Большинство родственников, живших в XIX в., обычно помнят под их эвенкийскими именами, хотя был зафиксирован один случай христианского наречения в районе Игарки приблизительно в 1820 г.

¹¹⁹ Суффикс -гир, по мнению Широкогорова (1933: 122, 355-356) и Василевич (1969: 148-152), значит "женщина" или "их женщины", и таким образом указывает на первобытную матрилинейность. Одна тридцатилетняя женщина из рода Панкагир, живущая в Дудинке, изобретательно объяснила значение -гир как "группа друзей" (по-эвенкийски гирки). Другие фамилии могут оканчиваться на -чар (Укочар), суффикс множественного числа -л (Момол), или звучать чисто по-русски, например, Яроцкий.

¹²⁰ Отчество чаще дается по биологическому отцу, чем отцовская фамилия. В этих случаях дети регистрируются в документах сельской администрации поселка как "дети жены". Однако, это не абсолютное правило: есть случаи, когда и девочки, и мальчики в доме отчима сохраняют фамилию и отчество биологического отца. Например, дети Любы, указанной на Схеме 4 Официально поселковая администрация должна фиксировать зарегистрированные браки, однако есть случаи, когда в графе "семейное положение" указано "условно жена" или этот пункт отношения к главе семейства остается незаполненным.

русской системой зарегистрированных фамилий и эвенкийским понятием родства, по-видимому, нет. В отличие от русской системы, у хантайских эвенков счет родства изредка ведется по материнской линии. Нередко девушка сохраняет фамилию своей матери (девичью или по мужу), если выходит замуж за приезжего или разводится с местным. Известен один случай, когда женщина носила девичью фамилию своей бабушки вплоть до последнего замужества (Схема 4). Формальные правила русской системы регистрации фамилий соблюдаются в Хантайском Озере, если у женщины не возникает желания подчеркнуть факт своего материнства или закрепить память о покойном супруге.

Афанасьева (1990: гл. IV) убедительно показывает, что практика регистрации фамилий у нганасан укрепила память об отцовской линии родства до такой степени, что она стала "бесконечной". Хотя трудно согласиться с ней в том, что этот элемент русской культуры оказал позитивное влияние на стабилизацию и уменьшение "коэффициента кровосмешения" у нганасан, сейчас действительно стало возможным использовать письменные источники для реконструкции преемственности определенных фамилий у эвенков и нганасан на протяжении более четырех поколений. Так, например, фамилия Елогир, ныне весьма распространенная в Хантайском Озере, встречается на нижнем Енисее в XIX в. (Миддендорф 1869: 692) и среди кочевников юга центральной Сибири в XVII в. (Долгих 1960: 156-7). Тщательный анализ 945 нганасанских семей с 1628 по 1978 годы, проведенный Афанасьевой, устанавливает связь неуклонного уменьшения числа браков между носителями одного и того же патрилинейного имени¹²¹ и появившейся более глубокой памятью, позволяющей помнить родственников по отцовской линии до седьмого (а не третьего, как прежде) поколения. И вновь трудно согласиться с автором, что система родства нганасан изменилась, поскольку свои выводы она основывает не на материалах полевой работы среди жителей, а на анализе похозяйственных книг. Вообще, создается впечатление, что она более доверяет последним, чем памяти информантов. Тем не менее, она выдвигает интересную гипотезу о значении "бесконечных"

¹²¹ Впрочем, аргументы Афанасьевой относительно значимости имен оставляют возможность для иного толкования. Нганасаны в XVIII веке имели имена, но не фамилии. При этом казацкие писцы явно пытались дать им патрилинейные фамилии на основе местных имен. Афанасьева предполагает, что в XVII и в XVIII веках эти названия точно отражали большие семьи.

фамилий. Как и в случае с официально признанными национальностями (гл. III), можно говорить о том, что в Хантайском Озере люди молодого поколения находятся в плену своих фамилий. Например, говоря о браке между Укочерами, три информанта поспешили добавить, что это "разные люди". Люди по фамилии Яроцкие указывают, что "Яроцких можно встретить повсюду", "мы не все родственники". В обоих случаях информанты подчеркивают, что местные понятия родства отличаются от системы фамилий, но то, что эти сведения давались с такой готовностью, показывает, что независимость системы фамилий от системы родства уже не столь очевидна. Хотя я не встретил ни одного случая, когда юноша и девушка, имеющие одну фамилию, собирались пожениться, в разговорах, скажем, о том, чем каменские Елогирь отличаются от хантайских Елогиров, все молодые информанты полагали, что люди с этой фамилией "должно быть, родственники". В другом случае меня дважды предупредили, чтобы я обратил внимание на то, как правильно писать фамилию Утукогир (незадолго до этого один журналист опубликовал статью, в которой эта фамилия была дана как Хутукагир) с тем, чтобы провести четкую границу между двумя фамилиями, которые иначе легко спутать. Хотя нужно осторожно подходить к интерпретации генетических доводов Афанасьевой, ее находки действительно предполагают наличие тенденции превращения официальных фамилий в маркеры самосознания. Это также способствует развитию "кризиса родства", о котором речь пойдет в разделе V.3¹²².

³ Обратимся теперь к рассмотрению того, как местные жители понимают происхождение. Представленные в схемах генеалогии показывают более отчетливую модель широких родственных связей и разнообразные диалектные группы в сравнении с парной системой родов, описанной в классических исследованиях. Обратившись к родословной супружеских

¹²² Один особенно интересный аргумент в работе Афанасьевой относительно "бесконечных" фамилий – это связанный с ними рост билатеральной экзогамии у нганасан (1990: 293, 354). В трех поколениях нганасан экзогамия распространялась одинаково среди мужских родственников отца и деда и родственников матери и бабушки. Автор выдвигает гипотезу, что с введением регистрации фамилий билатеральная экзогамия прослеживается до седьмого поколения как с мужской, так и с женской стороны. Этот фактор, по мнению Афанасьевой, укрепляет недавно появившуюся тенденцию среди нганасанок выходить замуж за приезжих. Подобная проблема стоит и перед молодыми эвенкийскими девушками.

пар старше пятидесяти лет, можно обнаружить, что предки супругов относились, пользуясь сегодняшней официальной терминологией, к разным национальностям. Неясно, являются ли браки между удаленными друг от друга группами отличительной особенностью района нижнего Енисея или эта практика, не нашедшая отражения в источниках, характерна для эвенков в целом. С точки зрения традиционной этнографии, эвенки соблюдали строгую эндогамию и не вступали в брак с соседними народами (Shirokogoroff 1931: 367). Однако и Карлов (1982: 77-79), и Василевич (1969: 149-154, 159) порой отмечают обширность территории, населенной родственными эвенкийскими группами (первый писал о "размытости" экзогамных границ). Афанасьева (1990: 184, 296, 322-4) в своей грандиозной трехтомной генеалогии нганасан, известных своей замкнутостью, показывает, что в период с XVIII в. по XX в. 40% браков нганасан были не с нганасанами (включая эвенков). Эти три отклонения свидетельствуют о том, что, если национальная эндогамия и существовала прежде, то она имела многочисленные исключения.

Воспоминания хантайских стариков подтверждают то, что "большие генеалогические рода" Карлова простирались далеко за пределы того народа, который теперь называют эвенками. Среди наиболее "интернациональных" генеалогий – Чемпогиры (Схема 6) и Кашкаревы (Схема 5). Если на мгновение отвлечься от проявлений матрилинейности в этих генеалогиях, их характерной чертой оказывается целый ряд браков, заключенных с эвенками, долганами, саха, селькупам, нганасанами, энцами, тундровыми крестьянами и русскими¹²³

В случае с Чемпогирами 26 браков, заключенных с 1820 по 1990 г., охватывают территорию от озера Маковское (Туруханский район) до Дудинки и Волочанки, т.е. весь Нижний Енисей. В генеалогии Кашкаревых можно найти родственные связи, установленные вследствие сорока лет насильственных переселений из Часовни (Норильск) на Курью, из Левинских Песков в Дудинку (раздел IV.3).

Хотя примеров недостаточно, чтобы авторитетно говорить об экстенсивном типе родства, при рассмотрении случаев широких брачных связей как следствия передвижений (раздел IV.2) может показаться, что

¹²³ На схемах 5. и 6 в большинстве случаев приводятся неофициальные этнические названия, как, например, хемпо, остяк, эвенко-долган или "самоед, воспитанный как долган".

широта подобных брачных союзов была обычной практикой для людей, которые "ездили везде". Используя выражение А.А. Попова, население долины нижнего Енисея еще в начале XX века представляло собой "причудливую мозаику" близкородственных "космополитов"-кочевников, которых трудно классифицировать по четким национальностям и зарегистрированным фамилиям.

Наиболее противоречивым следствием экстенсивного родства в Хантайском Озере является генетическая связь между двумя национальностями, которые теперь считаются абсолютно различными: эвенками и долганами. В каждой из шестнадцати собранных генеалогий возможен брак, участники которого являются родственниками до третьего и четвертого поколения, но принадлежат к ныне отдельным народам. Это явление особенно очевидно в генеалогиях членов Первой оленеводческой бригады ("самой эвенкийской бригады") (Схемы 4 и 5). В случае с Любовью Федоровной, женой бригадира и хозяйкой стойбища, прямая связь между двумя национальностями проявляется особенно четко (Схема 5). Сама Любовь Федоровна трижды меняла свою официальную национальность с саха на долганку и эвенку в период между 1965 и 1974 годами. Ее родственниками по матери были долганы, занимавшие административные посты в поселке и в Дудинке. Ее единоутробная сестра (официально считающаяся долганкой) замужем за одним уважаемым каменским охотником-эвенком. Сын из этой якутоговорящей семьи был принят в Первую бригаду весной 1993 г. с тем, чтобы "его чему-нибудь научили". Молодая жена Виктора как-то, подтрунивая по поводу "долганского" происхождения своего мужа, услышала в ответ: "Нет в семье никаких долган, и вообще нет такого народа. Они просто не существуют".

Есть также сведения, что линиджки хантайских и каменских эвенков расходятся таким образом, что в четвертом и пятом поколениях вниз первые признают лишь "наших эвенков" (как и приезжих) в качестве брачных партнеров, в то время как последние вступают в брак с другими каменскими эвенками, долганами и приезжими. На схеме 3 лишь молодые поколения каменских Хутукагирь и Елогирь придерживаются старой традиции заключения браков между якуто- и эвенко-говорящим населением. Это же представлено в таблице 6. Однако в отдаленных поколениях можно найти свидетельства существования в былые времена парных союзов между всеми четырьмя каменскими и хантайскими линиджками Утукогиров, Елогиров, Хутукагирь и Елогирь. Единственный каменский

эвенк в Первой бригаде, Миша Елогирь, был родственником семьи хантайских Елогиров по линии отца или деда (Схема 4). В целом, род Хутукагирь, который имеет брачные связи с многими долганскими семьями в поселке, по-видимому, имеет общего предка с Утукогирами ("самой эвенкийской семьей"), который на одно или два поколения старше двух самых старых представителей этих двух линиджей (Схема 3). Самым важным в обоих этих случаях, для которых я ввожу общее происхождение, является то, что ни в одном из них информанты не смогли или не захотели вспомнить конкретное лицо. Хотя эвенки в этом районе обычно помнят родственников как минимум до третьего поколения, для многих информантов из этих линиджей линия происхождения остановилась на втором и даже первом поколении, как если бы ее намеренно прервали. В этом случае различное звучание официальных фамилий используется некоторыми скорее как удобное доказательство своего отдельного, а не общего происхождения.

Может показаться правдоподобным, что разграничение между хантайскими Елогирами и Утукогирами и каменскими Елогирь и Хутукагирь может являться случаем деления родов. Примеры такого деления достаточно обычны для эвенкийских родов (Shirokogoroff 1933: 212-214, 368-70; Василевич 1969: 153, 157). В этих случаях деление родов начинается тогда, когда мужчина-родоначальник имеет много сыновей и старейшины рода согласны с необходимостью увеличить число линиджей, членам которых разрешается вступать в брак между собой. Среди долганских и эвенкийских родов Хантайского Озера можно найти по крайней мере три подобных примера ¹²⁴.

¹²⁴ На схеме 7 показан пример деления или слияния семейно-родовых групп потаповских Куропатовых/Сапожниковых в первом поколении сверху. Туголуков (1985: 211) предполагает, что эти два рода были частями "этнонимической группы" хемпо. Информанты говорят о разделении рода Батулу Ессейского озера на семейные группы Батулу и Катыгинских. Есть свидетельства того, что Маймаго, живущие на Ессейском озере, также отделились от Батулу (ср. Туголуков 1985: 224). Если это так, тогда эти три богатые кулацкие семьи с Камня на самом деле родственные. В Хантайском Озере существует несколько эвенкийских родов Укочер, которые состоят в брачных связях (ср. Туголуков 1963: 28). Эти роды должны быть также экзогамными по отношению к каменским Хукочам (хотя мне не удалось выявить браки между ними).

Однако раскол между Хутукагирь/Утукогирами и Елогирь/Елогогирами несколько иного характера. Разделение этих брачно-родственных линиджей было связано с советской политикой административно-территориального устройства и поселения и не было подкреплено согласием старейшин рода. Пишущиеся с мягким знаком фамилии Хутукагирь и Елогирь стали каменскими, поскольку в 1932 г. их "прикрепили" именно к этому поселку и правописанию одного чиновника. Утукогиры и Елогоиры стали хантайскими из-за того, что их кочевья ограничивались озерами Кета и Хантайское.

Однако тот факт, что события заставили эти две части развиваться отдельно, может говорить о том, что, при прочих равных, после четырех поколений вниз (поколение V на схеме 3) были случаи вступления в брак. Во всех этих четырех линиджах есть лишь один случай брака между хантайскими и каменскими. Возможно, родители не считают, что эти роды уже достаточно далеки, чтобы заключать между собой браки, но в этом случае можно ожидать, что память об общих предках и их месте в генеалогии достаточно четкая. В итоге, два события в биографиях информантов совпадают с переселением каменцев и разрывом счета общего родства между группами: изменение Любовью Федоровной своей национальности с долганки на эвенку (Схема 5) и генеалогическая "амнезия" у старейшин Утукогиров и Елогиров, которые еще были живы в 1969 г. (Схемы 3 и 4)¹²⁵

* Вместо деления родов я бы скорее зафиксировал развитие взвешенной политики эндогамии среди этих групп, которая, несмотря на свою сегодняшнюю небезупречность, разрешает браки между хантайскими эвенками. В данном случае практикуемая политика эндогамии исполняется через понятие национальности, а не рода.

Политика национальной эндогамии среди официальных национальностей далеко не совершенна. Две аномалии показывают, что это импровизированная стратегия. Во-первых, наиболее очевидным сценарием брака для молодых женщин V поколения является брак с приезжими (т.е.

¹²⁵ Поговаривают о ссорах и даже убийстве в период, последовавший за переселением. Но ни одна из этих грустных историй не была рассказана мне в деталях. Галина Николаевна Грачева рассказала мне, что некоторые из этих инцидентов описаны в ее полевых дневниках (АМАЭ К1-2-1165), в доступе к которым мне было отказано в Музее антропологии и этнографии в Петербурге.

русскими и украинцами). Во-вторых, хотя те истории, что я привел, четко фиксируют барьер между каменскими и хантайскими эвенками, дискриминация между эвенками по "родине" не то же самое, что дискриминация на основе национальности. Однако следует помнить, что среди молодого поколения хантайской группы почти нет понимания того, что якутоговорящие эвенки с Камня на самом деле лишь записаны эвенками. Их классифицируют, как если бы они были долганами (раздел III.4).

Любопытный факт, что люди, которые записаны эвенками, считаются долганами, особенно показателен в связи с изменениями в родственной организации и в брачной стратегии в этом поселке в последние десятилетия советского периода. Старшие поколения, по-видимому, учитывали то, что брак партнеров разного происхождения был желателен. Более молодое поколение использует национальные различия как причину избежать определенных браков или для получения помощи на основе родства. Как будет показано в разделе V.3, технология установления связей для близкого знакомства с нужными людьми хорошо разработана в этом поселке. Однако деление на хантайские и каменские линиджки обязательно, хотя в некоторых случаях с точки зрения формальной этнографии они образуют единые роды. Хотя род в определенное время может выступать важнейшим институтом в организации природопользования и доступа к оленям, по-видимому получение прибыльных мест зависит теперь от принадлежности к другому институту. В следующем разделе будет показано, что можно рассматривать коллективы как заметные и стабильные "корпоративные" группы, которые ранжируются по национальности. Тот факт, что многие каменские эвенки несут на себе печать "долган", способствует их успеху в продвижении по долганской лестнице к вершинам совхозной иерархии.

Если дело обстоит именно так, тогда политика национальной эндогамии у хантайских эвенков представляет собой форму сопротивления, когда "настоящие эвенки" готовы "жить сами по себе". И хотя родственные отношения по-прежнему играют важную роль в совместном труде и взаимопомощи людей, родственные нити связывают людей, которые прежде были разделены по национальности, а не по классической, описанной в литературе эвенкийской модели с ее парными родами.

V.2. Культура и коллектив

Русские, недавно приехавшие в Хантайское Озеро, называют свою европейскую родину необычным, но характерным словом "материк". Этим словом, вопреки географии, приезжие русские как бы подчеркивают, что их родина находится на отдаленном континенте, а вновь обретенный дом расположен на островах, как если бы они были колонистами, выброшенными на далекий берег мощным океаническим течением. Зачастую приезжие говорят о материке как о месте, где остались семья и дом, или куда они поедут в отпуск или командировку. Иногда можно услышать разговоры о доступных ценах на товары в Дудинке или даже о том, что архитектура Норильска не уступает "материковой" культуре. Но все же более типично, когда свою новую жизнь здесь, "у нас", описывают как более веселую и сплывающую, менее циничную, чем жесткий, полный конкуренции цивилизованный мир, который они покинули. Хотя свое новое окружение часто оценивают по тому, насколько оно приближается или превосходит "материковое", именно материк всегда остается для приезжих мериллом культуры и порядка. Как общественное сознание новой родины, так и уровень жизни на материке всегда противопоставляется быту "националов". Порой изображаемые простаками, но чаще – испорченными цивилизацией эвенки и долганы рассматриваются через призму гордо декларируемой многими приезжими миссии – поднять уровень культуры окраин. Следуя этой логике, культура движется с материка на окраины, от русских к "националам", а в пространстве – из города в поселки.

В этом разделе мы рассмотрим подробно, как администрация распространяет блага культуры во всех коллективах. Эти советские объединения обеспечивали то же чувство защищенности, которую обеспечивало патриархальное родовое общество при управлении землей. Здесь существенно, как именно различные официальные национальности были перекроены в отделенные друг от друга коллективы. Таким образом, не только родство объединяет людей в коллективы, но и люди в рамках своих национально различных коллективах могут играть на националистических чувствах, выдвигая политические требования в структурированной административной системе.

Как показано в разделе II.3, бытовое советское понятие "культура" ближе к английскому понятию "цивилизация". Культура охватывает не просто песенный или поэтический жанры народа, но и уровень развития

техники, комфортабельность домов и успешное освоение привнесенного извне бухгалтерского учета. На приезжих, призванных "поднять уровень культуры", были возложены определенные задачи и соответствующее их роли социальных инженеров вознаграждение. Вплоть до крушения системы выплат совхозам по заработной плате в 1992 г. приезжих в основном привлекали дотационные цены на привозные товары и заработная плата, превышающая в два с половиной раза среднюю заработную плату в центральных районах страны ^{126 127}.

Наверное, лучшей иллюстрацией этого явления может служить название государственной кампании, которая столь сильно отразилась на судьбах приезжего населения. В постановлении ЦК КПСС No 300 от 16 марта 1957 г. "О мерах по развитию экономики и культуры народностей Севера" указывалось, что культура – это основной смысл переселений и укрупнений следующего десятилетия ¹²⁸. В соответствии с этими поста-

¹²⁶ Были и другие преимущества, например, более ранний пенсионный возраст, что позволяло приезжему получить полную пенсию после десяти лет проживания в так называемых "районах Крайнего Севера". В Хантайском Озере ставка умножалась на 80-процентный северный коэффициент и еще на какой-то районный коэффициент. Хотя осенью 1992 г. совхоз "Хантайский" перешел на хозрасчет и не мог рассчитывать на государственные субсидии, бухгалтерия по привычке начисляла надбавки вплоть до моего отъезда. В разделе I.5 уже говорилось, что только госслужащие Дудинки регулярно получали деньги, хотя работники совхоза не получали денег ввиду их хронической нехватки. Однако многие приезжие охотники продолжали работать в штате и существовали благодаря незаконной, но более выгодной торговле мехами. Директор, по-видимому, был осведомлен о масштабе незаконной продажи ценного сырья за пределы совхоза, но мирился с ней, чтобы сохранить своих работников.

¹²⁷ *Прим. ред.:* Обычно в северных регионах система была устроена иначе: существовал "северный коэффициент", различный в разных районах (от 1.2 до 2.0, т.е. от 120 до 200%), который человек начинал получать немедленно по приезде на Север. В Хантайском Озере он, видимо, был равен 1.8. Кроме того, существовали "надбавки": 10% к окладу за каждый год работы.

¹²⁸ Это постановление часто связывают с массовыми переселениями и укрупнениями конца 1950х – 1960-х годов. Однако ему предшествовали два постановления Совета Министров РСФСР No 1718 и No 769, принятых соответственно в декабре 1954 г. и в декабре 1956 г., которые, по-видимому, не имели ощутимого практического результата. Вслед за принятием постановления No 300, аналогичные постановления были приняты Советом министров РСФСР (No 501 от 1 апреля 1957 г.) и Красноярским Крайкомом КПСС (No 361 от 5 июля 1957 г.). В

новлениями были сделаны огромные капиталовложения в строительство домов, школ и целых поселков с магазинами, общественными банями, электро- и водоснабжением, в развитие транспорта (что привело к увеличению административного аппарата) с тем, чтобы удержать семьи производителей на одном месте. Растущая волна государственных инвестиций подхватила многих инженеров, учителей, медсестер и бухгалте-

дополнение к ним решения, касающиеся северного оленеводства, были приняты Советом Министров РСФСР (№ 53 от 28 января 1959) и Красноярским краевым исполкомом (№ 436 от 11 июля 1959 г.). Наконец, еще одно постановление (№ 264) о "всемерной помощи в развитии культуры" было принято 20 февраля 1960 г. Советом министров РСФСР; отзвуки его слышны в постановлении № 213 Красноярского крайисполкома (30 марта 1960 г.). Это последнее постановление уникально в том отношении, что оно провозглашает цель добиться полной оседлости коренного населения за три года. Практическая эффективность всех этих резолюций была велика, поскольку поставленные в них сроки и цифры все еще упоминались в связи с переселением каменцев даже в 1969 г. Бросается в глаза отсутствие слова "культура" в названии второго постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. "Меры по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера" не ставили напрямую цивилизаторскую задачу, однако сочетание "районы проживания" не предполагало, что средства будут действительно выделены на нужды коренных народов. По этому постановлению средства выделялись на развитие инфраструктуры (здания, исследования, управленческий штат) главным образом новых интенсивных поселений на Севере, в то время как государственная поддержка долгосрочных программ подготовки врачей и учителей из числа коренного населения оставались на прежнем уровне. Многократно принимаемые похожие постановления были отличительной чертой советского законодательства, когда кампании превращались в лозунги. Тем не менее, были попытки контроля расходования средств в соответствии с принятыми программами и проектами. В одном из резких по тону отчетов 1963 г. инспекции Государственного контроля Бюро ЦК КПСС Таймырский национальный округ критиковался за неправильное расходование средств (ГАКК 1395-1-52: 62-91 и 1386-1-3430: 347-381). Комиссия отметила переполненность поселковых школ и интернатов, недостаточное количество учителей из коренных жителей, отсутствие учебников, медицинского обслуживания, культурных учреждений и сохраняющееся в некоторых оленеводческих бригадах влияние шаманов – т.е. все, что характеризует отсутствие культуры. В подтверждение этого документа были приведены счета институтов, например, НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера, за использование вертолетов, вездеходов, покупку мебели, радиостанций и бюджеты капитальных затрат на строительство (ГАКК 1386-1-3820: 11-36).

ров из центральной России и Украины и понесла их на окраины, где они заполнили вновь созданные рабочие места.

В поселке Хантайское Озеро (как, впрочем, и в любой российской деревне) "культура" неравномерно распределена по различным профессиональным категориям. Вплоть до недавнего времени в народном хозяйстве не существовало категории безработных (см. раздел I.6). В той же мере, в какой была универсальной система трудоустройства и администрирования, было универсальным и распределение должностей в соответствии с приоритетами общественного развития.

Неудивительно, что верхнюю ступеньку этой иерархии в селе занимали управленцы, общественные функционеры и учителя¹²⁹ Следом располагались рабочие и охотники, пастухи и рыбаки. Подчиненная партии бюрократия в созданной ею системе ввела право перехода с одного уровня на другой, включавшее требование формального образования, а не проявление "знания через действие"¹³⁰

¹²⁹ Зарплата с высокой степенью надежности выявляет "более ценных" членов общества (хотя, как показано в разделе I.6, ведомости по зарплате плохо отражают реальные доходы). В приложении 1 приведена должностная структура совхоза. Наиболее ценными кадрами были специалисты управленческого аппарата совхоза. Под общественными функционерами я понимаю как членов партии (которые зачастую возглавляют совхозный аппарат), так и руководителей поселковой администрации.

¹³⁰ В отличие от животноводческих и земледельческих хозяйств юга и запада, в охотничьих и оленеводческих предприятиях Крайнего Севера влияние требований к найму на работу впервые сказалось во время перехода от колхозного строя к совхозному в конце 60-х годов. Как показала Кэролин Хамфри (Humphrey 1983: гл. 3), бурятские колхозы уже в то время имели достаточно сложное разделение труда. Однако на Крайнем Севере совхозы были первыми учреждениями, прошедшими проверку, в результате которой их заставили строго придерживаться установленного числа образованных и подготовленных кадров (ср. Humphrey 1983: 13-14, 137). На Таймыре действовало правило, что все работающие в аппарате должны были иметь формальное образование, а рыбаки и охотники одновременно выступали в качестве механиков, бухгалтеров и работников. Это спущенное "сверху" требование, столь важное для дальнейшего получения совхозом дотаций, и стало причиной того, что на ключевые и доходные места были приглашены приезжие, которые вытеснили коренных жителей из их собственного совхоза.

Юрий Слезкин (Slezkine 1994: гл. 10) приводит документальные доказательства привилегий, которые были даны малочисленным народам с тем, чтобы ускорить их приобщение к культуре. Эти права включали бесплатное образование, дополнительные средства на молоко и детскую одежду, специальные пособия по материнству и квоты, гарантировавшие трудоустройство в определенных сферах. Однако для понимания национального противостояния в этом поселке важно также определить, как культурные льготы распределялись между национальностями. Так, пока приезжие занимались подъемом уровня культуры "националов", было спроектировано переселение каменцев для "подъема уровня культуры эвенков". Прямым доказательством концепции "передового народа" считалось то, что они более профессиональны и организованы при выпасе больших оленьих стад, чем эвенки (разделы I.6 и III.2). По иронии, хантайские эвенки также считали, что им доверили "поднимать уровень культуры" долган. Им надлежало принять поселенцев, поскольку те, как считалось, страдают от отсутствия электричества и хорошего снабжения¹³¹

И хотя этот эксперимент, направленный на национально-ориентированное экономическое развитие, закончился в 1974 г., хантайские эвенки и каменские долганы по-прежнему различаются по занятости и промышленности в различных рыбачьих стоянках и в различных бригадах (раздел IV.4).

Чтобы показать, как по-разному осуществляется распределение культуры в пределах той группы занятий, которые отведены малочисленным народам, рассмотрим категорию людей, называемых здесь тундровики. Этот местный термин не только используется и поощряется государством, но и тундровики различаются в своей деятельности по "степеням культуры". Это также поможет показать, что в наиболее "традиционных" сферах экономики, где, казалось бы, можно ожидать наибольшего влияния родовых институтов на общественную жизнь, административный контроль доступа к земле, животным и поселку играет выдающуюся роль.

¹³¹ Хеоник Квон (1993: 129) замечает, что на Сахалине орочны считают эвенков "более развитыми" и "близкими к русской культуре", чем они сами: "Именно поэтому несколько женщин из ороchon заявляют, что они эвенки".

Практическая роль совхозных предписаний в институализации культуры видна на примере пастухов-оленоводов. Литература по профессионализации оленеводства 1959-1969 гг. прямо заявляет, что эта отрасль была одной из самых примитивных в государственной экономике. Следующая цитата из работы известного биолога, специалиста по оленям В.Н.Андреева, кратко и точно передает эту точку зрения:

"Приручение дикого оленя явилось в свое время величайшим достижением кочевых народностей севера и важной вехой в развитии их экономики и культуры. Однако, в условиях жесткой эксплуатации и бесправного положения при царизме, оленеводы не могли использовать те возможности, которые открылись в связи с приручением дикого оленя. Оленеводство оставалось примитивной отраслью скотоводства, стоявшей на грани промысла" (Андреев 1958: 3)

Задача директоров государственных хозяйств состояла в неустанной борьбе против "некультурных" обычаев путем увеличения поголовья оленей, создания рациональной половозрастной структуры стад, поощрения усердия и дисциплины в работе пастухов и ведения строгого учета рабочего времени. Каждый из этих элементов был связан с другими. Для увеличения поголовья стада его половозрастной состав следовало изменить: в стаде, где преобладали самцы ("транспортное" стадо) следовало увеличить число важенок-трехлеток ("прогрессивное" стадо) (раздел I.6). Стадо, где преобладают молодые важенки, становится менее управляемым, что требует все большего и большего времени для сгона оленей в стадо, а весной – для охраны молодняка. Чем больше времени необходимо для ухода за стадом, тем меньше времени остается на другие, более интересные для пастухов занятия: поддержание тесных контактов с соседями или охоту на дикого оленя. Важно и то, что для больших нестабильных стад необходимы частые смены пастбищ и регулярные кочевки за многие сотни километров – для отчета. Новые требования учета привели к появлению модели подвижного производства – как ни странно, еще более кочевой, что шло вразрез с "полуоседлостью" начала 50-х годов.

Этот тип кочевания, обусловленного государственными нормами, имел особые последствия в жизни оленеводов. Стало не просто физически трудно постоянно ставить и снимать просторный удобный д'ю (чум), но и поддерживать контакты с соседними семьями из-за необходимости перемещаться по большим орбитам кочевий. Более того, бригадная система труда означала, что директор по своему усмотрению мог ослабить

или прервать родственную передачу "знания" о земле. Свойственная этой модели производства жизнь в социальном вакууме делала профессию оленевода привлекательной лишь для неустроенных в личном плане холостяков. Для молодых женщин, которые рисковали оказаться в плену бедного, ограниченного и постояннодвигающегося хозяйства, без общения с другими женщинами и в полной зависимости от родственников мужа, такое существование было крайне тяжелым. Поэтому неудивительно, что при таких последствиях "рационального" управления, бухгалтера, партийные функционеры и экономисты постоянно жаловались на "недисциплинированность" пастухов¹³².

Вероятно, наибольшего осуждения в системе совхозного управления оленеводческим хозяйством заслуживала любовь к показателям, дисциплине и отчетности, которые не соответствовали привилегиям, смягчавшими тяжелый труд оленеводов. Меня постоянно поражало то, что ответом на особое усердие, поразительную честность, с которой большинство оленеводов-звенков проводили подсчет поголовья, было отсутствие встречного доверия. Пастухи должны были заниматься охотой для своего пропитания, заботиться о транспортном сообщении с поселком и об изготовлении для себя одежды, жилья и даже орудий (раздел I.7)¹³³. Таким образом, промышленную "культуру" социалистического оленеводства можно определить как высшую степень преданности совхозу в смысле использования рабочего времени и выполнения производственного плана

¹³² "Недостаток трудовой дисциплины" обычно означает неповиновение указаниям сверху о том, куда следует кочевать бригаде, или отсутствие (по официальной версии из-за пьянства) на работе или оставление стада без присмотра во время охоты или поездки к родственникам. Я выделяю этот тип государственного подавления как тенденцию на том основании, что местное противодействие не позволяло реализовать ее полностью.

¹³³ Время моего ученичества совпало с острой нехваткой товаров и продуктов. Первая оленеводческая бригада пережила период в шесть месяцев без патронов для охоты на волков. При этом недоставало материала для починки печей и подшива упряжи, аккумуляторов для радиостанций и керосина для ламп. С типичной для оленевода скромностью бригадир обычно напоминал нам, что во время войны "старики" вязали сети из распущенных мешков из-под муки, а упряжь мастерили из изношенной обуви. Распад системы административного распределения, казалось, напоминал то тяжелое время. Отслужившие свой век подшипники, пластмассовые трубы, детали упавшего метеорологического зонда или куски железного лома – все становилось бесценным поделочным материалом.

в сочетании с почти абсолютно натуральной экономикой. Нужно отдать должное управленцам: они не сомневались, что своими счетоводческими приемами не создают пастухам никаких неудобств. Многие к тому же глубоко верили в романтизм профессии, при которой "им ничего не нужно [например, радио]". По иронии, наивные попытки рационализировать оленеводство привели к появлению профессии, которая со всей очевидностью была лишена признаков "культуры", в частности, комфортабельного жилья, разнообразных товаров или, выражаясь словами Маркса, компании, в которой можно "покритиковать после ужина". И, хотя у оленеводов действительно можно встретить полный набор традиционных навыков выживания, это не то же самое, что считать профессию пастуха-оленевода "традиционным" призванием.

А что же другие тундровики – рыбаки, промысловики или охотники? Каждая из этих штатных профессий легче поддается воздействию "культуры", чем чисто кочевая профессия пастуха-оленевода. Помимо возможностей для неформального обмена, эти занятия предполагают широкое использование промышленных и потребительских товаров, а также большую гибкость рабочего графика. Благодаря этим выгодным моментам можно расценивать эти места как "более культурные".

Как было отмечено в разделе 1.5, профессия рыбака считается наиболее прибыльной. Это отчетливо видно по жилищам рыбаков, которые строятся из бревен, с сараями для хранения всевозможных орудий и запасных частей, и, следуя ленинскому видению социализма, с портативными электрогенераторами различных моделей и мощностей. "Рыбточка" – это что-то вроде небольшого хуторского хозяйства первопроходца, отколотого от материкового поселка, а занятие рыболова имеет четкую направленность и легко оценивается количественно. На озере и водохранилище Хангайской речной системы нерест рыбы происходит дважды в год, что определяет два сезона рыболовства: июнь и сентябрь. В течение этих двух месяцев, как заметил бригадир Первой оленеводческой бригады, "рыбаки налетают словно мухи". В свободное время межсезонья готовят снасти, пьют, смотрят мексиканские сериалы и изредка охотятся.

Те же черты характерны и для двух других профессий – совхозного охотника-промысловика и охотника-рыбака, о которых я упомяну лишь кратко. Сезонный ритм работы рыбаков во многом характерен и для охотников, которые осенью и весной проводят большую часть времени, устанавливая и проверяя капканы, и у которых много времени для отды-

ха в середине лета и зимы. Хотя и рыбаки, и охотники производят готовый к продаже товар, рыбак получает больший доход и более широкий доступ к промышленным товарам, поскольку он производит существенный, осязаемый продукт – рыбу. Сдавать больше пушнины поощряют и охотника (более того, за этим строго следят), однако такой небольшой и ценный товар легче спрятать и потом продать. Таким образом, благосостояние рыбаков более тесно связано с совхозом и с тем контрактом, который хозяйство заключает с Норильским рыбозаводом, в то время как благополучие охотника более зависимо только от доступности охотничьих угодий. Соответственно, рыбак обзаводится новой техникой, более качественной радиостанцией, имеет больший доступ к запчастям и другим материальным символам "культуры", нежели охотник.

Рабочий режим охотника-рыбака более сбалансирован: установка ловушек и охота на дикого оленя зимой и ловля небольшого количества очень ценных пород красной рыбы летом. Смешанный тип хозяйства привлекает молодых эвенков и долган, которые, научившись управлять современными транспортными средствами, способны передвигаться на большие расстояния, узнавать землю, и в то же время содержать уютный дом в поселке. И хотя не совсем правильно относить охотника-рыбака к промежуточной категории, ненормированный рабочий режим дает широкие возможности и доступ к потребительским товарам и при этом позволяет избегать нажима со стороны государства.

Объединяет все три эти профессии то, что люди находятся в тундре с перерывами. Оленеводы живут самостоятельными семейными ячейками или группами холостяков; другие тундровики могут столь же успешно содержать семью с особым разделением труда, когда бытовые и потребляющие элементы "культуры" поддерживаются женщинами и детьми в поселке, а производственные элементы реализуются группами мужчин, находящихся на точках или кочующих по тундре. То же гендерное разделение домашнего пространства наблюдал Хеоник Квон (1993: 160) у орочонов Сахалина, которые говорят, что дом – это "там, где живут женщины". Один охотник-рыбак, чей отец был известным оленеводом, объяснял мне, что предпочел это занятие профессии пастуха для того, чтобы жениться: "Женщины уже не те, они не хотят жить в тундре. А если ты охотник, то можешь оставаться в поселке".

При рассмотрении распорядка дня этих четырех "наиболее традиционных" занятий (олeneвод, рыбак, охотник и охотник-рыбак) не стоит удивляться тому, что влияние родовых обрядов сказывается здесь лишь

очень косвенно. Хотя родство по-прежнему определяет, кто будет наставником мальчиков (раздел V.3), к кому отойдет какая-то, незначительная часть оленьего стада (раздел I.7) или кому достанутся самодельная одежда или продукты охоты, все-таки более значима система родства, которая существует в сознании женщин в поселке. В генеалогиях тундровик является важным дополнительным звеном чрезвычайно широких билатеральных связей, включающих членов других коллективов. Хотя именно пастухи добывают шкуры и мясо, генеалогии также упоминают и тех, кто живет на государственном обеспечении, и тех, кто устроился в Дудинке или в совхозном аппарате. Если в этом поселке и существует "родовое общество эвенков", то тундровики являются всего лишь его частью, но не центром.

Было бы неправильно ранжировать каждую из перечисленных тундровых профессий в строго определенном порядке. Однако очевидно, что каждая из них подпадает под определенную управленческую схему и отличается одна от другой с точки зрения оплаты, темпа работы, жилья и товарного потребления и включенности в общину друзей и родственников. Сходное явление характерно и для сорока должностей, которые могут занимать поселковые ¹³⁴.

В данной главе мы не рассматриваем каждую из этих профессий (многие из которых представлены одним человеком). Скажем лишь, что можно классифицировать эти профессии по качеству жилья, командировкам, доступу к промышленным товарам или гарантированности заработной платы ¹³⁵. Формальные нормы образования и найма на работу,

¹³⁴ Занятость поселковых зависит не только от совхоза (окружное управление сельского хозяйства), от школы (городское управление народного образования), магазина (окружное управление рыбооперации), аэродрома (федеральное управление гражданской авиации), и родильного дома (окружное управление здравоохранения). Если бы позволял объем настоящей работы, было бы интересно сравнить систему формального образования в школе или маршруты и расписание авиаперевозок с тем, как передается и используется знание о пространстве у тундровиков.

¹³⁵ В каждой из этих рубрик можно выделить несколько уровней. В отличие от льгот тундровиков, предоставление жилья в поселке не ограничивается предоставлением строительных материалов, но состоит в передаче готового дома. Квартиры в домах отличаются по размеру, теплу, сырости и по подключенности к одной из четырех более или менее надежных линий электропередач (вторая линия, связывающая медпункт и правление совхоза, наиболее надежна). Коман-

принятые администрацией, устанавливают минимальные требования для этих должностей, связывая наиболее престижные для поселковых посты с "культурой". Сознание своего положения можно проиллюстрировать на примере такого разговора между несколькими женщинами-учителями:

Контекст: Вечеринка эвенкийских учителей из Хантайского Озера на квартире своего коллеги в Дудинке. В центре обсуждения – планы на будущее одной учительницы.

И.А.: Я думаю заняться другим делом. Лучше быть бухгалтером. Я слышала по радио, что с приватизацией будут нужны бухгалтеры. А если бы я работала в Заполярном (детский сад Норильского комбината), я бы могла поехать в Сочи.

С.Г.: Оставайся учительницей! Разве ты не знаешь, что у ГорОНО самый большой бюджет. Кроме того, иногда можно и в командировку съездить.

И.А.: Это правда. Я хотела подать заявление для учебы [в Ленинградский Педагогический институт им. А.И. Герцена). Тогда бы я по крайней мере смогла бы достать новые очки.

Л.И.: Если у тебя будет документ о повышении квалификации, ты сможешь преподавать в старших классах и получишь высокую ставку.

И.А.: Но мне так надоело преподавать! Я не знаю, как старики могут всю жизнь делать одно и то же. Я не могу.

Поселковые живут в социальном мире столь же сложном, что и живая природа тундровиков, населенная чувствительными животными, хозяевами (мертвыми и живыми), полная воспоминаний о переходах. Однако различия между поселковыми и тундровиками сохраняются не столько благодаря социальным способностям того или иного человека, сколько из-за привилегий разных коллективов и административной иерархии.

дировками могут пользоваться только высшие чины в администрации совхоза, школы, почты или поселка. Эти учреждения могут также распространять различные товары, и их доступность более гарантирована для тех, кто занимает центральные должности. Все эти факторы я использовал для классификации по признаку "доступа к благам по месту работы".

Коллектив как целое может иметь и особый коэффициент начисления зарплаты, и привилегии на получение жилья, и право на командировки или на получение образования, наиболее же ощутимый итог советской эпохи — это коллективная биография. Все молодые эвенкийские учителя Хантайской школы получили образование в педучилище в Игарке или на факультете народов Севера в Ленинграде. Специалисты совхозного аппарата, как правило, тоже имеют общую историю учебы в сельскохозяйственных институтах Норильска и Красноярска. Члены партии посещали одни и те же школы партучебы и съезды. Даже пастухов-оленоводов, не имевших серьезного формального образования, выбирали делегатами на съезды оленоводов, проводившиеся дважды в год в Дудинке. В отличие от разветвленного родства, коллектив строит вертикальные связи между профессионалами (которые могут быть и родственниками), используя весь должностной арсенал, официально принятый государством. Как отмечает Борнеман (Bourneiman 1992) в своем сравнительном исследовании Восточного и Западного Берлина, наложение жизненного пути на производственные коллективы и коллективы по месту жительства составляет важный элемент социальной солидарности в обществах советского типа.

Хотя формально коллективы образовывались в результате случайных поворотов политики в области сельского хозяйства, они, тем не менее, были значимы и стабильны. В сравнительном изучении социальных обязанностей сельских производителей в постсоциалистической Монголии, Дэвид Снит (1993) обнаружил, что объединения людей, вместе учившихся, вместе служивших в армии или вместе работающих в совхозах, обладают наиболее прочной взаимосвязью, которая позволяла выжить в новых условиях рыночных реформ. Для тундровика, для которого многое зависело от его отношений с землей, коллектив представляет гибкое окружение, в котором он живет вместе с родственниками и удовлетворяет бюрократические аппетиты совхозной администрации. Тот факт, что коллектив обладает своей, только ему присущей честью (ethos), объясняет, почему некоторые молодые люди хотят стать оленеводами, невзирая на трудные условия работы. Когда я узнал, что бригадир Первой оленеводческой бригады многие годы был рыбаком, я спросил его, почему он снова взялся за менее прибыльное дело. Он ответил просто, но полно: "Кто же еще будет работать с оленями?" Гордость от того, что можно применить свое знание, находясь в тесной связи с землей, сочеталась у Николая Савельевича с осознанием своего человеческого долга. Он несколько раз повторял, что его бригада всегда дает больше других

качественного мяса, чтобы "накормить поселок". Другие пенсионеры-эвенки, в прошлом оленеводы, также выражают преданность своему вынужденному многолетнему занятию рыболовством. В летние месяцы многие уважаемые пастухи, как, например, Иван Прокопьевич и Моми Федорович, по-прежнему отправляются к местам стоянок своих прежних рыболовецких бригад, чтобы половить рыбу с друзьями. Такая неожиданная солидарность с рыбацким коллективом в среде пастухов-оленьеводов окрепла, возможно, благодаря практике "социалистического соревнования" конца 70-х годов, когда одна бригада вызывала другую на соревнование по перевыполнению плана (ГАТАО 92-1-13; Humphrey 1983: 164-9). С другой стороны, столь прагматическая солидарность может служить доказательством тех разнообразных навыков, которыми владели тундровики. До переустройства конца 1960-х годов большинство взрослого населения хорошо ориентировалось в многогранных отношениях с природой, включая мясную и пушную охоту, оленеводство и рыболовство. Хотя их разлучение с оленями было воспринято с негодованием (и в конечном счете отменено), это негодование было, возможно, несколько смягчено близостью к поселку, возможностью обучаться работе на новых машинах и снабжением новыми товарами, а также возможностью укрепить родственные связи, которые прежде поддерживались лишь несколько месяцев в году.

Было бы заблуждением считать коллектив отчуждающим или объединяющим институтом. Достаточно отметить, что этот корпоративный институт, гораздо более очевидный, чем патрилинейный род, является той категорией, в рамках которой люди живут сообща, получают вознаграждение и строят отношения (Humphrey 1983: 300, 342). Коллективы, формально определяемые должностями и укрепленные общим жизненным опытом, представляют собой некий вектор общественной жизни с многогранными общественными правами, который напоминают скорее концепцию гражданства, нежели концепцию статуса. Должность, которую получал человек, включала не только право на зарплату, но и права на "культуру", определявшиеся обеспеченностью жильем, потребительскими товарами, транспортными средствами, и "коммунальными услугами" (тепло- и водоснабжение, свет). Дифференцированное распределение услуг и товаров, в свою очередь, указывает на существование административных механизмов, таких, как гражданский паспорт, что позволяет говорить о существовании различных "режимов гражданства" или гражданских состояний (citizenship regimes) в бывшем Советском Союзе.

Вплоть до реформ 1960-х годов большинство коренных жителей в колхозах вообще не имели паспортов. С распространением культуры на окраины сюда пришел и основной гражданский документ советского бытия, который подтверждал личные данные человека, а также национальность и прописку в определенном районе. Отпечатанные на одинаковой бумаге, паспорта отличались в зависимости от района или учреждения, их выдававшего. Автономные округа, как, например, Таймыр, имели свои "собственные" паспорта. Едва уловимые различия между разными типами гражданских паспортов (не говоря уже о заграничных паспортах) по-прежнему мало волнуют жителей Хантайского Озера. Здесь важно отметить, что как и занимаемая в учреждении должность несет нечто большее, чем просто место работы, советский паспорт давал дополнительные местные права, а не просто "гражданство". Когда паспортизация достигла охотников, оленеводов и рыбаков Таймыра, люди смогли впервые воспользоваться системой пенсий, гражданской авиацией и почтой. Однако, действительность паспорта оставалась всецело зависимой от административных структур, характерных для Таймыра, и прежде всего от национальности. Хотя этими инструментами управления пользовались на каждом уровне власти, они показывают, что и трудоустройство и гражданство не были социальными правами, равно данными каждому "индивиду", но, напротив, помещали человека в некий треугольник, образованный должностью, коллективом и гражданским состоянием.

Понятие гражданского состояния, которое подразумевает различные права, обусловленные положением человека и его коллективом, помогает понять негативную реакцию людей на разрушение социальных институтов в стране в целом и в экстенсивном поселке Хантайское Озеро в частности. Любопытно, что противоречия, проявившиеся в "советском общественном договоре" (Zaslavsky 1993), вызвали не коллективные акции в защиту гражданских прав и свобод, а гневные речи националистов. Исследуя опыт жителей Хантайского Озера, можно сказать, что всплески национализма и в самом деле включали идею защиты "социальных прав", но что их скорее следует понимать как права эвенкийских граждан.

С еще большей прямотой связь между национальностью и коллективом отстаивают молодые работники. Подчас среди тундровиков можно услышать, что "эвенки – лучшие из пастухов" или что "хозяйство должно работать для эвенков". Некоторые обвиняют эвенков или долган в том, что те захватили правление совхоза или "контролируют поселковую ад-

министрацию". В разделе IV.4 было показано, как приезжие русские и украинцы объединились из-за боязни уступить свои позиции "национализм" и потерять право собственности на свои точки. С особой очевидностью разделение коллектива проявилось в недавнем переселении нескольких каменских долган "обратно на Камень" для устройства своих собственных сельскохозяйственных предприятий.

Та центральная роль, которую сыграла "культура" в социальном обеспечении сибирских окраин после 1957 г., закрепила связь между национальностью и выгодными должностями в государственных учреждениях. Как было показано выше, должности могли быть выгодными не только в денежном отношении, но и в отношении качества жилья и социального окружения, в котором живет человек. Постепенное, по мере развития системы "точек", разрушение общего природопользования, увядание системы коммунальных услуг, таких как бесплатное электроснабжение и санавиация, а также прекращение регулярной выплаты зарплаты повлияло на их чувство собственного достоинства. Националистические чувства, проявляясь в таких названиях, как "приезжий", "национал" "тунгус", "каменский", не несут в себе суждения о физических различиях, а соответствуют, по-видимому, заявлениям типа "наш народ заслуживает лучшего". Это выражение парадоксально, если сопоставить его (что многие и делают) с утверждением, что "прежде все мы мирно жили в одном совхозе, а теперь воюем". Чтобы понять этот парадокс, следует поразмышлять над многообразием коллективов, возникших на одном предприятии и в одном поселке как следствие централизованной административной системы, пекущейся о развитии "культуры". Облик национализма – чрезмерная поддержка тех, кто принадлежит к твоей национальности – можно представить, как попытку противодействовать разрушению сложной и укоренившейся системы гражданских состояний. С этой точки зрения утверждение этнической своеобразности выступает не столько как возрождение культурных традиций (или "мщение прошлого"), а как активная защита стабильности и покоя устоявшейся системы, которая сегодня находится под угрозой.

В двух предшествующих разделах было показано, как коллективы и брачные связи использовались для поддержания национализма в Хантайском Озере. Национальное чувство, укоренившееся в гражданской и родовой практике, в корне отличается от разветвленной системы родственных связей, прежде существовавшей в долине нижнего Енисея. В этих разделах я обрисовал параллельные стратегические линии построения национальной эндогамии и занятия эвенками культурно-стратифицированных позиций профессиональных ниш для освоения привнесенных извне социальных моделей. Это дает ощущение непрерывности связей между предками, их практикой и сегодняшними эвенками. Но это чувство не отражает те сомнения, с которыми эвенки в Хантайском Озере и за его пределами смотрят в свое будущее.

Важно передать оттенок грусти эвенков, а порой и гнева в разговорах об амбициях отдельных людей и тенденциях общества в целом расколоться, ведущих к распаду. Советское административное устройство предполагало националистическое расслоение в профессиональной и родовой сферах в качестве практического способа занять то или иное положение на социальной лестнице; сегодня вовлеченность в националистические распри раскидывает людей по различным "жизненным путям" и ставит под сомнение воспроизводство общины.

В этом разделе рассмотрено, каким образом молодое поколение пытается строить свою дальнейшую жизнь, оставаясь эвенками в условиях изменения социальных институтов.

Генеалогии, представленные в Приложении, отмечают со всей очевидностью билатеральные связи между родовыми группами и фамилиями. На схемах 6 и 7 просматривается столь частое употребление близкородственных связей в счете родства, что можно говорить о нарождающейся матрилинейной системе. Хотя старые женщины порой с радостью рассказывают об общем происхождении, молодежь говорит о родстве иронично и даже с сарказмом. Однажды, когда я спросил молодого пас-

¹³⁶ *Прим. ред.:* Английское *trajectories* переведено здесь "жизненные пути"; этот математический термин используется в англоязычной и франкоязычной социальной антропологии в значении определенной стратегии человека в данной общине (ср. Bourdieu 1981).

туха из Первой оленеводческой бригады, почему каменского, имеющего "Буран", считают родственником, он ответил с улыбкой: "Если хочешь, то с каждым в этом поселке можно найти родство". Часто можно слышать, как молодые незамужние женщины говорят с пренебрежением о широких родственных связях, сплетенных старшими: "Здесь нет никого, за кого бы я могла выйти замуж – все мои родственники". В основном, и стар, и млад сожалеют о том, что "эвенки вырождаются; настоящих эвенков все меньше и меньше". В широкую сеть билатеральных связей, столь оберегаемую людьми старшего поколения, попадают их племянницы, племянники и внуки.

Прежде чем рассмотреть последствия "кризиса родства" в Хантайском Озере, я остановлюсь на положительных сторонах билатеральных связей, выстроенных старшим поколением.

Построение билатеральных родственных связей является, по-видимому, общей практикой в Сибири, если не во всем бывшем Советском Союзе. В бурятских колхозах, которые стали предметом исследования Каролин Хамфри, можно встретить и растущее число экзогамных браков, и осознание билатерального родства с начала советского периода (1983: 296-8; 340; 395-8). Я согласен с автором, что такое изменение стратегии позволяет семьям "выбрать, какие родственные узы они хотели бы поддерживать" с тем, чтобы привнести элемент участия в прежде жесткую и непредсказуемую бюрократическую структуру (С. 340-341). Из примера на схеме 6 видно, что широкий линидж Елогиров был явно включен в генеалогическое древо Чемпогиров, чтобы показать их родство с двумя почти мифическими братьями Елогирами, которые копили свое золото и меха на горе Сундук (не менее интересно, что брак между Чемпогирами и этим линиджем был заключен лишь однажды). Как показано на схеме 7, две сестры энецко-эвенкийского происхождения смогли, благодаря приемным детям и нескольким замужествам, породниться практически со всеми хантайскими родами. Каждый из потомков этих сестер, ныне занимающий заметный пост в поселковой администрации, школе и совхозе, осознает свое родство благодаря тому, что они росли вместе в одном доме¹³⁷. Несмотря на изменение своей национальности,

¹³⁷ Здесь следует отметить и сильное влияние демографического фактора. Трудные природные условия и алкоголизм привели к увеличению смертности, что вызвало рост числа приемных детей. В случае с Первой оленеводческой бригадой бригадир считает свое родство по материнской линии, поскольку после

Любовь Федоровна из Первой оленеводческой бригады иногда "оживляла" свои дальние родственные связи среди долган (схема 5), часто смущая свою семью смешением родственных связей. Если общая ситуация в поселке такова, что сужает общение между людьми до общения по национальному признаку, обращение к дальнему родству по материнской линии может компенсировать утраченные возможности установления родства внутри поселка.

Частая сеть дальнородственных связей сыграла, по-видимому, основную роль в возрождении эвенкийской народной педагогики, а также в приобщении молодых людей к пониманию природы. После пятидесяти лет попыток покончить с местными "некультурными" методами природопользования и оленеводства, лучшие из тундровиков знают о земле от своих отцов или их братьев, а не из учебников. Двое из троих подростков, которые обучались традиционному занятию в 1992-1993 гг., работали со своими дядями по материнской линии. Одна поселковая женщина прямо объяснила мне, что "ходить в тундру без родственников нельзя". Единственный работник из каменских в Первой оленеводческой бригаде также был родственником семьи бригадира по линии обеих матерей. Он говорил с особым уважением о бригадире, Николае Савельевиче, который, по его мнению, так хорошо к нему относится. Временами он с горечью вспоминал о своей работе в Третьей бригаде: "Они там просто молчат. Если у тебя там нет родственников, то некому тебе подсказать". Родственные связи по материнской линии не только помогают сохранить знания о земле в коллективах, но и укрепляют в них националистические настроения. Родственники по женской линии не только живут и работают в данном коллективе, но все вместе воспроизводят черты эвенкийской культуры. Именно так я понимаю утверждение о том, что Первая оленеводческая бригада является "самой эвенкийской бригадой". Это не слишком согласуется с фактами (как видно из схемы 4); это, скорее, означает, что пастухи-эвенки, которые "кормят поселок", вносят свой вклад в то, чтобы земля и совхоз стали эвенкийскими.

Билатеральные родственные связи нужны для "создания эвенков" и на другом уровне. Планы, ставящие своей целью воспроизводство эвенкийского самосознания, касаются прежде всего заключения браков и

смерти родителей его воспитывал брат матери. На сложной схеме 7 усыновление/удочерение играют основную структурирующую роль.

воспитания детей. Для достижения этой цели сеть обширных родственных связей, созданных теми, кто родился во времена дальних кочевий, ограничивает молодое поколение, воспитанное в эпоху школ, поселков и престижных профессий. Сложные чувства молодых женщин (поколение V), выраженные во фразе "не за кого выйти замуж", имеют несколько разных аспектов. Прежде всего, избранник должен нравиться. Это обычно означает, что он не должен пить и драться, а также обязан "быть культурным". Многие эвенкийские женщины подчеркивали, что их мужья должны быть "как-то выше" их. Во-вторых, потенциальный супруг не должен быть родственником, "поскольку эвенки никогда не женятся на родственниках". Наличие национальной эндогамии и дальнего родства усложняет дело. В качестве примера можно привести проблемы, с которыми столкнулась Р.Т. (схема 7). Эта высокая 16-летняя девушка уже заканчивала Игаркское педагогическое училище, и летом 1993 г. возвратилась в поселок с целым гардеробом модной одежды и знанием последних московских и западных музыкальных хитов. Вопрос о том, за кого ей выйти замуж, часто обсуждался замужними женщинами поселка. Хотя она, по общему мнению, была метиска, ее все же считали эвенкийкой. Большинство наблюдавших за ходом дела даже и не помышляли о том, чтобы найти ей жениха из долган. На схеме 7 указаны потенциальные женихи в нижнем ряду поколения V. Некоторые подходящие эвенкийские парни были исключены из числа претендентов на том основании, что они были дальними родственниками по линии ее матери и бабушки. Вопросы о том, собиралась ли Р.Т. выходить замуж за одного из них, не касались; все кандидатуры отвергались, поскольку все они были потомками одного из брачных партнеров ее бабушки или дедушки или потомками сестры ее бабушки. Еще более усложняла картину необходимость найти "культурного" парня.

Контекст: разговор о Р.Т. за чаем.

И.А. Ей нет пары. Ей нужен хороший человек. Большинство поселковых постоянно пьянствуют. И потом, ее рост.

Д.А. Ну а что Виталий?

И.А. Он ей родня – не знаю, какая. Да и что она будет делать с тундровиком? Ей нужно с кем-то поговорить, с кем-то выйти. Она любит танцевать. У Маши более широкий выбор. Она может пойти двумя путями – либо жить в тундре, либо в поселке. Ей будет проще. А Р.Т. – ей придется поехать в Дудинку, я думаю.

Есть несколько моментов в истории этой девушки, которые указывают на общие затруднения, накопленные многими различными типами родственных связей. Следуя гипотезе Афанасьевой, сформулированной на нганасанском материале (см. сноску 122), стоящая перед Розой дилемма наводит на мысль о том, что экзогамия распространялась и по отцовской, и по материнской линиям. Кроме того, в ее биографии большое место занимают образование и городская культура, что делает некоторые брачные предложения не подходящими для нее.

История "поисков родственников" среди билатеральной родни находит отражение в еще одной общей практике "женитьбы" – в практике "поисков детей". Одна эвенкийская бабушка предпенсионного возраста жаловалась однажды в правлении совхоза, что "раньше родители женили своих детей, а теперь только и слышишь, что чья-то дочь живет с кем-то". Другая пенсионерка, вынужденная сидеть дома и ухаживать за годовалым внуком, хмуро заметила: "Я даже не знаю, где она нашла этого ребенка". Мне было неясно, чем были больше огорчены эти пожилые женщины – утратой возможности самим устраивать жизнь своих дочерей или необходимостью сидеть с внуками, пока их дочери работают в каком-нибудь поселковом управлении. Молодые женщины, не разделяя горечь своих матерей, гордились тем, что "нашли" детей. Обычным для женщины было хвастаться происхождением своих детей. Одной женщине средних лет ее четыре ребенка от разных отцов напоминали о многочисленных поклонниках и о "времени, когда я была молодой". Другие женщины с некоторым восхищением рассказывали о некой потаповской, дети которой имели восемь разных национальностей. Некоторые женщины говорят, что они предпочитают иметь детей от недолгого брака, чем от постылого постоянного супруга ¹³⁸.

¹³⁸ Мужчины пользуются особенно дурной славой у женщин из Хантайского Озера. Их считают пьяницами, драчунами, некультурными людьми, которые все тащат из семьи. Быть матерью-одиночкой считается более выгодным, поскольку новая система социальных пособий направлена на поддержку больших семей, неполных семей и одиноких матерей. В 1992-93 гг. матери-одиночки имели в поселке самый высокий доход. В отличие от Восточной Европы, где, по мнению некоторых авторов, развал системы государственного перераспределения привел к уходу женщин в семейную сферу, женщины в этом арктическом поселке, кажется, пользуются социальными пособиями для укрепления своей роли глав семей (Einhorn 1994.)

В некотором смысле, современные "браки" соединяют партнеров из еще более отдаленных мест, чем браки людей старшего возраста, поскольку они выходят за рамки национальных и территориальных границ. Брак между эвенкийкой и приезжим дает возможность переехать в другую часть России, в Киев, Ташкент или Баку. Хотя изредка женщины используют такие связи для поездок в столичные города, большинство молодых женщин Хантайского Озера, вступающие в связь с приезжими, в конце концов либо выходят замуж за местных, либо воспитывают ребенка в своем родном поселке и дают ему свою фамилию. Их дети вырастают и становятся эвенками или долганами.

Практика "поиска детей" имеет две стороны. По наблюдениям Квона (1993: 180) среди орочнонов поселка Вал на Сахалине, умение прокормить детей без помощи мужчины есть предмет гордости. Однако существует и вопрос сокращения браков "со своими", и вопрос "метисов". Оленеводы Сахалина говорят, что их женщины "одичали", словно отбившиеся олени. В Хантайском Озере мнения по поводу рождения метисов были различными. С одной стороны, метисы считаются более красивыми, чем "чистые эвенки". Для того, чтобы показать значение эвенкийского слова *красивый*, мне приводили в пример большие (русские) глаза. С другой стороны, "чистые" эвенки не упускали случая позубоскалить по поводу некоторых родителей или подразнить своих сверстников, родившихся от смешанных браков, за светлые волосы или светлую кожу.

➤ Наиболее противоречивые отношения в этом смысле установились между приезжими азербайджанцами и каменскими долганками¹³⁹. Если азербайджанцев сравнивали с рыбой-налимом, то их детей иногда называли "черненькими", однако не с той степенью отчуждения, как их отцов. Я не хочу переоценивать ту горячность, с какой женщин уговаривали выходить замуж "за своих". В целом, ко всем детям в поселке относились с большой нежностью. Даже та старушка, которая жаловалась, что ей приходится нянчить еще одно дитя, на другой же день заметила, что "дети появляются, растут, потом начинают ходить... Это же хорошо" Од-

¹³⁹ В эти отношения вмешиваются и некоторые культурные обычаи. Мужчины-азербайджанцы утверждают, что понимают по-долгански (долганский, как и азербайджанский, принадлежит к тюркским языкам). С другой стороны, некоторые хантайские эвенкийские женщины открыто пренебрежительно отзывались о патриархальной структуре азербайджанской семьи, где женщине запрещено приглашать в дом подруг.

нако связи, нарушающие политику национальной эндогамии, все же рассматриваются, как причина "вырождения эвенков".

Наиболее радикальными сторонниками национальной эндогамии являются оленеводы. Вынужденные передвигаться далеко от поселка, они отчуждены от поселковой жизни. В Первой оленеводческой бригаде молодые холостяки порой пренебрежительно отзывались о женщинах, называя их "проститутками" и "суками" – иногда впрямую, иногда во время заарканивания важенков (ср. Kwon 1993: 180). Однако раздражение пастухов не является простым следствием разочарования от того, что их "жизненные пути" расходятся с путями "культурных" женщин. Осуждение оленеводов во многом схоже с мыслями приезжих русских, которые смотрят на детей матерей-одиночек как на верный признак умирания культуры эвенков. Механики и инженеры из Азербайджана замечали, что эвенки не дорожат своими домами и своими семьями. И холостые оленеводы, и пренебрегающие ими матери-одиночки в поселке, в общем, покорились судьбе, определенной для культурно разнородных коллективов. Националистические страсти, порожденные недовольством жизнью и бытом – это не только их личные трагедии, но и общие проблемы модели культуры и цивилизации.

Связь между учреждениями русской цивилизации и проблемами функционирования национальной эндогамии была открыта мне одной из недовольных старушек поселка:

"Ты сидишь здесь уже несколько месяцев и все что-то пишешь, работаешь с похозяйственными книгами. Ну, и что за будущее ждет нас? Ты этнограф. Ты должен знать эти вещи. Почему молчишь? Через двадцать лет будут еще эвенки или нет?"

Если понять, что и национальность, и связанный с ней статус определены в административном порядке, тогда следует обратиться к "инженеру культуры" – антропологу – с просьбой поделиться профессиональной точкой зрения на то, как можно решить "кризис родства" у эвенков. Конечно, не существует четкой модели, которая может дополнить или заменить накопленный поколениями опыт заключения браков, приведший к ситуации, при которой расширение их числа и направленности ограничено. Для ответа на этот вопрос прежде всего следует понять, как национальная идентичность, национальное чувство и "кризис родства" были созданы этнографами, руководителями или допущены сватями. Такой запутанный узел можно распутать и связать новое полотно, в ко-

тором хантайские стали бы означать "всех живущих в Хантайском Озере", а тундровики сохранили бы значение своего названия как "те, кто работает в тундре".

Это видение более гибкой и широкой социальной общины, созданное на основе анализа слов информантов старшего возраста, а также этнографических аномалий, вряд ли можно претворить в жизнь, раскраивая единую "этническую" территорию на мелкие, в пределах рода, общины. В поселке, где сначала территория, затем национальность и, наконец, линиджи стали регистрироваться в соответствии с требованиями паспортного режима, объединение билатеральных родственных связей в строго определенные роды привело бы лишь к раздроблению этого народа, донельзя измученного "классификаторами".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнем письме, которое я получил из Хантайского Озера (от 24 декабря 1994 года по почтовому штемпелю), эвенкийская учительница Татьяна Васильевна с большим энтузиазмом пишет о выставке "История поселка в картинках", которую она организовала в школе. Она предлагает составить из ее экспонатов подборку материалов для меня, потому что, как она пишет, такие документальные свидетельства необходимы мне в моей работе над историей эвенков. Я до сих пор поражаюсь, какое важное место занимает поселок в биографических свидетельствах или рассказах об эвенках как национальности. Создание утвержденных государством национальностей для эвенков и долган пришлось на 1932 и затем на 1964 год; но ведь поселок стал центром общественной жизни эвенков не ранее 1969 года! Этнографические, архивные и устные источники в один голос свидетельствуют, что последние три поколения прошли через стадию перехода от экстенсивных моделей самосознания, землепользования и родства к замкнутым отношениям, интерпретируемым сегодня как исключительно эвенкийские или исключительно долганские. Неудовлетворительное или, по крайней мере, ограниченное качество жизни в поселке лучше всего видно из противопоставления "поселковых" и "тундровиков" как обладающих разными типами "знания". Есть искушение использовать эти данные, чтобы доказать, что ограниченные или преждевременные требования эвенкийских или долганских националистов не имеют под собой почвы. Однако в этой книге я старался избегать подобных скептических утверждений; вместо этого я пытался понять, почему для многих кажется так важно жить именно в эвенкийском поселке или именно на долганской земле, почему так важно вывести генеалогию, восходящую либо к тем, либо к другим. В предшествующих главах показано, как Советское государство создавало уникальный социальный ландшафт территорий, национальностей и коллективов. И хотя все дома экстенсивного поселка планировались государственными органами с целью "цивилизовать" эвенков, строили их и жили в них свои, родственники. Это делает их в каком-то смысле символами преемственности поколений и культурного строительства.

Как было показано, национальные чувства в Хантайском Озере тесно связаны с гражданским чувством родины (*patrie*). Идею принадлежности к национальности или к национально эндогамной группе, идею владения собственной территорией можно понять только в контексте

гражданских состояний, которые когда-то давали признанным группам различные возможности и привилегии, ранжированные в соответствии с вертикальной иерархией. Гражданский национализм, проявляющийся в этом экстенсивном поселке, примечателен как для арктических районов (в которых больше в ходу понятие аборигенных прав), так и для всего постсоветского пространства (где как ученые, так и официальные идеологи предсказывали стирание границ между народами). Поскольку данное исследование проводилось как раз в момент распада советского строя, трудно оценить, в какой мере обеспокоенность, вызванная этим отторжением, могла усилить националистические чувства. Многие жители Хантайского Озера с изумлением наблюдали, как их поселок становится все менее спянным, а жизнь в нем – все более жесткой; и тем не менее нужна какая-то временная дистанция, чтобы можно было адекватно оценить растущие националистические тенденции. Я старался показать в этой книге, как в советский период возникла жесткая социальная иерархия гражданских состояний и как с распадом перераспределяющей экономики чувства принадлежности к национальности или к территории усилились и приобрели положительный оттенок. Я показал, как бывшее Советское государство стирало тонкие различия между своими гражданами и как с падением центральной власти эти различия оказались легко восстанавливаемыми и политически значимыми. Можно не без оснований заключить, что люди этого отдаленного поселка столь решительно формулируют свое самосознание, пытаясь утвердить свое место в новой системе управления, которая более не признает за каждым народом права на собственный "жизненный путь", ведущий к социалистическим идеалам.

Хотя Эрик Хобсбаум (Hobsbawm 1990) и утверждает, что национализм "уходит" из истории, я полагаю, вслед за (Verderie 1991: 44), что до тех пор, пока не будет создана новая законодательная среда, регулирующая отношения между Российским государством и "малочисленными народами", бурное востребование национальных чувств будет продолжаться. Гражданский национализм, столь явный в 1992 и 1993 годах, без сомнения, быстро пойдет на спад вместе с ослабеванием социальной памяти о тех, кто так умело манипулировал советской системой гражданских состояний. Однако понятие аборигенных прав будет и впредь эксплуатироваться не менее мощной и, возможно, более глубинной формой национализма. Эта форма не только занимает тот элемент сегодняшнего общественного движения, который требует особых прав для отдельного народа, но и будет опираться на поддержку международного сообщества. Специалисты в Москве и Петербурге, ведущие кампании в под-

держку прав "малочисленных народов", уже давно используют международные соглашения по правам коренного населения как оружие в борьбе с государством (см. IWGIA 1990; Kriazhkov 1994: глава 5; Pika, Prokhorov 1994). Начиная с 1993 года международные организации, такие, как World Wildlife Fund for Nature, оказывают все большую финансовую поддержку движениям в защиту окружающей среды и коренным народам, которые ее используют (WWF 1993). Наконец, сейчас, когда вокруг Норильского комбината кружат транснациональные корпорации, их агенты не могут не быть озабочены тем, чтобы нейтрализовать требования коренного населения своих прав на рудные месторождения – иначе им придется столкнуться с сопротивлением типа того, которое остановило производство в северной Канаде или в Бразилии.

Может показаться, что политическое будущее народов Таймыра сходно с политическим прошлым коренного населения Канады или Аляски; однако следует помнить, что политические движения будущего будут использовать сегодняшние символы и риторику. Помимо введения в научный оборот сведений о народе, мало известном как из русской, так и из англоязычной научной литературы, я старался ввести тщательно подобранный набор понятий и терминов, которые необходимы для понимания общественной жизни на территории бывшего СССР и в особенности в Сибири. Ключевые понятия книги базируются на общественных институтах, выросших в советскую эпоху (коллективы, совхозы, "точки", территории, фамилии, национальность). Однако помимо детального исследования этих гражданских понятий, формирующих повседневность, я попытался также предложить понятийный аппарат социальных артефактов, необходимый для того, чтобы отграничить этот регион от Европы, Азии и циркумполярных территорий (экстенсивные/интенсивные модели поселений, малочисленные народы, национальная эндогамия, гражданские состояния (режимы), насильственные переселения и национализм). Независимо от того, преуспеет ли сегодняшняя власть в превращении народов Сибири из созвездия национальностей, целью которых является построение социализма, в набор этнических групп с более скромной задачей вписаться в обезличенный российский рынок, эти понятия, без сомнения, будут по-прежнему воспроизводиться в данном регионе и будут воздействовать на политические процессы в нем.

Предложенный анализ гражданских самосознаний (identities) может помочь поместить политические процессы данного поселка в сравнительный контекст, однако он недостаточно адекватно рисует богатство

Хантайского Озера как культурного региона. Из соображений объема я оставил за рамками книги как религиозные представления хантайских эвенков, так и богатейшую "технологию" тундровиков, позволяющую им передвигаться на сотни километров с одним лишь топором. Это культурное наследие делает людей, населяющих берега озера, уникальными во всем арктическом регионе. Я искренне надеюсь написать об этом в будущих работах.

Хотя эта книга и писалась как докторская диссертация, она представляет собой часть более широкого исследования, целью которого было понять, что значит быть эвенком и жить на этой богатой, но суровой земле. Хотя тундровики и не доверяют формальному знанию, тем не менее и пастухи Первой бригады, и многие антропологи используют знания для того, чтобы с большей легкостью передвигаться в различных чутких средах, будь то среда, населенная животными и капризными духами, или среда, населенная учеными. Именно этот общий интерес к расширению связей между людьми и странами и побудил меня сосредоточиться на изучении тех разных путей, которыми приобретается знание. Помимо утверждения, что категории собственности, национальности или профессии не являются врожденными, я поставил и вопрос о том, как можно, в относительном плане, "знать" действия, живых существ и землю. Я использовал многозначный термин "принадлежность" (belonging), чтобы показать, что и экстенсивный, и формальный тип знания может быть описан в пределах одного понятийного аппарата и одного дискурса. Этот понятийный аппарат позволяет читателю следить за множеством граней, соединяющихся вместе и порождающих чувство, что ты можешь управлять или обладать как местом, так и самосознанием. Многозначный национальный символ – такой, как "земля" или "тундра" – может быть осознан некоторыми людьми как "принадлежность"; другие могут ощущать, что принадлежат ему.

К сожалению, я не могу с уверенностью утверждать, что возможна смена направления отчетливо прослеживающегося в трех поколениях жителей Хантайского Озера развития в сторону укрепления местных или формальных самосознаний (identities). Меня неоднократно спрашивали, есть ли у эвенков как у нации будущее. После двух лет исследований я не вижу сейчас более реального пути для тех эвенков, которые об этом размышляют, чем приобщение к тому типу знания, которое довели до совершенства тундровики: способность быть дома в любом месте тундры и не зависеть от привозных товаров и умений. Я показал в этой книге, что

идея территорий, национальностей и коллективов, которая составляет сегодня ядро эвенкийского самосознания, на самом деле представляет собой именно "привозной товар", завезенный с целью поддержки политической системы особого типа. Эта система, конечно, уничтожила голод и дала каждой национальности и каждому коллективу место в сложной сети промышленного производства, но она же направила разные народы по различным "жизненным путям" – а это угрожает воспроизводству тех самых умений и символов, которые эти институты были призваны поддерживать. Замкнутые территории и четко очерченные национальности могут, конечно, оказаться полезными в условиях рынка, печально известного своим непримиримым отношением к коллективным правам. Однако сила аккумулированного знания в этом сообществе людей – в укреплении союза между русскими, долганами, эвенками, и шире – со всеми циркумпольными народами. Эти союзы – наиболее надежный путь приобретения знаний и отстаивания общих интересов перед лицом современного индустриального общества, так широко распространившегося и так узко мыслящего.

ПОСТСКРИПТУМ

В начале августа солнце исчезает за горой Сундук в полдень, чтобы появиться снова через час, и воды озера играют его широким красным отражением. Пораженный темными тонами окунувшегося в безмолвие поселка, я однажды восхитился красотой пейзажа в разговоре с соседкой, старушкой Паной Хутукагирь. Она же не так эмоционально относилась к спокойной красоте озера. Где-то там, в глубине вод, скрылись навсегда в одну летнюю ночь ее муж и ребенок, когда плыли на лодке с другого берега. "Плохое это озеро," – прозвучало мне в ответ. Эта печальная история напомнила мне о другом ее рассказе о печальном паломничестве в Чиринду в Эвенкии, где она несколько месяцев прожила у родственников. Родственники встретили ее довольно странно: ведь говорить между собой они могли только по-русски. Пана, родившаяся в Эвенкийском национальном округе, в раннем возрасте попала в род каменных эвенков, где выросла и вышла замуж. Поэтому она говорила по-якутски и по-русски, но уже не помнила родного языка. Пана объяснила мне, что по-прежнему записывается эвенкой, но добавила с грустью: "Думаю, что теперь я стала долганкой, потому что не могу говорить с моей родней". Слова эти грустно прозвучали в безмолвии осенней ночи.

Август 1993 года выдался в Хантайском Озере спокойным. Из-за финансового кризиса в совхозе дизельный генератор не мог обеспечить электричеством телевизоры и печи в переполненных квартирах. Многие семьи предпочли жить на "точках", готовя сети для сентябрьской рыболовной лихорадки. Те же, кто остался, собирались на крыльце, чтобы покурить, насладиться теплой, без комаров ночью или приготовить ужин на костерке, разведенном между домами. Я тоже был среди них – пил чай, говорил, порой забывая о моем приближающемся отъезде. Когда в поселке нет

электричества, почти невозможно что-либо узнать о планах вертолетчиков. Как и большинство путешественников по этой части Сибири, я свылся с тем, что вертолет прилетит тогда, когда мне будет суждено улетать.

В своих полевых заметках я записал, что не понимаю, почему енисейские звенки делят календарный год на два года. Эти августовские вечера открыли мне глаза: приятное тепло лета после ветреной суровой зимы дает ощущение того, что ты прожил за год две жизни.

Но вскоре безмятежное спокойствие Озера было прервано грохотом моторов двух вертолетов из города. Первый прилетел, чтобы забрать в районную больницу в Норильск обгоревшего ребенка. Второй высадил инспектора пожарного надзора, который прибыл для осмотра обгоревших трупов двух других детей и их отца, погибших в огне пожара. В сгоревшем доме жили две семьи, в одной из них случилась трагедия.

По официальным сведениям пожар учинил муж, который в состоянии опьянения жарил мясо на газовой плите. Видимо, он заснул или опрокинул сковородку, и деревянный домишко тут же занялся огнем. Всего за полчаса он сгорел дотла, оставив лишь сиротливо стоящую печную трубу. Когда начался пожар, испуганные дети забились под кровать. Кровать стояла у стены, за которой семья в панике вытаскивала свои пожитки. Глава семьи не поддавалась панике и разбудила своих родственников, которые сумели вынести весь скарб прежде, чем огонь перекинулся на их половину дома. Но никто не подумал помочь второй семье.

Эту трагедию переживали в общине с двойным чувством. Хотя на этих берегах смерти часты в любое время года, впервые на памяти живущих кто-то сгорел. Более того, погибшая семья была звенкинской, а те, кто уцелел, были долганы.

Невозможно было облегчить горе от этих смертей. К счастью или несчастью, мать погибших детей находилась в Дудинке в роддоме, ожидая рождения четвертого ребенка. Именно она должна была организовать поминки – но это сделала ее сестра. По местным обычаям умерших хоронят в новой одежде не позже чем через пять дней после смерти. Однако хоронить было почти нечего, а то, что осталось, находилось под милицейским контролем. Одна

старая женщина посоветовала накрыть голову мужчины шелковой шляпой. Детские останки завернули в новые одеяла. После похорон родственники должны были принести личные вещи каждого из погребенных и, разломав, положить на могилу рядом с крестом. Но у этой семьи не осталось никаких вещей. Другая женщина решила, что лучше всего будет прикрепить к кресту старую фотографию. День за днем радист совхоза терпеливо сидел у радиостанции, чтобы узнать наконец, когда власти прилетят на вертолете, и община сможет похоронить умерших.

Нелегко было осознать всю глубину этой трагедии. По поселку пошли разговоры. Некоторые хантайские эвенки вспоминали транслировавшееся по телевидению предсказание шамана, что с появлением в общине приезжих коренные жители будут медленно вымирать. Некоторые из самых подозрительных вспоминали, что у прародительницы долганской семьи были нганасанские предки. Погибшую семью обвиняли в отказе сдать свою часть дома. Другие говорили, что эвенкийской семье не следовало возвращаться в дом, в котором они жили несколькими годами раньше. (Считается грехом возвращаться на то месте, где жил раньше.)

Вертолет, на котором я собирался улететь, пришел тремя днями позже. Не коснувшись земли, не говоря уже о том, чтобы приземлиться и поговорить со стоящими на площадке людьми, пилоты высадили инспектора пожарного надзора и тут же взлетели. Хмурый офицер провел расследование и выдал свидетельства о смерти главе поселковой администрации. Было неясно, куда так поспешно направили свой вертолет пилоты, но спустя пять часов машина вернулась. На этот раз на площадке собралось еще больше народа: некоторые для того, чтобы проводить меня, другие надеялись отправиться к врачам или повидаться с родственниками в городе. Некоторые же пришли в поисках выпивки. И снова пилоты почти не коснулись земли, турбины и винты продолжали работать на полную мощь. Инспектор протиснулся через толпу и взобрался на борт, а штурман тем временем попытался захлопнуть люк перед теми, кто карабкался в вертолет. "Нет горючего! – крикнул он. – Прочь!" Все, что я смог сделать, это крикнуть, перекрывая шум моторов, что я иностранец и мне необходимо улететь. После третьей попытки его убедить сомнения рассеялись, штурман втащил меня внутрь и решительно захлопнул люк. Тяжелая машина

заработала моторами, окутав пылью тех, кто пришел меня проводить. И вскоре Хантайское Озеро скрылось из виду.

Когда мы пролетали над поселком вдоль берегов озера, я обратил внимание на заговорщицкие лица, обращенные ко мне из-за запасных баков с горючим. Мне велели сесть туда, где раньше находились рыболовные снасти. Вскоре стало понятно, почему на полет не хватало горючего. Загруженный до отказа (один офицер, один этнограф и одиннадцать рыбаков), вертолет трижды садился у излучин тундровых рек, чтобы эти чиновные отдыхающие могли попытать счастья и что-нибудь поймать. Мне не хотелось рыбачить, хотя мне тоже предложили удочку. Вместо этого я бросал по монетке в каждом месте, чтобы эти новые места запомнили меня и позволили мне вернуться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Литература на русском языке

- Афанасьева Г.М. 1990. Традиционная система воспроизводства нганасан (проблемы репродукции обособленных популяций). – Москва: Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1990.
- Алексеев А.А. 1993. Забытый мир предков (Очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-западного Верхоянья). – Якутск: Ситим, 1993. 93 с.
- Андреев В.Н. 1958. Перспективы развития оленеводства на севере Восточной Сибири. – Норильск: Типография Норильского комбината, 1958. 15 с.
- Анисимов А.Ф. 1936. Родовое общество эвенков. – Ленинград: Изд-во Института народов Севера, 1936.
- Артемьев Н.М. 1992. Долганский язык в системе языков народов Севера // Просвещение на Крайнем Севере. – Санкт-Петербург: 1992. – Т. 25. – С. 104-115.
- Бахрушин С.Б. 1955. Ясак в Сибири // С.Б. Бахрушин. Научные Труды. – Москва: Изд-во Академии Наук, 1955. – Т. 3 Избранные работы по истории Сибири XIV-XVII вв. – Ч. 2 История народов Сибири. – С. 49-85.
- Белов М.И. 1969. Научное и хозяйственное освоение советского Севера 1933-1945 гг. – Ленинград: Гидрометеорологическое изд-во, 1969. История открытия и освоения Северного морского пути, т. 4,
- Берёзовский А.И. 1930. Как рационализировать рыбное хозяйство Туруханского края // Советский север. Сборник статей. 1930. Вып. 2. С. 71-160.
- Богораз Б.Г. 1923. Об изучении и охране окраинных народов // Жизнь национальностей. – 1923. – Кн. 3-4.
- Богораз В.Г. 1925. Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. – 1925. – Кн. 3. – Н-С. 40-50.
- Богораз-Тан В.Г. 1933. Оленеводство. Возникновение, развитие, перспективы // Проблемы происхождения домашних животных. – Ленинград: 1933. Труды лаборатории генетики, вып. 1. С. 219-251.
- Болдырев В.Г., Гиринович П.А. 1926. Районированная Сибирь. Ново-Николаевск: Сибкрайиздат, 1926.
- Бромлей Ю.В. 1969. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. No 6. С. 84-91.
- Быконя Г.Ф., Борошко А.Ф., Карлова А.Н., Козлова А.И. 1982. Путеводитель по документальным памятникам. Красноярск: Сибирь, 1982. 292 с.

- Вайнштейн С.И. 1970. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (Саянский очаг одомашнивания оленя) // Советская этнография. – 1970. – № 6. – С. 3-14.
- Васильев В.И. 1963. Лесные энцы (очерк истории, хозяйства и культуры) // Сибирский этнографический сборник. – Москва: Наука, 1963. Т. 5. Труды института этнографии АН СССР (новая серия), т. 84, С. 33-70.
- Васильев В.И., Туголуков Б.А. 1960. Этнографические исследования на Таймыре в 1959 году // Советская этнография. – 1960. № 5. С. 128-141.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б. 1963. Современное самодийское население Таймыра // Советская этнография. – 1963. – № 3. – С. 9-20.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б. 1971. Переустройство хозяйства, быта и культуры коренного населения Таймырского Национального Округа // Осуществление Ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. Москва: Наука, 1971. С. 245-275.
- Васильев В.Н. 1908. Краткий очерк инородцев Туруханского края // Ежегодник русского антропологического общества. Санкт-Петербург: СПбУ, 1908. Т. 2. С. 57-87.
- Васильев В.Н. 1909. Изображение долгано-якутских духов как атрибуты шаманства // Живая старина. 1909. Кн. 70-71. Вып. 2-3. С. 269-289.
- Василевич Г.М. 1972. Некоторые вопросы племени и рода у эвенков // Охотники, собиратели, рыболовы. Ленинград: Наука, 1972. С. 160-172.
- Василевич Г. М. 1931. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // Советский север. 1931. № 10. С. 133-145.
- Василевич Г.М. 1931. Сымские тунгусы // Советский Север. 1931. № 2. С. 132-151.
- Василевич Г.М. 1946. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // Советская этнография. 1946. № 4. С. 34-49.
- Василевич Г.М. 1951. Ессейско-чириндинские эвенки (по коллекциям В.Н. Васильева, МАЭ № 1004) // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1951. Т. 13. С. 154-186.
- Василевич Г.М., Левин М.Г. 1951. О классификации и происхождении основных типов сибирского оленеводства // Советская этнография. 1951. № 1.
- Василевич Г.М. 1969. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII начало XX вв.). Ленинград: Наука, 1969. 304 с.
- Василевич Г.М. 1970. Вопрос о племени и роде у тунгусов // Труды седьмого международного конгресса антропологических и этнографических наук. 1970. Т. 10. С. 460-474.

- Вахтин Н.Б. 1993. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. Санкт-Петербург, Изд-во Европейского Дома. 1993.
- Волков В.В. 1996. Концепция культурности, 1935-1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени. // Социологический журнал, 1996, No 1/2, стр. 194-213.
- Воскобойников М.Г. 1936. К.М. Рычков как собиратель эвенкийского фольклора и общественный деятель. 1896-1921 // Материалы по эвенкийскому фольклору. 1936. Вып. 1.
- Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 1927. Временные Положения об управлении туземных народностей и племен Северных окраин РСФСР // Северная Азия. 1927. No 2. С. 85-91.
- Гагемейстер Ю.А. 1854. Статическое обозрение Сибири составленное по высочайшему его императорского величества повелению при сибирском комитете. – С.-Петербург: 1854. (2 vols.)
- Геккер Н.Л. 1898. Умирающая народность (тунгузы) // Землеведение. – 1898. – Н. 3-4. – С. 162-170.
- Головнев А.В. 1996. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Институт истории и археологии РАН. Екатеринбург. 1995
- Горцевская В.А. В.Д. Колесникова и О.А. Константинова 1958. Эвенкийско-русский словарь (около 10,000 слов). Ленинград: Учпедгиз. 1958.
- Госкомстат России 1992. Численность и состав населения народов Севера по данным переписи населения 1989 года. Москва: Республиканский инф.-изд. центр, 1992.
- Госкомстат РСФСР 1991. Социально-демографические показатели, характеризующие национальный состав населения края. Красноярск: Красноярское Краевое Управление Статистики, 1991.
- Грачева Г.Н. 1978. Многонациональный таймырский поселок Усть-Авам // Советская этнография. No 1. 1978. С. 90-97.
- Грачева Г.Н. 1983. Поездка к западным долганам // Полевые исследования Института этнографии 1979. Москва: Наука, 1983. С. 59-68.
- Грачева Г.Н. 1980. Таймырский поселок Усть-Авам (преобразования в хозяйстве и этнические процессы) // Этнографические аспекты изучения современности. Ленинград: Наука, 1980. С. 136-152.
- Грачева Г.Н. 1980. Таймырские коллекции МАЭ (долганы и нганасаны) // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1980. Т. 35. С. 57-64.
- Грезе В.Н. 1967. Кормовые ресурсы рыб реки Енисей и их использование. Москва: Пищепромиздат, 1967. Известия Всесоюзного Научно-исследовательского Института озерного и речного рыбного хозяйства, т. 41.

- Гурвич И.С. 1950. К вопросу об этнической принадлежности населения Северо-Запада Якутской АССР // Советская этнография. 1950. No 4. С. 150-168.
- Гурвич И.С. 1950. Социалистическое переустройство хозяйств и быта якутов бассейнов рек Оленека и Анабара // Советская этнография. 1950. No 1. С. 107-123.
- Гурвич И.С. 1952. По поводу определения этнической принадлежности населения бассейнов рек Оленека и Анабара // Советская этнография. 1952. No 2. С. 73-85.
- Гурвич И.С. 1977. Культура северных якутов-оленеководов. Москва: Наука, 1977. 245 с.
- Доброва-Ядринцева Л.Н. 1925. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск: Сибревком, 1925.
- Долгих Б.О. 1929. Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района // Северная Азия. 1929. No 2. С. 49-76.
- Долгих Б.О. 1950. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабары // Советская этнография. 1950. No 4. С. 169-173.
- Долгих Б.О. 1952. О некоторых этногенетических процессах (переселениях народов и распространении языков) в Северной Сибири // Советская этнография. 1952. No 1. С. 51-59.
- Долгих Б.О. 1993. Население районов Крайнего Севера Красноярского Края // Полевые исследования. Москва: 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 122-141.
- Долгих Б.О. 1993. Некоторые вопросы национальной политики на Севере СССР // Полевые исследования. Москва: 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 142-153.
- Долгих Б.О. 1949. Родовой и племенной состав народностей севера средней Сибири // Краткие сообщения института этнографии. 1949. No 5 (1). С. 70-85.
- Долгих Б.О. и Левин М.Г. 1951. Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории Северной Сибири // Родовое общество: этнографические материалы и исследования. Москва: 1951. Труды института этнография им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. 14, С. 95-108.
- Долгих Б.О. 1952. О населении бассейнов рек Оленки и Анадыра // Советская Этнография. 1952. No 2. С. 86-91.
- Долгих Б.О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. Москва: Наука, 1960. Труды института этнографии АН СССР (новая серия), т. 60,
- Долгих Б.О. 1963. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. Москва: Наука, 1963. Т. 5. Труды института этнографии АН СССР (новая серия), т. 84, С. 92-141.

- Долгин В.Н., Романов В.И. 1983. Эколого-фаунистическая характеристика малакофауны Хантайских озер // Вопросы географии Сибири. 1983. Вып. 14. С. 68-72.
- Исаченко В.Л. 1913. Инородцы Туруханского края, выходящие на берег реки Енисей в районе села Дудинка станка Осиновой и их рыбный и другие промыслы. Красноярск: типография Абакакова, 1913. Материалы по исследованию р. Енисей в рыбопромысловом отношении. Вып. 9.
- Карлов В.В. 1982. Эвенки в XVII-начале XX в. (хозяйство и социальная структура). Москва: Изд-во МГУ, 1982. 160 с.
- Кастрен М.А. 1860. Путешествие в Сибирь 1845-1849 // Магазин земледелия и путешествий. Изд. Фоловый, 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 199-482.
- Кеппен 1845. Дополнительная инструкция господину Кастрену (составлено академиком Кеппеном) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1845. No 8 (август). С. 114-128.
- Кочнева З.И. 1990. Эвенкийско-русский тематический словарь. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1990.
- Костров Н.А. 1855. Енисейские Тунгусы // Москвитянин. – 1855. Кн. 3. Вып. 11. С. 27-48.
- Козлов В.И. 1992. Между этнографией, этнологией и жизнью // Советская этнография. 1992. No 3. С. 3-14.
- Кряжков В.А. 1994. Статус малочисленных народов России: правовые акты и документы. Москва: Юридическая литература, 1994.
- Крюков М.Б. 1989. Читая Ленина (размышления этнографа о проблемах теории нации) // Советская этнография. 1989. No 4. С. 5-18.
- Кривошапкина М.Ф. 1865. Енисейский округ и его жизнь. – Санкт-Петербург: Тип. Безобразова, 1865.
- Львов А.Л. 1985. Норильск. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1985.
- Лаптев Х.П. 1851. Берег между Леной и Енисеем: записки лейтенанта Х.П.Лаптева // Записки Гидрографического Департамента Морского Министерства. 1851. No 9. С. 8-58.
- Лебедев М. 1929. К вопросу о строительстве оленеводческих колхозов в Туруханском крае // Пушное дело. 1929. No 10. – С. 17-26.
- Лебедева Е. П. 1960. К характеристике северного наречия эвенкийского языка (по материалам говоров Б. Порога и Агаты) // Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института. 1960. No 167. С. 137-170.
- Ленартович Е.С. 1936. Три года работы с коралями в Ненецком оленеводческом совхозе // Советское оленеводство. 1936. Вып. 7. С. 45-51.

- Малолетко А.М. 1983. Географические названия Хантайской гидросистемы // Вопросы географии Сибири. 1983. Вып. 14. С. 103-124.
- Мичурин Л.Н., Мироненко О.Н. 1964. Особенности размещения и использования зимних пастбищ дикими северными оленями Таймырского стада // Труды Всесоюзного Сельскохозяйственного Института заочного образования. Москва: 1964. Ч. 2. Вып. 17. С. 89-96.
- Мичурин Л.Н., Мироненко О.Н. 1966. Распространение копытных в горах Путорана // Труды Научно-исследовательского Института сельского хозяйства Крайнего Севера. 1966. Т. 14. С. 69-75.
- Миддендорф А. 1860. Путешествие на Север и Восток Сибири. Санкт-Петербург, 1860.
- Мордвинов А. 1860. Инородцы в Туруханском Крае // Вестник Русского Географического Общества. 1860. Вып. 2. No 28. С. 25-64.
- Научно-Исследовательский Институт сельского хозяйства Крайнего Севера; Таймырское Окружное Статистическое Управление 1976. Справочник по экономике колхозов и совхозов Таймырского Национального Округа. Дудинка: 1976. 190 с.
- Никольшин Н.П. 1939. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Ленинград: 1939.
- О работе в национальных районах Крайнего Севера // Советский Север. 1932. No 2. С. 47-48.
- Окладников А.П., Шинков В.Н. 1968. История Сибири с древнейших времен до нашей эры. Москва: Наука, 1968.
- Ольденбург С.Ф. (отв. ред.) 1929. Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Ленинград: Изд-во Академии наук, 1929. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, т. 17,
- Островских П.Е. 1903. О положении женщин у инородцев Туруханского Края // Известия Красноярского Подотдела Русского Географического Общества. 1903. Т. 1. Вып. 5. С. 13-22.
- Островских П.Е. 1902. Туруханск // Восточное Обозрение. 1902. No 167. С. 380.
- Островских П.Е. 1904. Поездка на озеро Ессей // Известия Красноярского Подотдела Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. 1904. Т. 1. Вып. 6. С. 21-33.
- Патканов С. 1906. Опыт географии и статистики Тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников: Часть Б. Тунгусы собственно // Санкт-Петербург: Слова, 1906. Записки

Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии, т. 21, ч. 1, вып. 1.

- Патканов С. 1911. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1911. 210 с.
- Петрушин А.А. 1992. Коренные народы Таймыра и основные показатели развития традиционных отраслей хозяйства (краткая справка) // Ленинград: 1992.
- Пижа А.И и В.В. Прохоров 1994. Неотрадиционализм на российском Севере. Москва: Институт народнохозяйственного прогнозирования, 1994.
- Писком Н. 1994. Таймыр на фоне рынка // Северные просторы. 1994. No 1. С. 7-9.
- Попков Ю.В. 1994. Этносоциальные и правовые процессы в Эвенкии. Новосибирск: СО РАН, 1994. 56 с.
- Попов А.А. 1931. Поездка к долганам // Советская этнография. 1931. Вып. 3-4. С. 210-213.
- Попов А.А. 1934. Материалы по родовому строю долган // Советская этнография. 1934. No 6.
- Попов А.А. 1935. Оленеводство у долган // Советская этнография. 1935. No 4-5.
- Попов А.А. 1937. Охота и рыболовство у долган // Памяти В.Г. Богораза (1865-1936). Сборник статей. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук, 1937. С. 147-206.
- Попов А.А. 1937. Техника у долган // Советская этнография. – 1937. No 1. С. 91-136.
- Попов А.А. 1946. Семейная жизнь у долган // Советская этнография. 1946. No 4. С. 50-74.
- Попов А.А. 1954. Долганы // Народы Сибири. Москва: Наука, 1954. С. 742-759.
- Попова М.И. 1991. Основы истории культуры малочисленных народов Таймыра. Дудинка: Дудинская типография, 1991.
- Рычков К.М. 1908. Оспа в Туруханском Крае // Сибирские вопросы. 1908. No 19-20. С. 76-81.
- Рычков К.М. 1914. Страница из жизни вымирающего племени // Сибирский Архив. 1914. No 3-4. С. 162-165.
- Рычков К.М. 1914. Поездка в северо-восточные тундры Туруханского Края из села Дудина // Землеведение. Москва: 1914. Кн. 4. Вып. 21. С. 97-123.

- Рычков К.М. 1915. В Туруханском крае // Сибирский Архив. – 1915. No 6. С. 268-273.
- Рычков К.М. 1917; 1922-23. Енисейские Тунгусы // Землеведение. Москва: 1917; 1922-23. Т. 24; 25. Кн. 1-2 (1917); 1-2, 3-4 (1922-23). С. 1-67; 69-106; 107-149.
- Самойлович А.Н. 1916. Предисловие // Краткий русско-якутский словарь. Петроград: Тип. Императорской Академии наук, 1916. С. 3-16.
- Самоковасов Д.И. 1876. Сборник обычного права Сибирских инородцев. Варшава: 1876. 284 с.
- Сергеев М.А. 1955. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. Москва-Ленинград: Наука, 1955.
- Серошевский В.Л. 1993. Якуты. Опыт этнографического исследования. Москва: Российская политическая энциклопедия, 1993. 736 с.
- Сибирский Краевой Статистический Отдел 1928. Материалы приполярной переписи в Сибирском крае. Новосибирск-Красноярск: Изд. Сиб. Краев. ст. отд., 1928.
- Симченко Ю.Б. 1976. Культура охотников на оленей северной Евразии: этнографическая реконструкция. Москва: Наука, 1976. 292 с.
- Симченко Ю.Б. 1970. Основные черты современных этнических процессов у коренного населения Авамской тундры Таймырского национального округа // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у Народов Севера. Москва: Наука, 1970. С. 164-178.
- Симинов М.Д. 1983. Материалы по шаманству Сымских Эвенков // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР: Серия общественных наук. 1983. Вып. 3. No 11. С. 102-112.
- Скачко А. 1930. Организация территории малых народов Севера // Советский север. Сборник статей. 1930. Вып. 2. С. 5-68.
- Скачко А. 1923. К вопросу о колонизации окраин // Жизнь национальностей. 1923. No 2. С. 13-19.
- Смидович П. 1925. Проект временного положения об управлении туземных племен на северных окраинах РСФСР. // Северная Азия. 1925. No 1-2. С. 123-130.
- Сталин И.В. 1913. Национальный вопрос и социал-демократия // Просвещение. 1913. No 3-5.
- Степанов А.П. 1835. Очерки истории Енисейской губернии. Санкт-Петербург: 1835.
- Суслов И.М. 1927. Охота у тунгусов // Охота и пушнина Сибири. 1927. No 1. С. 44-49.

- Суслов И. М. 1928. Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев р. Таймуры // Советский Север. 1928. No 1. С. 55-62.
- Суслов И.М. 1930. Расчет минимального количества оленей, потребных для туземных хозяйств // Советский Север. 1930. No 3. С. 29-35.
- Суслов И.М. 1952. О национальной принадлежности современного населения северо-запада Якутской АССР // Советская этнография. 1952. No 2. С. 69-72.
- Суслов М. 1884. Путевой журнал миссионера Суслова при поездке к озеру Ессей // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. No 13; 14; 19-21. С. 182-185; 207-211; 262-269; 275-279; 292-296.
- Терлецкий П.Е. 1951. Еще раз к вопросу об этническом составе населения Северо-западной части Якутской АССР // Советская этнография. 1951. No 1. С. 88-99.
- Третьяков П.И. 1869. Туруханский край // Записки Императорского Русского Географического Общества по общей географии. 1869. Т. 2. С. 215- 531.
- Трошев Х. 1993. Таймырская трагедия: фрагмент рукописи // Красноярский рабочий. 1993. Вып. 12-го октября.
- Тугаринов А.Я. 1919. Очерки Туруханского края // Сибирские Записки. 1919. No.1, с.48-61; No.2, с. 53-65; No.3: с. 75-84.
- Тугаринов А.Я., Лаппо Д.Е. 1927. Туземцы Приенисейского Севера. Красноярск: Изд-во Бюро краеведения при Красноярском отделе РГО, 1927. Библиотека Приенисейского Краеведения, вып. 6. 18 с.
- Туголуков В. А. 1963. Хантайские эвенки // Сибирский этнографический сборник. Москва: Наука, 1963. Т. 5. Труды института этнографии АН СССР (новая серия), т. 84, С. 5-32.
- Туголуков В.А. 1985. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. Москва: Наука, 1985. 384 с.
- Убрятова Е. И. 1966. О языке долган // Языки и фольклор народов сибирского Севера. Москва: Наука, 1966. С. 41-68.
- Убрятова Е.И. 1960. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. Москва: Академия Наук СССР, 1960.
- Убрятова Е.И. 1985. Язык норильских долган. Новосибирск: Наука, 1985.
- Урбанцев Н.Н. 1921. Норильский каменноугольный район. – Томск: 1921.
- Цинциус В.И. 1975. Сравнительный словарь тунгусо-манчжурских языков. Ленинград: Наука, 1975.
- Шмидт Ф.Б. 1872. Результат экспедиции за мамонтом // Записки Императорской Российской Академии Наук. 1872. Т. 18. No 1.

- Штернберг Л.Я. 1933. Семья и род у народов северо-восточной Азии. Ленинград: Изд-во Института Народов Севера, 1933.
- Щелкунова Р.П. 1984. Оленьи пастбища западного Таймыра и их использование // Состояние и рациональное использование оленьих пастбищ и пойменных лугов на Крайнем Севере. Новосибирск: Сибирское Отделение ВАСХНИЛ, 1984. С. 3-16. 136 с.

Литература на иностранных языках

- Abel, K. 1993. *Drum Songs: Glimpses of Dene History*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Anderson, B. A., and B. D. Silver. 1983. "Estimating Russification of Ethnic Identity among Non-Russians in the USSR." *Demography* 20:461-490.
- Anderson, B. 1991. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism [Revised Edition]*. London: Verso.
- Anderson, D. G. 1992. "Property Rights and Civil Society in Siberia: An Examination of the Social Movements of the Zabaikal'skie Evenki." *Praxis International* XII(1):83-105.
- Armstrong, J. A. 1992. "The Autonomy of Ethnic Identity: Historic Cleavages and Nationality Relations in the USSR." in *Thinking Theoretically about Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR*, ed. A. J. Motyl. pp. 23-44. Oxford: Columbia University Press.
- Asch, M. 1984. *Home and Native Land: Aboriginal Rights and the Canadian Constitution*. New York: Methuen.
- Bakhtin, M. 1981. *The Dialogical Imagination*. Austin: University of Texas Press.
- Balzer, M. M. 1983. "Ethnicity Without Power: The Siberian Khanty in Soviet Society." *Slavic Review* 42(4):633-48.
- Barner-Barry, C., and C. Howdy. 1995. *The Politics of Change: The Transformation of the Former Soviet Union*. New York: St. Martin's.
- Barth, F. 1969. "Introduction." in *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*, ed. F. Barth. pp. 9-38. Boston: Little, Brown and Co.
- Basso, K. H. 1984. "'Stalking with Stories': Names, Places, and Moral Narratives Among the Western Apache." in *Text, Play and Story: the Construction and Reconstruction of Self and Society*, ed. E. Bruner. pp. 19-55. 1983 Proceedings of the American Ethnological Society. Prospect Heights: Waveland Press.
- Bateson, G. 1972. *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*. London: Intertext Books.

- Benthall, J., and J. Knight. 1993. "Ethnic Alleys and Avenues." *Anthropology Today* 9(5):1-2.
- Bird-David, N. 1990. "The Giving Environment: Another Perspective on the Economic System of Gatherer-Hunters." *Current Anthropology* 31:189-96.
- Bond, A. R. 1984. "Transport Development at Noril'sk." *Soviet Geography* 25(2):103-121.
- Bond, A. R. 1985. "Northern Settlement Family Style: Labor Planning and Population Policy in Noril'sk." *Soviet Geography* 26(1):26-47.
- Borneman, J. 1992. *Belonging in Two Berlins: Kin, State, Nation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bourdieu, P. 1976. "Marriage Strategies as Strategies of Social Reproduction." in *Family and Society: Selections from the Annales*, eds E. Forster, and P. Ranum. pp. 117-145. London: John Hopkin's University Press.
- Bourdieu, P. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Bourdieu, P. 1990. *The Logic of Practice*. Cambridge: Polity.
- Bremmer, I. 1993. "Reassessing Soviet Nationalities Theory." in *Nations and Politics in the Soviet Successor States*, eds. I. Bremmer, and R. Taras. pp. 3-26. Cambridge: Cambridge University Press.
- Briggs, J. L. 1983. "Le Modèle Traditionnel d'Education Chez les Inuit: Différentes Formes d'Expérimentation Face a l'Inconnu." *Récherches Amérindiennes au Québec* 13(1):13-25.
- Brown, J. 1989. "The Métis: Genesis and Rebirth." in *Native Peoples, Native Lands: Canadian Indians, Inuit, and Métis*, ed. B. A. Cox. pp. 136-147. Ottawa: Carleton University Press.
- Brown, W. K., and J. Huot et al. 1986. "The distribution and movement patterns of four woodland caribou herds in Quebec and Labrador." in *Proceedings of the Fourth International Caribou and Reindeer Symposium*, Whitehorse, Canada, eds. A. Gunn;F. L. Millar, and S. Skjenneberg. pp. 43-49. *Rangifer Special Issue*, 1.
- Bulag, U. E. 1993. *Nationalism and Identity in Mongolia*. Ph.D thesis. University of Cambridge.
- Burch, E. 1975. *Eskimo Kinsmen: Changing Family Relationship in Northwest Alaska*. New York: West Publishing Co.
- Cameron R.D., and K. R. Whitten et al. 1986. "Summer Range Fidelity of Radio-Collared Caribou in Alaska's Central Arctic Herd." in *Proceedings of the Fourth International Caribou and Reindeer Symposium*, Whitehorse, Canada, eds. A. Gunn;F. L. Millar, and S. Skjenneberg. pp. 51-55. *Rangifer Special Issue* 1.

- Champagne, D. 1989. *American Indian Societies: Strategies and Conditions of Political and Cultural Survival*. Cambridge, MA: Survival International.
- Chesnais, J.-C. 1992. *The Demographic Transition*. Oxford: Claredon Press.
- Cohen, A. ed. 1982. *Belonging: Identity and Social Organization in British Rural Cultures*. Manchester: Manchester University Press.
- Cohen, A. P. 1985. *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge.
- Cohen, J., and A. Arato. 1992. *Civil Society and Political Theory*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- D'Encausse, H. C. 1978. *L'Empire Eclaté: La Révolte des Nations en URSS*. Paris: Flammarion.
- Davies, M. 1985. "Aspects of Aboriginal Rights in International Law." in *Aboriginal Peoples and the Law: Indian, Métis and Inuit Rights in Canada*, ed. B. Morse. pp. 16-46. Ottawa: Carleton University Press.
- Dement'ev, G. P., and N. A. Gladko. 1970. *Birds of the Soviet Union*. Jerusalem: Israli Program for Scientific Translations.
- Dorris, M. 1979. "Twentieth-Century Indians: The Return of the Natives." in *Ethnic Autonomy Comparative Dynamics: The Americas, Europe, and the Developing World*, ed. R. Hall. pp. 66-84. New York: Pergamon Press.
- Eidheim, H. 1969. "When Ethnic Identity is a Social Stigma." in *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*, ed. F. Barth. pp. 39-57. Boston: Little, Brown and Co.
- Einhorn, B. 1993. *Cinderella Goes to Market: Citizenship, Gender, and Women's Movements in East Central Europe*. London: Verso.
- Eriksen, T. H. 1993. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. London: Pluto Press.
- Fehér, F., and A. Heller et al. 1983. *Dictatorship over Needs*. New York: St. Martin's.
- Feit, H. 1994. "Dreaming of Animals: the Waswanipi Cree Shaking Tent Ceremony in Relation to Environment, Hunting, and Missionization." in *Circumpolar Religion and Ecology: An Anthropology of the North*, eds. T. Irimoto, and T. Yamada. pp. 289-316. Tokyo: University of Tokyo Press.
- Fondahl, G. 1993. "Siberia: Native Peoples and Newcomers." in *Nations and Politics in the Soviet Successor States*, I. Bremmer, and R. Taras. Cambridge: Cambridge University Press.
- Forsyth, J. 1992. *A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581-1990*. New York: Cambridge University Press.
- Friedman, J. 1992. "The Past in the Future: History and the Politics of Identity." *American Anthropologist* 94(4):837-859.

- Gellner, E. 1978. "Scale and Nation." in *Scale and Social Organization*, ed. F. Barth. pp. 133-149. Oslo: Universitetsforlaget.
- Gellner, E. 1983. *Nations and Nationalism*. Oxford: Basil Blackwell.
- Giddens, A. 1985. *The Nation-state and Violence*. Cambridge: Polity.
- Gluckman, M. 1965. *Politics, Law, and Ritual in Tribal Society*. Oxford: Basil Blackwell.
- Goffman, I. 1967. *Interaction Ritual*. New York: Anchor Books.
- Grant, B. 1993. "Siberia Hot and Cold: Reconstructing the Image' of Siberian Indigenous Peoples." in *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia*, eds. G. Diment, and Y. Slezkine. pp. 227-254. New York: St. Martin's Press.
- Grant, B. 1995. *In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas*. Princeton: Princeton University Press.
- Hajda, L., and M. Beissinger. 1990. *The Nationality Factor in Soviet Politics and Society*. Oxford: Westview.
- Hall, J. 1993. "Nationalisms: Classified and Explained." *Daedalus: The Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences* 121(3):1-28.
- Harumi, B. 1993. *Cultural Nationalism in East Asia*. Berkeley: University of California Press.
- Harvey, D. 1989. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Basil Blackwell.
- Henriksen, G. 1973. *Hunters in the Barrens: The Naskapi on the Edge of the White Man's World*. Toronto: Memorial University of Newfoundland.
- Herzfeld, M. 1986. "Of Definitions and Boundaries: The Status of Culture in the Culture of the State." in *Discourse on the Social Life of Meaning*, eds. P. P. Chock, and J. R. Wyman. pp. 75-94. Washington: Smithsonian Institution Press.
- Hirsch, E., and M. O'Hanlon. 1995. *The Anthropology of Landscape: Perspectives on Place and Space*. Oxford: Clarendon Press.
- Hobsbawm, E. J. 1990. *Nations and Nationalism Since 1780*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Horowitz, D. L. 1992. "How to Begin to Think Comparatively about Soviet Ethnic Problems." in *Thinking Theoretically about Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR*, ed. A. J. Motyl. pp. 9-21. Oxford: Columbia University Press.
- Humphrey, C. 1979. "The Uses of Genealogy: A Historical Study of the Nomadic and Sedentarised Buryat." in *Pastoral Production and Society, Equipe écologie et anthropologie des sociétés pastorales*. pp. 235-260. Cambridge: Cambridge University Press.

- Humphrey, C. 1983. *Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Humphrey, C. 1989. "Perestroika and the Pastoralists: The example of Mongun-Taiga in Tuva ASSR." *Anthropology Today* 5(3):6-10.
- Humphrey, C. 1992. "Fair Dealing, Just Rewards: The Ethics of Barter in North-East Nepal." in *Barter, Exchange, and Value: An Anthropological Approach*, eds. C. Humphrey, and S. Hugh-Jones. pp. 107-141. Cambridge: Cambridge University Press.
- Humphrey, C. 1993. "Women, Taboo, and the Suppression of Attention." in *Defining Females: The Nature of Women in Society*, ed. S. Ardener. pp. 73-92. Oxford: Berg.
- Hutchinson, J. 1994. *Modern Nationalism*. London: Fontana.
- Ingold, T. in press. "Hunting and Gathering as Ways of Perceiving the Environment." in *Beyond Nature and Culture*, eds. R. Ellen, and K. Fukui. Oxford: Berg. [manuscript].
- Ingold, T. 1986. *The Appropriation of Nature: Essays on Human Ecology and Social Relations*. Manchester: Manchester University Press.
- IWIGA. 1990. *Indigenous Peoples of the Soviet North*. Copenhagen: International Work Group for Indigenous Affairs.
- Kaiser, R. J. 1994. *The Geography of Nationalism in Russia and the U.S.S.R.* Princeton: Princeton University Press.
- Kuoljok, K. E. 1985. *The Revolution in the North: Soviet Ethnography and Nationality Policy*. Uppsala: Almqvist & Wiksell International.
- Kuper, A. 1988. *The Invention of Primitive Society: Transformations of an Illusion*. London: Routledge.
- Kwon, H. 1993. *Maps and Actions: Nomadic and Sedentary Space in a Siberian Reindeer Farm*. Ph.D thesis. University of Cambridge.
- Lane, D. 1992. *Soviet Society Under Perestroika* [revised edition]. London: Routledge.
- Leach, E. R. 1964. *Political Systems of Highland Burma: A Study of Kachin Social Structure*. London: Athlone Press.
- Little Bear, L., and M. Boldt et al. 1984. *Pathways to Self-Determination: Canadian Indians and the Canadian State*. Toronto: University of Toronto Press.
- Macpherson, C. B. 1962. *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke*. Oxford: Clarendon Press.
- Macpherson, C. B. 1978. "The Meaning of Property." in *Property: Mainstream and Critical Positions*, ed. C. B. Macpherson. pp. 1-13. Toronto: University of Toronto Press.

- McClellan, C. 1975. *My Old People Say: An Ethnographic Survey of Southern Yukon Territory*, National Museum of Man Publications in Ethnology, 6 (1 & 2). Ottawa: National Museums of Canada.
- Milan, F. A. 1980. "The Demography of Selected Circumpolar Populations." in *The Human Biology of Circumpolar Populations*, ed. F. A. Milan. pp. 13-35. Cambridge: Cambridge University Press.
- Morgan, L. H. 1878. *Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization*. New York: Holt.
- Motyl, A. J. ed. 1992. *Thinking Theoretically about Soviet Nationalities*. New York: Columbia University Press.
- Nairn, T. 1977. *The Break-up of Britain*. London: Verso.
- Nelson, R. K. 1983. *Make Prayers to the Raven*. Chicago: University of Chicago Press.
- Nuttall, M. 1992. *Arctic Homeland: Kinship, Community, and Development in Northwest Greenland*. Toronto: University of Toronto Press.
- Opekokew, P. 1982. *The First Nations: Indian Government and the Community of Man*. Regina: Federation of Saskatchewan Indians.
- Osgood, C. 1936. *Contributions to the Ethnography of the Kutchin*, Yale University Publications in Anthropology, 14. New Haven: Yale University Press.
- Paine, R. P. B. 1977. "Tutelage and Ethnicity: A Variable Relationship." in *The White Arctic: Anthropological Essays on Tutelage and Ethnicity*, R. P. B. Paine. pp. 249-263. St. John's: ISER.
- Palloit, J. 1992. "Depopulation and the Restoration of the Russian Village Under Gorbachev." *Soviet Studies* 42(4):655-674.
- Pika, A. 1993. "The Spatial-temporal Dynamic of Violent Death Among the Native Peoples of Northern Russia." *Arctic Anthropology* 30(2):61-76.
- Popov, A. A. 1964. "The Dolgans." in *The Peoples of Siberia*, M. G. Levin, and L. P. Potapov. pp. 655-669. Chicago: University of Chicago Press.
- Pullianen, E., and S. Sulkava et al. 1983. "Seasonal Movements of the Wild Forest Reindeer (*Rangifer tarandus fennicus*) in Eastern Finland." *Acta Zoologica Fennica* (175):15-16.
- Raeff, M. 1956. *Siberia and the Reforms of 1822*. Seattle: University of Washington Press.
- Renan, E. 1990. "What is a Nation?" in *Nation and Narration*, ed. H. Bhabhi. pp. 8-22.
- Riasanovsky, V. A. 1965. *The Customary Law of the Nomadic Tribes of Siberia*. The Hague: Mouton & Co.

- Ridington, R. 1990. *Little Bit Know Something: Stories in a Language of Anthropology*. Douglas & McIntyre.
- Rivers, W. H. R. 1914. *Kinship and Social Organization*. London: Constable.
- Royce, A. P. 1982. *Ethnic Identity: Strategies of Diversity*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sharp, H. S. 1988. *The Transformation of Bigfoot: Maleness, Power and Belief Among the Chipewyan*. Washington: Smithsonian.
- Shirokogoroff, S. M. 1933. *Social Organization of the Northern Tungus*. Shanghai: Commercial Press.
- Shirokogoroff, S. M. 1935. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd.
- Shmelev, N., and V. Popov. 1990. *The Turning Point: Revitalizing the Soviet Economy*. London: Tauris.
- Simard, B. 1979. "Elements du comportement du caribou du Nord Québécois." *Récherches amérindiennes au Québec* 9(1-2):29-36.
- Siu, H. F. 1993. "Cultural Identity and the Politics of Difference." *Daedalus: Proceedings of the American Academy of Arts and Science* 122(2):19-43.
- Slezkine, Y. 1994. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press.
- Slobodin, R. 1966. *Métis of the Mackenzie District*. Ottawa: St. Paul University.
- Smith, A. 1986. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell.
- Smith, A. D. 1992. "Ethnic Identity and Territorial Nationalism in Comparative Perspective." in *Thinking Theoretically about Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR*, ed. A. J. Motyl. pp. 45-66. Oxford: Columbia University Press.
- Sneath, D. 1993. "Social Relations, Networks, and Social Organization in Post-Socialist Rural Mongolia." *Nomadic Peoples* 33:193-208.
- Snow, A. H. 1921. *The Question of Aborigines in the Law and Practice of Nations*. New York: Putnam.
- Ssorin-Chaikov. July 1991. *Historia and Ulo: a critique of sociological reasoning with a Siberian Evenk epistemology*. M.A. thesis. Stanford University.
- Suny, R. G. 1993. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Press.
- Syroechkovski, E. E. 1990. "Reindeer in the USSR: Problems of Protection and Rational Use." in *Proceedings of the Sixth International Caribou and Reindeer Symposium*, pp. 423-432. *Rangifer Special Issue* 3.
- Szporluk, R. 1990. "The Imperial Legacy and the Soviet Nationality Problem." in *The Nationality Factor in Soviet Politics and Society*, eds.. L. Hajda, and M. Beissinger. pp. 1-23. Oxford: Westview.

- Tanner, A. 1979. *Bringing Home Animals: Religious Ideology and Mode of Production of the Mistassini Cree Hunters*. St. John's: Institute of Social and Economic Research.
- Tanner, A. ed. 1983a. *The Politics of Indianness: Case Studies of Native Ethnopolitics in Canada*. St. John's, Newfoundland: Institute of Social and Economic Research.
- Tanner, A. 1983b. "Introduction: Canadian Indians and the Politics of Dependency." in *The Politics of Indianness: Case Studies of Native Ethnopolitics in Canada*, ed. A. Tanner. pp. 1-35. St. John's, Newfoundland: Institute of Social and Economic Research.
- Taras, R. 1993. "Making Sense of Matrioshka Nationalism." in *Nations and Politics in the Soviet Successor States*, eds. I. Bremmer, and R. Taras. pp. 513-538. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tilly, C. 1990. *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990*. Oxford: Blackwell.
- Valkenburg, P., and J. L. Davis et al. 1983. "Social Organization and Seasonal Range Fidelity of Alaska's Western Arctic Caribou Preliminary Findings." *Acta Zoologica Fennica* (175):135-126.
- Verdery, K. 1991a. *National Ideology under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceausecu's Romania*. Berkeley: University of California Press.
- Verdery, K. 1991b. "Theorizing Socialism: A Prologue to the 'Transition'." *American Ethnologist* 18(3):419-439.
- Verdery, K. 1993a. "Ethnic Relations, Economies of Shortage, and the Transition in Eastern Europe." in *Socialism: Ideals, Ideologies, and Local Practice*, ed. C. M. Hann. pp. 172-186. London: Routledge.
- Verdery, K. 1993b. "Whither "Nation" and "Nationalism"?" *Daedalus: The Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences* 121(3):37-46.
- Vitebsky, P. 1992. "Landscape and Culture among the Eveny: the Political Environment of Siberian Reindeer Herders Today." In *Bush Base, Forest Farm: Culture, Environment and Development*, eds. L. Croll, and D. Parkin. pp. 223-246. London: Routledge.
- Vitebsky, P. 1993. "Is Death the Same Everywhere? Contexts of Knowing and Doubting". In: *An Anthropological Critique of Development*. Ed. Mark Hobart. Routledge: London & New York.
- Watkins, M. ed. 1977. *Dene Nation: The Colony Within?* Toronto: University of Toronto Press.
- Watson, M. 1990. *Contemporary Minority Nationalism*. Oxford: Routledge.
- Williams, R. 1983. *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*. London: Fontana.

- Wolf, E. 1982. *Europe and the Peoples without History*. Berkeley: University of California Press.
- WWF-Arctic Program. 1993. *Nature Reserves on Taimyr*. Oslo: WWF-Norway.
- Young, M. C. 1992. "The National and Colonial Question and Marxism: A View from the South." in *Thinking Theoretically about Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR*, ed. A. J. Motyl. pp. 67-98. Oxford: Columbia University Press.
- Young, T. K. 1994. *The Health of Native Americans: Toward a Biocultural Epidemiology*. Oxford: Oxford University Press.
- Zaslavsky, V. 1991. "Nationalism and Democratic Transition in Postcommunist Societies." *Daedalus: The Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences* 121(2):97-121.
- Zaslavsky, V. 1993. "Success and Collapse: Traditional Soviet National Policy." in *Nations and Politics in the Soviet Successor States*, I. Bremmer, and Taras. pp. 29-42. Cambridge: Cambridge University Press.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ДУДИНКА

** Государственный Архив Таймырского Автономного Округа*

- фонд: Земельного отдела при РИК Дудинского района. ГАТАО 2-1-3 [1937]
"Доходы колхозов Дудинского Района за 1937 по отраслям".
- фонд: Земельного отдела при РИК Дудинского района. ГАТАО 2-1-4 [1937]
"Производственные планы артелей Дудинского района 1937-38".
- фонд: Земельного отдела при РИК Дудинского района. ГАТАО 2-1-6 [1937]
"Проект отвода территории выбора и распланировки хозяйственного центра колхоз "Труженик" Потаповского кочсовета".
- фонд: Земельного отдела при РИК Дудинского района. ГАТАО 2-1-8 [1937]
"Сводки, списки, ведомости, сведения о состоянии коллективизации в колхозах Дудинского района"
- фонд: Земельного отдела при РИК Дудинского района. ГАТАО 2-1-10 [1939]
"Документы о развитии оленеводства по колхозам Дудинского района"
- фонд: Земельного отдела при РИК Дудинского района. ГАТАО 2-1-11 [1937]
"Документы о заготовке рыбы".

- фонд: Земельного отдела при РИК Дудинского района. ГАТАО 2-1-12 [1937].
"Годовые отчеты по колхозам Дудинского района 1937".
- фонд: Земельного отдела при РИК Дудинского района. ГАТАО 2-1-15 [1938].
"Инструктивные указания по организации и проведению плановой осенней выработки оленей в стадах в Дудинском районе".
- фонд: Земельного отдела при РИК Дудинского района. ГАТАО 2-1-27 [1939].
"Ведомость наличия оленей по хантайскому кочсовету".
- фонд: Плановая комиссия. ГАТАО 18-1-1 [1953]. "Качественные показатели оленеводства округа 1939- 1952".
- фонд: Хантайского сельского совета ГАТАО 73-2[1958-78].
"Похозяйственные книги хантайского сельского совета".
- фонд: Окружной земельный отдел 1934-1953. ГАТАО 85-1-2 [1936]. "О ликвидации интегральной кооперации".
- фонд: Окружной земельный отдел 1934-1953. ГАТАО 85-1-15 [1939].
"Свободный материал по итогам распределения доходов по колхозам".
- фонд: Окружной земельный отдел 1934-1953. ГАТАО 85-1-20 [1941].
"Годовой отчет о развитии оленеводства по Таймыру".
- фонд: Окружной земельный отдел 1934-1953. ГАТАО 85-1-22 [194?].
"Закрепление водоемов по рыбзаводам".
- фонд: Окружной земельный отдел 1934-1953. ГАТАО 85-1-27 [1941].
"Экономические характеристики Авамского района".
- фонд: Совхоза "Хантайский". ГАТАО 92-1-1 [1969]. "Акт пересчета оленей".
- фонд: Совхоза "Хантайский". ГАТАО 92-1-6 [1970]. А. Росляков
"Постановление Таймырского РИК Протокол No 3".
- фонд: Совхоза "Хантайский". ГАТАО 92-1-13 [1971]. "Рыбачьие бригады".

КРАСНОЯРСК

** Государственный Архив Красноярского Края*

- фонд: Исполнительного Комитета Туруханского Краевого Совета. ГАКК Р-1303-1-121 [1923]. "Список родов кочующих в районе Илимпиской тундры".
- фонд: Отдел Севера и Арктики Красноярского Краевого Исполнительного Комитета. ГАКК 1386-1-3820 [1960]. "Материалы о развитии экономики и культуры народностей Севера".
- фонд: Отдел Севера и Арктики Красноярского Краевого Исполнительного Комитета. ГАКК 1386-1-3820 [1960]. Стракач Ю.Б. "Некоторые выводы

и предложения по материалам этнографической экспедиции 1960 в Т.Н.О."

фонд: Отдел Севера и Арктики Красноярского Краевого Исполнительного Комитета. ГАКК 1386-1-3430 [1960]. "Протокол No 14 Заседания ЦК Крайсовета от 10.11.1963".

фонд: Комитет партийно-государственного контроля Красноярского Крайкома КПСС. ГАКК 1395-1-52 [1963]. "Материалы проверки о ходе выполнения резолюции No 300".

фонд: Красноярского Комитета содействия малых народностей окраин Сибири. ГАКК Р-1845-1-5 [1926]. Савельев "Таблица кочевого туземного населения на вновь установленных границах в 1922 г."

фонд: Красноярского Комитета содействия малых народностей окраин Сибири. ГАКК Р-1845-1-210 [1929?]. "Инструкция по списанию долгов с бедняцкого туземного населения Туруханского Края".

фонд: Красноярского Комитета содействия малых народностей окраин Сибири. ГАКК Р-1845-1-224 [1929]. Шмырнов и Артемьев "Сводка о состоянии Советской работы в Туземных РИКах и родовых Советах Туруханского Края".

фонд: Красноярского краевого земельного управления. ГАКК Р-2275-1-22 [1929]. "Сведения о распределении оленей по хозяйственным группам Дудинского района".

фонд: Красноярского краевого земельного управления. ГАКК Р-2275-1-83 [1932]. "Список кулацких хозяйств по Ессейскому кочевому совету".

фонд: Красноярского краевого земельного управления. ГАКК Р-2275-1-143 [1934-35]. Давыдов "Исторический очерк экономиста Хантангской экспедиции о составе населения Хатангского района".

фонд: Красноярского краевого земельного управления. ГАКК Р-2275-1-144 [1934]. "Предварительный проект по первоначальному землеустройству кочевых советов Таймырского округа (Хантайского района)".

фонд: Красноярского краевого земельного управления. ГАКК Р-2275-1-144 [1930]. Усольцев И.С. "Отчетный доклад Хатангско-анабарской экспедиции".

** Красноярский Центр Хранения и Изучения
Документации Новейшей Истории*

фонд: Красноярский крайком КПСС. КЦХИДНИ 26-31-106 [1958]. Алексеев Г. и Х. Михайлов "Докладная записка об упразднении Авамского

- района ТНО и об организации оленеводческо-промыслового совхоза на базе трех колхозов этого района".
- фонд: Красноярский крайком КПСС. КЦХИДНИ 26-31-36-разные [1958-1961]. "Годовые статические отчисления и движения коммунистов".
- фонд: Таймырский окружком КПСС. КЦХИДНИ 28-1-24 [1930]. Попов А.А. "Доклад оргкомитету комплексной экспедиции исследований А.Н."
- фонд: Таймырский окружком КПСС. КЦХИДНИ 28-1-26 [1931]. Дудинский райком КПСС "Инструкции интегралсоюзу, сводки, доклады, директивные письма".
- фонд: Таймырский Окружной Комитет ВКП(б). КЦХИДНИ 28-2-28 [1932]. "Политсводка Воссибкрая о политическом событии в Авамском и Хантагском районе".
- фонд: Таймырский окружком КПСС. КЦХИДНИ 28-4-7 [1935]. "Директивные письма окружкому партийному и советскому органам по вопросам проведения национальной политики среди народов Севера".

НОВОСИБИРСК

** Государственный Архив Новосибирской Области*

- фонд: Западно-Сибирский Комитет Севера. ГАНО Р-354-1-118 [1930?]. Доброва-Ядринцева "Современное состояние проблемы национального районирования малых народностей Сибирских окраин".
- фонд: Западно-Сибирский Комитет Севера. ГАНО Р-354-1-156 [1927]. Доброва-Ядринцева "Доклад о формах хозяйств туземцев Крайнего Севера".
- фонд: Западно-Сибирский Комитет Севера. ГАНО Р-354-1-238 [1928]. Доброва-Ядринцева "Письмо к Местным Комитетам Севера".
- фонд: Исполнительный Комитет Западно-Сибирского Краевого Совета. ГАНО Р-47-1-1089 [1930]. Базовский и Ветров "Письмо в Президиум ВЦИК".
- фонд: Западно-Сибирский Комитет Севера. ГАНО Р-47-5-8 [1925-26]. "Документы о делении кооперативов Сибири, об охране коренного населения Туруханского Края".

ИРКУТСК

*** Государственный Архив Иркутской Области**

фонд: Восточно-Сибирского Комитета Севера. ГАИО Р-538-1-196 [1929-1930]. "Материалы экспедиции в Хатангско-Анабарский район Туруханского Края".

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

*** Архив Российской Академии Наук**

фонд: ИПИН. Архив РАН 135-2-305 [1923]. А.Я Тугаринов "Пояснительная записка к этнографической карте Туруханского Края".

фонд: ИПИН. Архив РАН 135-1-330 [1919-1929]. "Планы, записки и переписки по научным и научно-организационным вопросам Сибирского отделения КИПСа".

*** Архив Музея Антропологии и Этнографии**

фонд: Галины Николаевны Грачевой. АМАЕ К1-2-1165 [1978]. "Походохозяйственные книги хантайского сельского совета".

фонд: Экспедиционные материалы по экономике Таймырского Национального Округа (Н.М. Рымган). Архив МАЭ РАН К-2-1-118 [1900-1939]. "Статистика по населению и районированию".

фонд: Экспедиционные материалы по экономике Таймырского Национального Округа (Н.М. Рымган). Архив МЭА РАН К-2-1-124 [1900-1939]. "Объяснительная записка к проекту землеустройства оленного совхоза".

фонд: Экспедиционные материалы по экономике Таймырского Национального Округа (Н.М. Рымган). Архив МЭА РАН К-2-1-127 [1900-1939]. "Первоначальное землеустройство Хантайского-Эвенкийского туземного совета".

фонд: Экспедиционные материалы по экономике Таймырского Национального Округа (Н.М. Рымган). Архив МАЭ РАН К-2-1-128 [1900-1939]. "Проект землеустройства колхоза РККа".

фонд: Экспедиционные материалы по экономике Таймырского Национального Округа (Н.М. Рымган). Архив МАЭ РАН К-2-1-129 [1900-1939]. "Годовые отчеты за 1938 г.".

фонд: Экспедиционные материалы по экономике Таймырского Национального Округа (Н.М. Рымган). Архив МАЭ РАН К-2-1-130 [1916-1939]. "Статистика по оленеводству".

- фонд: Экспедиционные материалы по экономике Таймырского Национального Округа (Н.М. Рымган). Архив МАЭ РАН К-2-1-133 [1900-1939]. "Статистика по оленеводству Авамского района".
- Архив МАЭ РАН К-5-1-291 [1938-1939]. Долгих Б.О. "Предварительный отчет этнографа северной экспедиции Красноярского Краевого Музея".
- фонд: Личный Андрея Александровича Попова. Архив МАЭ РАН 14-1-134 [1930]. Попов А.А. "Схематические карты рыболовных мест Норильского района. Полевые записи".
- фонд: Личный Андрея Александровича Попова. Архив МАЭ РАН 14-1-141 [1930]. Попов А.А. "Долганы (статья: три варианта с замечаниями Левина и Потапова)".
- фонд: Личный Андрея Александровича Попова. Архив МАЭ РАН 14-1-149 [1930]. Попов А.А. "Отчет по долганской этнографической поездке за вторую половину 1930 г.".
- фонд: Андрея Александровича Попова. Архив МАЭ РАН 14-1-153-156 [1945-1959]. Попов А.А. "Религиозные воззрения долган (машинопись)".
- фонд: Личный Андрея Александровича Попова. Архив МАЭ РАН 14-1-42 [1936-1938]. "О Плахино-эвенкийском Тузсовете, Хантайско-эвенкийском тузсовете (и полевые записки из Норильска)".
- фонд: Личный Андрея Александровича Попова. Архив МАЭ РАН 14-1-89 [1930-1931]. Попов А.А. "Полевой дневник экспедиции к долганам".

Другие Архивы в Санкт-Петербурге

- * Архив РГО [1905]. Васильев В.Н. "Хатангская экспедиция Русского Географического Общества".
- * Архив ИВ РАН 49[1907-1913]. Рычков К.М.

МОСКВА

** Центральный Государственный Архив Российской Федерации*

- фонд: Министерство сельского хозяйства РСФСР. Управление районов Крайнего Севера. ЦГАРФ (РСФСР) А-310-18-133 [1935]. "Проект первоначального землеустройства Усть-Курейского кочевого совета Туруханского района".
- фонд: Министерство сельского хозяйства РСФСР. Управление районов Крайнего Севера. ЦГАРФ (РСФСР) А-310-18-20 [1932-34]. "Материалы

первоначального землеустройства Авамского района Красноярского Края 1932-1934".

фонд: Министерство сельского хозяйства РСФСР. Управление районов Крайнего Севера. ЦГАРФ (РСФСР) А-310-18-21 [1932]. Копылов И.П. "Материалы Дудинской землеводоустроительной Экспедиции Восточно-Сибирского Краевого земельного управления по первоначальному землеводоустройству Дудинского района Красноярского Края за 1932".

фонд: Министерство сельского хозяйства РСФСР. Управление районов Крайнего Севера. ЦГАРФ (РСФСР) А-310-18-37 [1933]. "Первоначальное землеводоустройство Дудинского района".

фонд: Комитет содействия народностей северных окраин при Президиуме Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета (1924-1935). ЦГАРФ (Окт.Рев.) Р-3977-1-214 [1927]. Симонова Л.А. "Отчет о поездке в илимпейскую тундру по маршруту Большой Порог, оз. Някшинда, оз. Нембенчи, оз. Виви и культбаза".

** Российский Центр Хранения и Изучения
Документации Новейшей Истории*

фонд: Секретариат ВКП(б). РЦХИДНИ 17-114-305 [1932]. "Постановление Бюро ВосСиб Крайкома ВКП(б) о положении в Таймырском округе".

фонд: Секретариат ВКП(б). РЦХИДНИ 17-114-305 [1932]. Меерзон, Сахлинова "О работе среди народов Крайнего Севера".

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1
Численность народов Таймыра и соседних районов (1990-1992)

Районы, города, поселки	Все население	Коренное население	Долганы	Ненцы	Эвенки	Нганасаны	Энты
Таймырский АО (1992) ¹	53100	8585	4851	2465	316	844	109
Дудинский горсовет ²	36769	2592	1543	751	298	727 ¹	65 ¹
Усть-Енисейский р-н ¹	3800	1906	51	1800	6	5	44
Хаганский р-н ¹	9200	3679	3539	24	4	112	0
Интенсивные поселения (1992) ¹							
Дудинка ²	32180	505	385	191	30	-	-
Норильск ²	179757	146	83	40	23	-	-
Игарка ²	26506	66	16	6	44	-	-
Поселки Таймыра (1992)	17200 ¹	-	-	-	-	-	-
Отдельные поселки (1990)							
Хантайское Озеро ³	540	476	242	0	229	1	4
Потапово ³	509	252	26	142	68	4	12
Волочанка ³	942	756	373	7	8	368	0
Левинские Пески ³	467	233	199	11	0	11	0
Усть-Авам ³	701	637	325	3	11	296	0
Поселки соседних районов (1988)							
Советская Речка ⁴	148	146	0	0	0	118	0
Чиринда ⁴	336	300	(30) ⁷	0	262	0	0
Озеро Ессей ⁴	799	746	(778) ⁷	0	21	0	0
Тутончан ⁴	554	219	0	327	0	0	0

Таблица 1 (продолжение)

Территории проживания эвенков и долган (1989) ¹	Эвенки			Долганы		
	Общая численность	Владуют эвенк. яз.	Имеют высшее ⁶ образ-е	Общая численность	Владуют долган. яз.	Имеют высшее ⁶ образ-е
Российская Федерация	29901	9075	8464 / 1419	6584	5532	2223 / 250
Таймырский АО	311	217	- / 11	4939	4456	1521 / 131
Эвенкийский АО	3480	2566	182 / 964	(718) ⁷	0	0 / 0
Республика Саха (Якутия)	14428	1226	611 / 4903	408	392	-

Источники данных и примечания

- ¹ Докладная записка, Администрация Таймырского АО, январь 1992.
- ² Госкомстат (1991).
- ³ Петрушин (1992).
- ⁴ Служебная записка, Отдел Севера и Арктики, Администрация Красноярского края, январь 1988.
- ⁵ Госкомстат (1992). Данные переписи 1989 г. не всегда различают эвенков и эвенки. В этом источнике 44 эвена зарегистрированы на Таймыре и 11 эвенков в Эвенкии.
- ⁶ Через косую черту – данные о высшем / неполном высшем образовании.
- ⁷ Якутское население Эвенкии имеет близкие родственные связи с долганами Таймыра. Данные о нем заключены в скобки, поскольку это население официально зарегистрировано якутами.

Таблица 2
Наиболее распространенные растения, рыбы и животные
долины Нижнего Енисея

Русское название	Латинское название**	Эвенкийское название
можжевельник	Juniperus gen.	хэнкэрэ
береза	Betula tortuosa	чалбан, сьалбан
лиственница	Larix sibirica	иректа
сосна	Pinus gen.	дягда
ель	Picea obovata	ахиикта
пихта	Albies gen.	нэнгте
ягель	Cladonia rangiferina	энгкел [мн.]
сиг (Енисейский)	Coregonus lavaterus	хуру, хуручен
ряпушка	Corenonus sardinella	
пелядь	Coregonus peled	
щука	Esox lucius	гуткаар
окунь	Perca fluviatis	нэкэсон
сорoga	Rutilus r. lacutris	нэючан
налим	Lota lota	хенгасаан, хенгаан
хариус	Thymallus arcticus	неру, нерусан
голец	Salvelinus aipinus	хивко
валёк	Coregonus cylindraceos	
сельдь	Clupua harengus	идико
кумжа	Salvelinus drjagini	нораткан
осетр	Asipenser baeri	тана
лосось	Salmo trutta	
тугун	Coregonus tugun	
чир	Coregonus nasus	
муksун	Coregonus muksun	
таймень	Hucho taimen	дэли
куропатка	Lagopus l. koreni	хелиики
журавль	Grus g. lilfordi	чокчонго
гусь	Anser gen.	нгунсаки
ворона	Corvus corax corax	оли
лебедь	Cygnus bewickii b.	гагь
глухарь	Tretrao urogallus	хороки

Таблица 2 (продолжение)

Русское название	Латинское название**	Эвенкийское название
утка	Anas gen.	<i>типкан</i>
лисица	Vulpes v. beringiana	<i>хулаки</i>
песец	Alopea lagopus l.	<i>чатали</i>
заяц	Lepus timidus	<i>мундукан</i>
белка	Sciurus vulgaris calotus	<i>чатера</i>
соболь	Martes zibellina	<i>читкаан, денгкее</i>
росомаха	Gulo luscus	<i>дянтаки</i>
волк	Canis lupus albus	<i>зускоо, илгиси</i>
лось	Alces alus	<i>моти</i>
горный баран	Ovis nivicola	<i>дело</i>
бурый медведь	Ursus arctus yenisensis	<i>амакаати, амакааси</i>
дикие олени, местные	Rang. tarandus sibiricus	<i>бэюн</i>
дикие олени, “морские”	Rang. tarandus valentinae	<i>бэюн</i>
олень		<i>орон</i>
олень-самец		<i>гилге</i>
транспортный олень		<i>юк, ини</i>
2-летний олень-самец		<i>авлакан, монгет</i>
молодой самец		<i>эпкан</i>
хор		<i>хуру</i>
важенка		<i>нгеми, немихаал</i>
не стельная важенка		<i>дюлук, вангай</i>
2-летний олень (самка)		<i>хацари, терегай</i>
новорожденный теленок		<i>хонгаачан, омнокан</i>
теленка одного года		<i>еннгеекен</i>
домашний ручной олень		<i>иргинго</i>

* По мнению ихтиолога А. Копытова, эти рыбы исчезли после строительства Хангайской ГЭС. Он же замечает, что название *кумжа* неправильно употребляется применительно к *Salvelinus*.

** Источники латинских названий: Щелкунова (1984), Грезе (1957), Dement'ev, Gladko (1970).

Таблица 3
Структура семей в Хантайском Озере (январь 1990)

Типы семей	Количество	Процент
Семья с двумя супругами		
без детей	13	6.8%
с детьми	70	36.5%
с детьми, проживающими со своими родителями	1	0.5%
Семья с одним родителем		
с матерью	33	17.2%
с отцом	3	1.6%
с бабушкой	2	1.0%
Сложная семья		
бабушка (глава) - дочь - внучка	8	4.2%
мать (глава) - дочь - бабушка	1	0.5%
братья или сестры с племянниками	1	0.5%
Количество одиноких		
мужчин	32	16.7%
женщин	12	6.3%
пожилых мужчин	7	3.6%
пожилых женщин	5	2.6%
Другие типы семей		
братья или сестра без детей	3	1.6%
двоюродные братья и сестра	1	0.5%
Всего семей	192	100.0%

* Регистрация семей-хозяйств производилась в начале пятилетнего периода; здесь представлены данные на 1990 год. Эта статистика не совпадает с другими таблицами на 1992 год, так как данные промежуточных лет не отражены (браки, разводы, выезд и т.д.)

Таблица 4
Официальная национальность
жителей Хантайского Озера (январь 1992)

Националь- ность	Количе- ство	Процент
Эвенки	223	41.6%
Долганы	237	44.2%
Русские	52	9.7%
Азербайджанцы	7	1.3%
Татары	4	0.7%
Энцы	4	0.7%
Якуты	2	0.4%

Националь- ность	Количе- ство	Процент
Нганасаны	1	0.2%
Саха	1	0.2%
Молдаване	2	0.4%
Чуваши	1	0.2%
Украинцы	1	0.2%
Поляки	1	0.2%
Итого	536	100.0%

Таблица 5
Национальность по месту рождения для глав семей

Национальность	Количество	Процент
«Хантайские»		
хантайские эвенки	66	12.3%
потаповские эвенки	7	1.3%
хантайские долганы	4	0.7%
русские старожилы	7	1.3%
«Каменские»		
каменские долганы	117	21.8%
каменские эвенки	50	9.3%
«Приезжие»		
русские	29	5.4%
азербайджанцы	5	0.9%
молдаване	2	0.4%
татары	2	0.4%
украинцы	1	0.2%
поляки	1	0.2%
чуваши	1	0.2%
представители других малочисленных народов		
энцы	1	0.2%
нганасаны	1	0.2%
саха	1	0.2%
якуты	1	0.2%
Всего глав семья	297	65.2%
Остальные (дети, пенсионеры)	240	44.8%
Итого	536	100.0%

Таблица 6
Глава семьи по национальности, национальности супруги
и брачному состоянию

Главы семей	Кол	Главы семей	Кол
Хантайские эвенки	40	Долганы	64
хантайский + хантайская эв	8	долган + долганка	14
хантайский + долганка	4	долган + каменская эв.	6
хантайский + каменская эв	3	долган + хантайская эв.	5
хантайский + другая	0	долган + другая	0
одинокие матери	10	одинокие матери	21
одинокие пожилые	4	одинокие отца	2
холостяки	8	одинокие пожилые	6
незамужние	3	холостяки	8
		незамужние	2
Каменные эвенки	52	Другие	50
каменский + каменская эв.	4	русский + русская	4
каменский + долганка	13	русский + хантайская эв.	4
каменский + хантайская эв.	1	русский + каменская эв.	1
каменский + другая	0	русский + долганка	9
одинокие матери	17	азербайджанец + долганка	2
одинокие отца	3	другие пары	7
одинокие пожилые	6	одинокие отцы	1
холостяки	4	одинокие пожилые	1
незамужние	4	холостяки	18
		незамужние	3

Таблица 7
 Коллективные хозяйства, сформированные
 из кочевых Советов в долине Нижнего Енисея

Кочевой совет и название артели (год основания)	Центральная усадьба	Количество семей (национальность артели) {семей}	Название нового хозяйства (год основания)
Дудинский район Хангайско-Эвенк. К.С. 1) ППО "Красный Промышленник" (1937) ¹ Норильск-Пясинский К.С. 2) колхоз РККА (1930) ¹ 3) ППО Буденного (1937) ¹ 4) ППО Калинина (1937) ⁶ Дудинский К.С. 5) артель Куйбышева (1935) ² 6) ППО Красный Дудинец (1937) ²	Фактория Таймыр (оз. Хангайское) Часовня (Норильск) Озеро Хета Ст. Черная Дудинка Дудинка	1939: 40 (76 эв, 1 сп) 1938: 28 (41сх, 19эв, 4нц, 1эк) 1938: 8 (12 сх, 11 эв, 2 нц) 1938: ? (86 эв & дн) 1938: 11 (21 рс, 2 сх) 1939: 17 (29 эв)	артель "Красный Промышленник" (1938) Ликвидирован (?1949) Отнесено к 2(1938) Отнесено к 2(1938) Ликвидирована (?1949) артель Кр. Дудинец (1938) ⁸
Потаповский К.С. 7) ППО Лузинский 12-го Октября (1929) ⁵ 13 8) ППО Труженник (1929) ¹⁶	Ст. Вешинин Потаповские Пески	1932: 15 (55 эв & нц) 1935: (18 нц)	Отнесено к 8 (1933?) ¹⁴ артель Труженник (1935) ⁸ Отнесена к 12/27 (1963?)

Таблица 7 (продолжение)

9) ППО Ворошилово (1933) ¹²	Усть-Хангайка	<u>1937</u> : ? (15 нл, 4 эв, 7 сх)	артель Северный Путь (1937?) ¹³ Отнесена к 11 (1958) ¹⁴
10) ППО Заполярник (1936) ⁶	Ст. Потапово	<u>1937</u> : 13 (17 ру)	артель Заполярник (1937) ⁸ Отнесена к 11 (1958) ¹⁴
11) артель Кирова (1932) ^{4,6}	Ст. Николаевск	<u>1938</u> : 16 (18 рс, сл, нл, 1 эв) Хангайские эвенки	Отнесена к 12[27](1959) ¹³
12) оленьсовхоз (1929) ^{10,13} Туруханский район Плахино-Эвенкийский К.С.	Ст. Потапово		ОПХ Потапово(1948) ¹³
13) ППО Муксуникан (1929) ⁵	Фактория Плахино	<u>1932</u> : ? (31 эв)	артель Плахино (1939) Ликвидирована (1958?) Члены переведены в 12
Усть-Курейский К.С.	река Курейка	<u>1935</u> : 6 (26 эв)	Отнесена к 13 (1939)
14) артель Новая Жизнь (1937) ⁴	река Курейка	<u>1935</u> : 16 (81 кт)	Отнесена к 13 (1939)
15) артель Советский путь (1937) ⁴	Озеро Мудуйское	<u>1935</u> : 8 (8 сп)	Отнесено к 13 (1939)
16) ППО Заря(1937) ⁴ Авамский район Волочанский К.С.	Ст. Волочанка	<u>1939</u> : ? (47 сх, 1 тс)	артель Гагарина (1953?)
17) ППО Сталина (1932) ⁶			

Таблица 7 (окончание)

18) ППО "Искра" (1939) ⁶	Ст. Камень	<u>1938</u> : 30 (52 эв, 38 сх, 2 як) <u>1958</u> : 72 (35 дн, 27 эв) ¹³ <u>1938</u> : 30 (52 эв, 38 сх, 2 як)	артель "Искра" (1939?)
19) ППО Ежова (1938) ⁶	Ст. Камень	неизвестно	Переименовано в "Искру" (1939) см. 18
20) оленьсовхоз (1929) ¹¹ <u>Заречинский К.С.</u>	р. Боганида		Отнесен к 17 (1939?)
20) ППО Советская Арктика (1938)	Ст. Медвежий Яр	<u>1939</u> : 14 (17 дн, 17 эв, 2 як)	артель Сов. Арктика (1939?)
21) ППО Калинина (1936) ⁶	Ст. Долганы и Тунгусы	<u>1939</u> : 27 (46 эв-тн, 34 дн)	артель Калинина (1938)
22) ППО 12 декабря (1937) ⁶ <u>Авамо-Нганасанский К.С.</u>	р. Самоедская	<u>1939</u> : ? (39 дн)	Ликвидировано (?)
23) ППО VIII съезда (1936) ⁶	Усть-Авам	<u>1939</u> : ? (102 нг)	Отнесено к 21 (1961)
24) ППО Пура (1936?) ⁷	р. Авам	<u>1939</u> : ? (75 рс)	Отнесено к 23 (1958)
<u>Таймырко-Нганасанский К.С.</u> 25) ППО Шмидта (1936) ^{7 12}	Ст. Пангурма	<u>1939</u> : ? (102 нг)	Отнесено к 17 (1961)

Источники и примечания

* Таблица включает только западную часть бывшего Авамского района и северную часть Туруханского района.

** Для обозначения национальностей использованы следующие сокращения: ээ – эвенки; тс – тунгусы; дн – долганы; сх – саха; як – якуты; эн – энцы; ну – ненцы; сл – селькупы; кт – кеты; нг – нганасаны; рс – русские; эх – "загундренные" крестьяне
1 – ГАТАО 2-1-12 [1937]; 2 – ГАТАО 2-1-8: 32 [1939]; 3 – ГАТАО 2-1-11 [1937]; 4 – ГАРОФ А310-18-133: 257-2 [1936]; 5 – ГАРФ А310-18-21: 36-44 [1932]; 6 – АМАЭ К2-1-129: 17-289 [1939]; 7 – АМАЭ К2-1-118:3 [1939]; 8 – ГАТАО 85-1-15 [1939]; 9 – ГАТАО 2-1-6 [1937]; 10 – АМАЭ К2-1-124: 1-10; 11 – АМАЭ К2-1-130: 52-54 [1939]; 12 – Симченко (1970); 13 – Васильев (1960); 14 – Васильев и Туголуков (1960)

Таблица 8
Государственные учреждения, сформированные на базе колхозов
в долине Нижнего Енисея (1958-1975)¹

Новое хозяйство (год основания)	Центральная усадьба	Количество семей (нац-ость членов хоз-ва) {нац-ость семей}	Реформированные колхозы (год переформирования)
Дудинский район ^А 11) артель Кирова (1932)	Ст. Николаевск	<u>1959</u> : ? {18 рс, 13 нц, 9 эн, 8эв} ⁷	Объединила 9 и 10 (1959-59). Отнесена к 27 [12] (1959) ¹³
17) артель Гагарина (1953?) ²	Ст. Пайгурма	данные неизвестные	Объединила 17 и 25 (1958). Отнесена к 28 (1966).
21) артель Калининна (1938) ²	Ст. Усть-Авам	<u>1962</u> : 131 {69 нг, 72 дн}; <u>1968</u> : 136 (293 дн, 242 нг, 2 эв) ⁹	Объединила 20, 23 и 24 (1961) Отнесена к 28 (1966) как отделение
26) артель Енисей (1949?)	Левинские Пески	<u>1966</u> : 83 <u>1970</u> : 55	Отнесена к 31 (1971) как отделение Возможно, объединила 5, 6 и 8 в 1949
27) ОПХ Потаповское (1948) ^{Б 5}	Потапово	<u>1961</u> : 90 {50рс} 25нц [17эн] 15эв}	Объединила членов 2 после переселения в Курье в 1950-х годах Отнесена к 30 (1975) Объединил 8, 9, 10, 11 (1959-67)

28) с-з Волочанский (1966)	Волочанка	1966: 145 1969: 252 (352 дн, 324 нг, 50 рс) ⁴ 1971: 111 1973: 90	Объединил 17, 18, 21 (1966) Каменское отд. [18] к 29 (1969) Авамское отд. [23, 24, 25] к 31 (1971) Объединил 1 (1968). Объединил каменское отд. 28 (1969) Объединил 26 (1975)
29) с-з Хангайский (1968)	Хангайское Озеро	1975: (241 зв, 125 дн, 83 рс, 6 нг, 1 як) ⁶ 63 (1975)	
30) с-з Енисей (1975)	Левинские Пески		
31) ГПХ Таймырский (1969?) ^в	Норильск	1975: 24 (283 дн, 259 нг, 29 зв, 34рс) ³	Объединил авамское отд. 28 (1971)

Примечания и источники данных

* Для обозначения национальностей использованы следующие сокращения: эв. - эвенки, дн. - долганы; як. - якуты; нг. - ненцы; нг. - нганасаны, рс. - русские.

А В 1958 г Авамский район был упразднен (КЦИХДНИ 26-31-106).

Б Потаповское опытно-производственное хозяйство формально находилось в подчинении НИИ Сельского хозяйства Крайнего Севера в г. Норильске.

В Госпромхоз Таймырский был специально сформирован для проведения массового отстрела диких оленей для Норильского мясокомбината (Грачева 1978; 1980).

¹ Все данные из Научно (Грачева 1976), кроме следующих:

² Васильев и Симченко (1963).

³ Грачева (1980).

⁴ Симченко (1970).

⁵ Васильев (1960).

⁶ Администрация Красноярского Края.

⁷ Васильев и Тутолуков (1960).

Таблица 9
Структура оленеводческих стад на Хангайском Озере
в интервале семи лет (1930-1993)

Год	Отношение хоры/важенки	Кастированные быки	Важенки	Телята	Итого
ШО Кр. Промышленник:					
1930 Всего	3.53	632	179	⇐	811
кулацкие стада (1)	3.58	86	24	посчитаны с важен- ками	110
средняцкие стада (15)	3.03	360	119		479
бедняцкие стада (21)	5.17	186	36	⇐	222
среднее (31)	3.56	17.1	4.8		21.9
артель Кр. Промышленник:					
1937 Всего	0.50	232	460	212	998
кулацкие стада (2)	0.29	53	184	57	310
по членам артели (всего)	0.65	213	326	206	896
высокий пример	0.33	10	30	25	81
низкий пример	1.00	3	3	0	7
в среднем (41 стадо)	0.65	5.1	7.9	5	21.8
1942 Всего	0.72	327	452	209	1127
в личном пользовании	0.72	216	297	96	661
1944 Всего		нет данных			1003
в личном пользовании		нет данных			419
1951 Всего		нет данных			2872
в личном пользовании		нет данных			910

Таблица 9 (окончание)

	нет данных			
[1958]				
[1965]				
1966 Всего	0.17	375	2206	1515 ¹
совхоз Хангайский:				
1969 Всего	0.22	307	1414	689
транспортное стадо (№. 1)	0.35	122	345	96
мясное стадо (№. 3)	0.15	66	440	89
1972 Всего	0.13	257	1986	580 ¹
[1979]				
1987 Всего			2150	
1993 Всего	0.35	548	1575	885 ¹
				4385

Примечания и источники данных

1930: ГАКК 2275-1-22; 1937, 1944, 1951: ГАТАО 2-1-8:5 & 2-1-27; 1942: ГАТАО 85-1-22; 1949 ГАТАО 92-1-1:29-32; 1966, 1972: Научно (1976): 14-17; 1987: Петрушин (1992); 1993: совхоз Хангайский

¹ Эти данные восстановлены на основе процентных показателей.

Таблица 10

Историческая демография долины Нижнего Енисея (1926-1990 гг.)¹

Официальное название	Местное название (мн ч)	Население 1990	1979	1970	1959	1940	1926 ²
Долганы всего	Саха	4,858	4,338	4,344	3,871	2,785	1,231
Таймыр	(Сахалар)	4,858	4,338	4,344	3,871	2,785	
Якуты всего	Саха	-	53	64	63	1,183	1,826
Таймыр	(Сахалар)	-	53	64	63	1,183	
Ненцы всего	Ненец	2,445	2,345	2,247	1,789	1,704 ³	2,730 ³
Таймыр	(Ненець)	2,445	2,345	2,247	1,789	1,704	
Эвенки всего	Эвенки	474	444	413+	413+	1,121	832
Таймыр	(Эвенкил)	328	338	413	-	563	
Туруханск		146	106(1988)	-	413	558	
Нганасаны всего	Нго (Ня)	812	746	765	711	822	[867] ³
Таймыр		812	746	765	711	822	
Энцы всего	Эннечэ	85	-	179	18	- ³	[378] ³
Таймыр		85	-	179 (1966)	18	-	
Кеты всего	Остыг	118	78	-	-	-	(751)
Таймыр	(Остыган)	1	0	0	2	0	29
Туруханск		117 (1988)	78	-	-	-	183
Селькупы всего	Шолькуп	34	45+	-	-	-	(1662)
Таймыр	(Шолькулымт)	2	-	-	-	-	18
Туруханск		32 (1988)	45	-	-	-	59

Источники:

1 Данные Всесоюзных переписей 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 годов имеют разные недостатки. Все данные из следующих источников, кроме специально оговоренных случаев: Таймыр 1990: Статистическое управление ТАО, Таймыр 1959-1979: Отдел Севера и Арктики Красноярского Края, Таймыр 1940: Администрация ТАО, Туруханский район 1959, 1979, 1990: Отдел Севера и Арктики Красноярского Края.

2 Все данные 1926 года из *Материалов Приполярной Переписи 1926-1927* (Новосибирск, 1929). Итоги даны по Туруханскому краю, который включал современные территории Таймыра, Туруханского района и Тазовского района Томской области. Включение последнего района не меняет числа долган, якутов, эвенков и ненцев, проживающих на Таймыре, но превышает число таймырских кетов и селькупов. Для кетов и селькупов сделаны специальные расчеты (данные в скобках), демонстрирующие их численность в Туруханском районе, за исключением Тазовской волости. Региональные итоги для Таймыра и Туруханска представляют Дудинскую и Монастырскую волости. В этой переписи энцы и нганасаны не отличались от ненцев. Данные по ним [в квадратных скобках] даны по книге: *М.Г.Левин, Л.П.Потанов. Народы Сибири. Москва-Ленинград. 1956.*

3 В численность ненцев в 1926 году, по-видимому, включены и те, кто сегодня считаются нганасанами или энцами. В 1940 году в численность ненцев были включены энцы.

Таблица 11
 Официальные и местные этнические названия
 в Хантайском Озере 1992-1993 гг.

Термин (мн.ч.)	Употребление	Значение
звенк (звенки)	научное административное литературное (рус.) разговорное	Официальный термин для коренных жителей центральной и восточной Сибири, которые владеют одним из нескольких диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Термин заменил в научном употреблении слово <i>тулгуз</i> в 1926 году. Часто встречается у эвенков, долганов и русских.
русский (русские)	научное административное литературное (рус) разговорное	Официальный, широко употребительный термин для коренных жителей европейской части России, которые владеют русским языком.
долган (долганы)	научное, административное, литературное (рус), разговорное	Официальный термин для коренных жителей Таймыра, владеющих якутским диалектом. Термин впервые появился в ясачнах описях 17 века. Вошел в научное употребление как название автономии в 1930 г. Широко распространился после 1960 года
якут (якуты)	научное, административное, литературное (рус), разговорное	Официальный термин для коренных жителей республики Саха (Якутия), владеющих якутском языком. С 1992 постепенно заменяется термином <i>саха</i> как официальным названием якутов. До сих пор часто употребляется в этнографической литературе и в разговорной речи как русское название этого народа.
дулган (дулгалар)	административное литературное (дол)	Официальный термин для долганского народа в долганском языке. Впервые появился в школьных букварях в конце 1980-х годов. До этого употреблялся как название рода.

Таблица 11 (продолжение)

саха (сахалар) хака (хакалар)	административное, литературное (як), разговорное	Самоназвание долган. Все поколения понимают этот термин, хотя слово «долган» часто встречается. Был официальным названием долган до 1960 года, теперь используется как официальное название якутязычного населения республики Саха.
тонгус (тонгустар)	литературное (як), разговорное	В республике Саха и на Таймыре этот термин употребляется на якутском языке для обозначения эвенков. На Таймыре он имеет значение «человек, связанный с выпасом оленей».
эвэнки (эвэнкил)	литературное (эв.), разговорное	В большинстве эвенко-язычных районов Сибири - самоназвание эвенков.
яко (якол)	литературное (эв), разговорное	Часто употребляется эвенками в значении «якут». В Хантайском Озере относится к «настоящим» якутам из республики Саха, а не к якутоговорящему населению Таймыра.
лусья (лусьал)	литературное (эв) разговорное	Эвенкийский термин для русских. Повсеместно используется в Хантайском Озере.
тохо (тохол) тæһо (тæһол)	разговорное	Местный эвенкийский термин, обозначающий «народ», «иностранин» или «другие». Употребляется иногда эвенками для долган. См. Василевич (1970).
хэмпо (хэмпол)	разговорное	В районе Потапово употребляется для группы эвенкийских родов, связанных по родству и считающих себя отдельным народом. См. Тутулуков (1985).
тыхаа (тыхаалар)	разговорное	Означает «люди тундры» или «люди с окраины». Эвенки и долганы старшего поколения употребляют его применительно ко всем местным жителям, живущим в тундре. В центральных улусах республики Саха обозначает якутов северо-западных районов. См. Попов (1934) и Долгих (1963).

Таблица 11 (окончание)

арга (аргалар)	разговорное	Термин из Ессейского диалекта якутского языка со значением <i>спина</i> . Употребляется применительно к якутам, коротгорые перекочевали на Таймыр с Озера Ессей.
люча (лючар)	разговорное	Долганский термин, используется в Хантайском Озере для обозначения русских.
тунгус (тунгусы)	разговорное	Часто употребляется русскими для названия эвенков. До 1926 был официальным и научным названием эвенков.
приезжий (приезжие)	разговорное	Русский термин, употребляется местными жителями для русских, украинцев и других из Европейской части Российской Федерации, приезжающих в Сибирь на короткое время.
сибиряк (сибиряки)	разговорное	Широко употребляется для обозначения тех, кто родился или долго жил в Сибири. Как правило, редко употребляется применительно к представителям местного населения.
силдука (силдуки)	разговорное	Разговорный термин, употребляется русскими старожилами долины нижнего Енисей как самоназвание.
хохол (хохлы)	разговорное	Широко употребляется русскими и местными для украинцев.
юрак (юраки)	разговорное	Часто употребляется эвенками для энцев.
хами (хамоседы)	разговорное	Употребляется долганами и якутоговорящими эвенками для нганасанов.
национал (националы)	разговорное	Пейоративный термин, употребляется русскими без различия национальности для представителей малочисленных народов Таймыра.



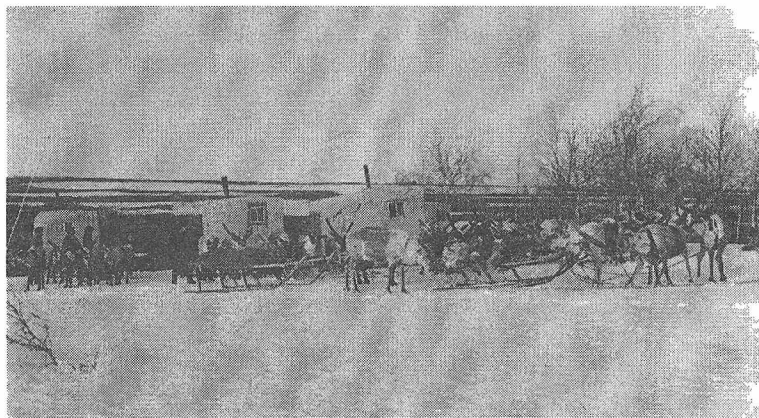
Молодые пастухи 1-й бригады Константин и Володя Утукогир, автор, Михаил Елогирь (весна 1993 г.).



Сергей Сергеевич Еремин, Николай Савельевич Утукогир и Любовь Федоровна Утукогир грузят мясо для поселка.



**Виталий Утукогир гонит 1-е стадо к пастбищу
на своих новых санях.**



Аргиш 1-й бригады (р. Горбиачин).



**Сергей Яроцкий с женой Ириной испытывает финский снегоход
во время охоты на дикого оленя.
Моми Федорович Елогир освежевывает оленя.**



Семья Дмитрия Чемпогира из пос. Хантайское Озеро.



Варвара Чемпогир за изготовлением *чежи* у своего чума в пос. Хантайское Озеро.

Оглавление

<i>От редактора</i>	III
<i>Предисловие автора к русскому изданию</i>	VII
Предисловие	I
Глава I. Введение	5
I.1. Исследователь и место	—
I.2. Таймырский автономный округ	9
I.3. Долина Нижнего Енисея	13
I.4. Поселок Хантайское Озеро	16
I.5. Демография семьи, профессии и самосознание.....	22
I.6. Совхоз Хантайский.....	27
I.7. Первая оленеводческая бригада	38
I.8. Национализм	46
Глава II. Три типа “принадлежности” в Хантайском Озере	49
II.1. Принадлежность к национальности	51
II.2. Принадлежность к территории.....	62
II.3. Принадлежность к коллективу	68
Глава III. О собственной национальности	76
III.1. Малочисленные народы и официальная этнография	77
III.2. Этнографические аномалии: причудливая мозаика	97
III.3. Самоидентификации, имеющие хождение в Хантайском Озере	106
III.4. Инфляция национальности.....	114
Глава IV. О собственной территории	122
IV.1. О тех, кто “тундру знает”	—
IV.2. “Старики ездили везде”	136
IV.3. Землеустроительные мероприятия Советской власти	153
IV.4. Земля исключительно для нас.....	165
Глава V. Принадлежность к коллективу	176
V.1. Экстенсивное родство и национальная эндогамия.....	177
V.2. Культура и коллектив.....	193
V.3. Расходящиеся жизненные пути.....	208
Заключение	216
Постскрипtum	221
Список литературы	225
Архивные источники	242
Приложения	249

Научное издание

Дэвид Джордж Андерсон

ТУНДРОВИКИ

**ЭКОЛОГИЯ И САМОСОЗНАНИЕ
ТАЙМЫРСКИХ ЭВЕНКОВ И ДОЛГАН**

Уч.-изд. л. 16. Усл. печ. л. 16,78.

Тираж 700 экз. Заказ № 220.

Отпечатано в Издательстве СО РАН.
Лицензия ЛР 020909 от 01.09.94.
630090, Новосибирск, 90, Морской пр., 2